

Лит. И. и А. Давиденко въ Кiевѣ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ІЮЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено цензурой. Кіевъ, 21 Сентября 1863 года.

Цензоръ **Малышевскій.**

I.

—

№ 1-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Г. ВИТЕБСКА.

Жалованная королевская грамота короля Сигизмунда III-го витебскимъ мѣщанамъ на МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО. [1]) 1597 г. Марта 17.

(*Списана изъ книги привеллегій, находящейся въ архивѣ витебской городской думы*).

Жикгимонтъ третій, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомойдскій, Мозавецки, Инфлянцкій, а Шведскій, Кготски, Вандалски дедычны король.

---

1) **Магдебургъ** принадлежалъ къ союзу ганзейскихъ городовъ и этотъ германскій городъ, еще въ XII столѣтіи, по замѣчанію Майера (Jnstitut. Judiciaires т. V., р. 205, edit. 1822), до того прославился своимъ правомъ, что съ рѣшеніями его суда сообразовались суды въ Польщѣ, Богеміи, Швеціи и Пруссіи. Магдебургское право заключало постановленія, касающіяся гражданскихъ дѣлъ и проступковъ; предоставляло горожанамъ особый, собственный ихъ судъ и свое городовое управленіе, производимое избранными бургомистрами, райцами, лавниками, подъ предсѣдательствомъ войта, назначаемаго государемъ. Управленіе это называлось магистратомъ и ратушею. Такимъ образомъ, Магдебургское право, освобождая мѣщанъ отъ судовъ постороннихъ—дворянскихъ, охраняло ихъ, во времена мрачнаго феодализма, отъ насилій бароновъ, а въ Польшѣ—магнатовъ, что

Označмуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зособно, нынѣшнимъ и напотымъ будучимъ, кому бы то вѣдати належало, ижъ славутные мѣщане 2) конные посельскіе и все поспольство мѣста нашого Витебского, маючи зъ давныхъ часовъ великіе вольности одъ продковъ нашихъ, королей ихъ мости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ имъ наданые, а не маючи только права Майдебурского и будучи подъ присудомъ замку нашого тамошнаго, не могли къ досконалому порадку и розширеню того мѣста нашого прывести и розмно—

сильно способствовало размноженію и процвѣтанію городовъ, а затѣмъ развитію торговли и промышленности. Въ Польшѣ введено оно въ 13 столѣтіи и, кажется, было дано королемъ Болеславомъ Стыдливымъ, первоначально, для Кракова въ 1257 г.,—(собственно для поселившихся тамъ нѣмцевъ) съ дозволеніемъ переносить дѣла на разсмотрѣніе въ Магдебургъ. Въ послѣдствіи нѣмцы заселили многіе другіе города Польши, и, захвативъ въ свои руки всю внутреннюю промышленность, не признавали законовъ польскихъ, а пользовались Магдебургскимъ правомъ. По примѣру ихъ, тоже право предоставлено было и природнымъ полякамъ привиллегированныхъ классовъ. Послѣ же соединенія Литвы съ Польшею, вслѣдствіе вступленія на польскій престолъ в. кн. литовскаго Ягеллы, польскіе короли стали жаловать Магдебурское право и важнѣйшимъ литовско-русскимъ городамъ, въ уваженіе особенныхъ заслугъ жителей сихъ городовъ, оказанныхъ Рѣчи Посполитой. Вильно, какъ столица в. к. Лит., первое изъ сихъ городовъ получило въ 1387 г. привилегію на сіе право отъ короля Ягайлы. Затѣмъ, по мѣрѣ заслугъ, получали оное и другіе города. Впрочемъ, въ нихъ одни мѣщане судились симъ правомъ; въ дѣлахъ же съ дворянами судились литовскимъ Статутомъ (См. лит. стат. разд. III стр 35 и 37) и это право относилось только къ обывателямъ, бывшимъ въ вѣдѣніи ратуши; имѣвшіе жительство на городскихъ земляхъ, принадлежащихъ замку, епископу и церквамъ, не пользовались симъ правомъ. (См. Вильно, Крашевскаго т. 1 стр. 80).

2) Славутные мѣщане—выборные.

жыти: и били намъ господару чоломъ, вси огуломъ, черезъ посланцовъ своихъ, абы есмо для лѣпшого разможеня того мѣста украинного и въ немъ порадку, прикладомъ продковъ нашыхъ, вызволивши ихъ отъ вшелякой владзы и зверхности вряду воеводского замкового и инныхъ врядовъ земскихъ, право Майдеборгское имъ надали и привилеемъ нашымъ утвердили. За которыми и ихъ милость панове рада и врядники наши, обоего народу, на теперешнемъ соймѣ вальномъ *) при насъ будучіе, и панъ Воевода Витебски вельможны МиколайСапѣга, черезъ листъ свой, сталую вѣрность и подданство ихъ, а звлаща, подъ часомъ валки съ непріятелемъ, великимъ княземъ Московскимъ, продкомъ нашымъ и рѣчи посполитой отдаваные, передъ нами залѣцаючи, въ причинѣ за ними насъ жедали, указуючи то, ижь мѣщане и обыватели мѣста тамошняго, кгды тое право зъ ласки нашое одержать, не только станъ свой лѣпшимъ учинити, але тежъ кгды ся размножатъ и въ маетности запомогутся, и мѣсто нашо тамошнее, яко пограничное (на которомъ намъ и рѣчи посполитой немало залежитъ) за часомъ лѣпѣй и досконалѣй обвароволо и въ большую безпечность противо каждого непріятеля прыведено мѣти могутъ. А такъ мы господарь видѣчи то, ижь высокій маестатъ монарховъ и княжатъ звытяжствомъ валкъ 3) бываетъ подвышонъ, але тежъ съ постановленя правъ и справедливыхъ уставъ до разширенья панствъ и помноженья всего добраго приходитъ (бо добрая устава справедливости всихъ мѣстъ ненарушоный есть фундаментъ, и тою самою за малыхъ великіе и славные мѣста съ оздобою и пожиткомъ рѣчи посполитой уростаютъ; а гдѣ засъ народныхъ уставъ и права писаного варовнаго обыватели не маютъ, тамъ для самаго непорадку, великіе и можные мѣста до згубы и знищенья приходятъ и въ нивоштося оборочаютъ); за чимъ тежъ зъ особливоѣ ласки нашой господарской хотячи станъ и кондецыю тыхъ мѣшанъ нашихъ Витебскихъ лѣпшую учинити и зъ иншими мѣсты нашими головными, такъ въ коронѣ Польской, яко и въ великомъ князжествѣ Литовскомъ поровнати, за причиною ихъ милости пановъ

---

3) Звытяжствомъ валкъ—за побѣду въ сраженіяхъ.

*) Генеральный, общій, главный.

радъ и врядниковъ нашихъ, тое мѣсто Витебское, яко у своихъ границахъ заложено есть и теперь ся маетъ, и всихъ огуломъ обывателевъ мѣста того въ мѣстѣ и на предмѣстю и въ фольваркахъ по селахъ мѣшкаючыхъ, со всѣми ихъ добрами, подданными, маетностю и належностями, съ права земского князства Литовского, отъ всякое юриздикцыи и моцы судовъ головныхъ трибунальныхъ, также зъ моцы всихъ воеводъ Витебскихъ и зъ моцы иншихъ всякихъ воеводъ, каштеляновъ 4) старостъ державцовъ, врядовъ земскихъ и иншихъ преложоныхъ и дѣцкихъ 5) выймуемъ и вылучаемъ и вѣчнѣ вызволяемъ, а поддаемъ ихъ праву и суду Майдеборскому и уставляемъ то, ижъ мѣщанъ мѣста Витебского нихто иншый судити и владзы надъ ними мѣти не будетъ, только *Воитъ* 6) самъ сполне съ бурмистрами, райцами 7) и лавниками 8), водлугъ способу и порядку права Майденбургскаго и прикладомъ иншихъ мѣстъ нашыхъ судити ихъ будутъ. А войта мы и потомкове нашы, короли Польскіе и великіе князи Литовскіе зъ народу шляхетского, вѣры христіанской повшехной, яко право Майдеборское данное указуетъ, ведлѣ воли нашое подавати имъ будемъ веджe каждый войтъ, по упривилеваню на томъ або потомковъ нашыхъ, отъ вышняго до наймевьшаго стану шляхетскаго (заровно въ томъ почитаючи) первѣй присягу на отправованьѣ судовъ и на то ижъ мѣсту жичливый 9) право въ цѣлости задерживати, згубы перестерегати и о помноженѣ и разширенѣ посполитого доброго мѣского старатися будетъ выковати, а потомъ врядомъ войтовскимъ владнути маетъ (якожъ вже дали есьмо тое войтовство земянину нешаму 10) воевод-

---

4) **Каштелянъ**—начальникъ замка, комендантъ 5) **Дѣтцкіи**—смотри № 1. 6) **Войтъ**, отъ нѣмецкаго слова Vogt—судья der Stadtvogt—городской судья. Въ городахъ польско-литовскихъ, гдѣ управлялись Магдебурскимъ правомъ, войты назначались королемъ и собственно они были начальниками однихъ только мѣщанъ и предсѣдателями градскаго суда—Магистрата. 7) **Райцы**, т. е. радцы—совѣтники (ратманы) выборные, судьи или члены магистрата, изъ мѣщанъ. 8) **Лавники**, выборные присяжные засѣдатели градскаго суда, тоже низшіе члены магистрата, ратуши. 9) **Жичливый**—благопріятствующій. 10) **Земянинъ** — владѣлецъ

ства Витебского, урожоному 11) Юрью Лѣтецкому, до живота его). На которое войтовство дали есьмо и село Коровайно, яко передъ тымъ належало и прежніе войтове то держивали и теперешній вже въ держаню своемъ маетъ, такъ и въ часъ пришлый тое село со всѣми принадлежностями и пожитками, и все то, што прежніе войтове держивали и якихъ кольвѣкъ пожитковъ и доходовъ уживали на тое войтовство Витебское вѣчными часы фундуемъ и утверждаемъ. Которому войту нашему теперешнему и потомъ будучымъ даемъ во всѣхъ крыминалахъ 12) и въ иншихъ судахъ и во всихъ справахъ головныхъ и поточныхъ зуполную моцъ водлугъ описаня права Майдеборского судити, сказывати и винныхъ карати До того, войту Витебскому лантвойта 13) постановити позволяемъ, подъ правомъ тамошнимъ Витебскимъ мѣстскимъ осѣлого. Обыватели тежъ Витебскіе мѣсскіе бурмистровъ, райцовъ и лавниковъ водлугъ порядку права Майдеборского и звычаевъ мѣста нашого столечнаго Виленского и иншыхъ мѣстъ нашыхъ обирать и войту нашему тамошнему оказывати повинны будуть; а войтъ особъ на тые вряды водлѣ права Майдеборского обраныхъ присяги выслухати, и до себе на суды ихъ пріймовати и изъ ними справы судовые онъ самъ або лантвойтъ его порадкомъ права Майдеборского отправовати маетъ а мѣщане и все поспольство мѣста Витебского и всякіе рѣчи кровавые и поточные передъ тымъ врядомъ войтовскимъ Витебскимъ каждому жалобливому усправедливятся и за наказомъ судовымъ досыть чинити повинны будуть, а ветьже не иншымъ правомъ, одно водлугъ артыкуловъ и писаня права Майдеборского, яко ся вышей помѣнило А естли бы ся кому кольвекъ судъ вряду мѣстского съ крывдою быти видѣлъ, таковому каждому вольно будетъ до насъ господара и до потомковъ нашыхъ за дворомъ апеллевати: веть же и на дворѣ нашемъ тымъ же правомъ

земян. Въ Польшѣ земяниномъ называлея каждый шляхтичъ, имѣющій свою осѣдлость, не служащій въ войскѣ и не имѣющій права засѣдать въ сенатѣ. 11) Урожоный—благородный, шляхетный 12) Крыминалъ—уголовное преступленіе. 13) Лантвойтъ—помощникъ войта.

Майдеборскимъ сужоны быти мають. А кгдыбы войтъ въ судѣхъ важныхъ, самъ, або изъ иншыми врядники, не зъ особы, але зъ уряду своего крывду кому учинили: тогды за позвомъ нашымъ, будуть повинны передъ нами господаремъ становитися и водлугъ права Майдеборского усправедливятися, певнымъ рокомъ 14) отъ положенія позву 15) нашого (если въ коронѣ Польской, то за семъ недѣль, а если въ великомъ князствѣ Литовскомъ будемъ, за чотыри недѣли). Гербъ надаемъ мѣсту нашому Витебскому, въ блекитномъ 16) полю образъ Спаса Збавителя нашого, и прытомъ заразъ трохи нижей мечъ голый червоны, што ся маетъ разумѣть кровавый и таковогожъ гербу печать тому мѣсту надаемъ и утверждаемъ, и въ семъ листѣ нашомъ вымалевать его есмо казали 17); которою печатью врядъ одного мѣста листы у судахъ и въ инныхъ справахъ и потребахъ мѣсскихъ печатовать, и того гербу тое мѣсто уживати маетъ вѣчными часы. А ижъ тежъ мѣста нашы упривильеванные для оздобы мѣстскоѣ и хоругвы мають; ино мы тежъ и тому мѣсту нашому Витебскому межи иншыми оздобамы 18) и тотъ клейнотъ 19), хоруговъ, подъ тымъ же выше мѣненымъ гербомъ надаемъ и у вѣчные часы утверждаемъ: мають мѣщане Витебскіе тоѣ хоругвы за справою вряду мѣского войтовского уживати, и подъ часъ посполитого рушенія 20) и потребы военное при хоругвѣ земской Витебской съ хоругвою своею мѣсскою становитися и никоторыхъ незгодъ и разрозненя не уживаючи, тежъ хоруговъ земскую повѣтовую и станъ рыцерскій шляхетскій въ звыкломъ пошанованю и учтивости маючи отпоръ непріятелю зодного давати. И людемъ ремесленнымъ, каждому цѣху свою хоруговъ въ томъ мѣсте нашомъ Витебскомъ за справою и вѣдомостью вряду мѣского мѣти поз-

---

14) **Рокъ**—годъ. 15) **Позевъ**—сыскъ, сыскная грамота, которою извѣстное лицо призывается въ судъ, чрезъ присяжно городоваго служителя, а въ отношеніи дворянъ—чрезъ Вознаго. 16) **Блекитный**—голубой. 17) Въ подлинникѣ послѣ сихъ словъ помѣщвене изображеніе герба, раскрашенное акварелью. 18) **Оздоба**—украшеніе. 19) **Клейнотъ**—драгоцѣнная вещь. 20) **Посполите рушенье**—поголовное ополченіе. 21) **Станъ Рыцерскій,**—состоящая изъ шляхты конница, вообще—войско.

воляемъ и вѣчнѣ утверждаемъ. А штося дотычетъ винъ и судовъ права Майдеборского въ томъ мѣстѣ, такъ ховать уставляемъ яко тое право Нѣмецкое Майдеборское учитъ. Отчизны ихъ, фольфарки имѣня, села, поля мѣсскіе и пущи, здавна мѣщаномъ Витебскимъ належачіе, тыхъ яко хто чого передъ тымъ уживалъ, такъ и на вси потомные вѣчные часы уживати маетъ подъ правомъ Майдеборскимъ и зверхностью вряду тамошнего Витебского мѣсского. Ктому тежъ крамницы и коморы 22) для складаня рѣчей и товаровъ, такь тежъ ятки мясные 23) пострыгальню 24) торговое, перевозъ на рѣкѣ Двинѣ и на Лучосѣ, лазню 25) мѣсскую на пожытокъ того мѣста збудовати вольность падаемъ, домъ тежъ гостинный для людей пріѣзджихъ купецкихъ, зъ вагою 26) мѣскою, подлѣ первшого давнего звычаю ихъ и помѣрное отъ збожья 27) всякого подъ справу и присудъ мѣсскій на пожитокъ 28) того мѣста прылучаемъ и поддаемъ вѣчными часы. До того яко съ давныхъ часовъ, отъ продковъ нашихъ, королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ обыватели мѣста Витебского маютъ привилья имъ наданые которыми ихъ на вѣчные часы отъ мытъ 29) всякихъ во всихъ панствахъ нашыхъ вольными учинено, которое вольности они и до сихъ часовъ спокойне уживаютъ: тогды и мы тымъ теперишнимъ прывильевъ продковъ нашыхъ и водлугъ ужываня ихъ, отъ плаченя мытъ старыхъ во всихъ панствахъ нашихъ, въ коронѣ польской и великомъ князствѣ литовскомъ и въ земли Лифлянской, въ мѣстѣхъ нашихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свѣцскихъ и въ дорогахъ, купцовъ мѣста вызволяемъ и вольностъ имъ въ томъ здавна надацою утвержаемъ. Кутому тежъ вси пожытки и доходы тому мѣсту витебскому здавна належачые которыхъ они и до сихъ часовъ въ ужываню были и которые одъ воеводъ нашыхъ Витебскихъ и намѣстниковъ ихъ на нихъ надъ

---

22) **Крамницы и коморы**—лавки и таможни, и вообще коморою назывались въ городахъ мѣста, гдѣ складывались товары, еще не очищенные пошлиною. 23) **Ятки**—мясной рядъ, лавки. 24) **Пострнгальня**—цирюльня. 25) **Лазня**—баня. 26) **Вага**—вѣсы. 27) **Збожье**—зерновый хлѣбъ. 28) **Пожитокъ**—польза. 29 **Мыто**—пошлина.

права и вольности ихъ вытяговано и изъ мусу брано, яко струговое 30), чолновое, возовое, узвѣстки и квитовое 31), когды за границу ѣдутъ, у Витебску на Лучосѣ, у Суражу и на Велижу, такъ тежъ и тые, которые властнѣ брать належало, яко пересуды 32), вины и вси иншые пожытки и доходы, теперишнимъ листомъ привильемъ нашимъ имъ вѣчнѣ даемъ и утверждаемъ; маютъ они тыхъ всихъ пожитковъ, въ томъ привилью нашомъ помѣненныхъ, яко тыхъ, которыхъ въ держаню до того часу были, такъ и тыхъ, которые и на потомъ прибавити могутъ, на врадъ мѣскій войтовски и ку ратушу на пожитокъ мѣски Витебски уживати на вси потомные часы; а за то мѣщане мѣста Витебского ратушъ къ оздобѣ мѣсской збудовати и фундовати повинны будутъ и на улицахъ мѣскихъ, глѣбы кольвѣкъ потреба того была, мостъ мостити або бруковати и опатривати маютъ, за справою и дозоромъ тамошнего вряду мѣсского.

А ижъ прерečоное мѣсто наше Витебское, съ давныхъ часовъ, одъ продковъ нашыхъ, межы иншыми вольностями и то обваровано маетъ, же княземъ, паномъ шляхтѣ мѣщанъ своихъ вмѣстѣ Витебскомъ невольно мѣти, тогды и мы яко пры всихъ вольностяхъ такъ и прытомъ правѣ ихъ въ цѣлости заставуючи, утвержаемъ и вечными часы мети хочемъ, абы нихто вшелякого стану людей одъ вышшаго до наймнѣйшого стану въ помененомъ мѣстѣ нашомъ и предместiяхъ собе непривлащалъ и не мѣлъ: бо многыми юриздыкцыями 33) и зверхностями мѣста нищѣютъ. Якожъ и мы, по дате сего привилея нашого, никого и ни которыхъ добръ отъ юрисдикцыи мѣское Витебское вылучати и вызволати немаемъ, и никому жадныхъ привилеевъ зъ уймою владзы и зверхности вряду тамошнего и доброго посполитого мѣского давати не будемъ; а хотя бы хто и одержалъ отъ насъ привилей нашъ яко во всемъ, такъ и въ томъ помѣненномъ артыкулѣ моцно держанъ быти маетъ. А кгды бы которы шляхтычь, одъ высшого до меньшого стану заровно въ томъ почитаючи, осѣлость въ мѣс-

---

30) **Стругъ**—родъ барки. 31) **Квитовое**—пошлина за квитанцію. 32) **Пересуды**—исковая пошлина. 33) **Юриздикцыя**,—вѣдомство, управленіе.

тѣ Витебскомъ, або по предместью набылъ, тогды съ тою оседлостю не иншому, але тому праву и юризяикціи вряду мѣского тамошняго во всемъ поддегати и всякія повинности заровно со всими обывателями выконывати повиненъ будеть. Если тежъ люде розныхъ становъ духовныхъ и свѣцкихъ якимъ кольвекъ способомъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ и на предмѣстяхъ оселости свои маютъ и которые те изъ купецтва, ремесла, альбо торговъ мѣскихъ уживаютъ: тогды будучи подъ тымъ правомъ Майдеборскимъ, заживаючи и веселючися зъ него, подъ вси тѣжары мѣскіе поддегати и заровно зъ иншими тые тѣжары и оборону противъ непріятели выконывати мають. А надъто къ пожитку и розмноженю ихъ, надали и утвердили есмо въ томъ же мѣстѣ Витебскомъ ярмарокъ годовый одинъ, на день святаго Петра, свята римскаго, которы чрезъ чотыри недѣли трвати маетъ; и на томъ ярмарку всякого стану люди наши и чужоземцы, такъ тые, которы торговати, то есть, товары продавати, яко и тые которые куповати будутъ, никоторыхъ мытъ и цѣлъ 34) нашыхъ и жадныхъ иншыхъ никому таывати не маютъ и повинны не будуть. На тотъ же ярморкъ позволяемъ имъ мѣти складъ, сто мѣдницъ меду разсытивши, доброволнѣ и безмытнѣ вышинковать. Торги тежъ каждого дня вольно имъ мѣвать, окромъ святъ урочистыхъ и недѣлй, и тые ведлѣ обряду и звычаю костела римского безъ отправованя работъ и торговъ въ ушанованю отправовать приказуемъ. Якожъ всимъ якого кольвекъ стану людемъ купецкимъ, фуманомъ и каждому прыѣзжому, отколь кто кольвекъ до того мѣста Витебского съ товарами на торгъ альбо на ярмарокъ прыѣдетъ, даемъ вольность продавати куповати, замѣняти и изъ нихъ вольно и безпечно одѣзжати, отдавши и поплативши повинность мѣскую, окромъ таковыхъ людей, которые бы тамъ, приѣхавши якого злочинства важивали, и за тымъ товарыство межи людей добрыхъ мѣти годными небыли: тые таковыхъ правъ и вольностей отъ насъ наданыхъ уживати немаютъ. Ведьже купцы приѣзджые необчимъ купцомъ, только купцамъ обывателемъ мѣста Витебского всякіе товары огуломъ

---

34) **Цѣлъ,**—отъ существ. цло, съ нѣмецк. zoll, тоже что мыто, пошлина.

продавати мають: а они зась купцы Витебскіе каждому обчому и насторону также и въ мѣстѣ порозну тыежъ товары продавати будуть. Гости пріѣзджые купцы нигдѣ индѣ, только передъ войтомъ и врядомъ мѣстскимъ тамошнимъ судитися и справы свои отправовати и каждому укрывжоному успраеедливятися повинны будуть о всякіе выступки тамъ у Витебску пополненные. А ижъ каждый врядникъ для доскональшаго отправованя справъ вряду его належачихъ спокойного мѣшканя потребуетъ и для того они по коемъ особливыъ посполитѣ обварованы бывають (яко тому ясные приклады въ иншыхъ мѣстѣхъ нашихъ упрывілееваныхъ суть): тогды мѣсту нашому Витобскому зъ ласки нашое варуемъ, ижъ на ратушу, также въ домѣхъ войтовскомъ, бурмистровскихъ райцовъ и лавниковъ врядники наши жолнеры 35) гайдуки, слуги воеводскіе, врядовые и нихто зъ гостей пріѣзджихъ становитися немають и никому господы у нихъ зъ уряду записыванѣ быти немогуть, опрочь самое бытности нашое господарской. *Жидове* тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ ни якихъ осѣдлостей водлугъ давного звычаю мѣти не мають. Людей ремесленныхъ, золотаровъ, кравцовъ, ковалевъ, котляровъ, рѣзниковъ 37), сыромятниковъ, кожемякъ 38; пекаровъ, гончаровъ 39), шевцевъ, теслевъ 40), кушнеровъ 41), и иншихъ всякихъ ремесленниковъ отъ работы замковой вольными чынимъ. А подводъ подъ посланьцовъ нашихъ яко предъ тымъ недавали, такъ и теперь давати немають вѣчными часы; а по выйстю перемирія, подъ часъ непокою и вальки съ непріятелемъ панствъ нашихъ великимъ князем Московскимъ и противо каждого непріятеля обыватели мѣста Витебского водлугъ стародавного звычаю, подъ справою войта своего будучи, оборону и всю повинность военную выконывати повинны будуть: але подъ часъ покою и перемирія на всякіе тѣжары къ войнѣ и небеспеченству належачіе они прымушаны быти не мають, и овшемъ въ покою захованы будуть. Вилькеръ 42), то есть способъ порядку по—

---

35) **Жолнеръ**,—солдатъ. 36) **Кравецъ**,—портной. 37) **Рѣзникъ**,—мясникъ. 38) **Кожемяка**,—кожевникъ. 39) **Гончаръ**,—горшечникъ. 40) **Тесля**,—плотникъ. 41) **Кушнеръ**.—шапочникъ. 42) **Вилкеръ**,—съ нѣмецкого.

винностей и иншыхъ розныхъ справъ къ доброму посполитому мѣщаномъ нашимъ Витебскимъ згоднѣ зъ войтомъ намовити и установити позволяемъ и по намовеню и установленю ихъ держати и водлѣ тогося заховати всимъ прыказуемъ и утверждаемъ. А ижъ тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ мѣщане тамошніе до сего часу двухъ назвискъ заживали, одны конными, а другіе поспольствомъ 43) ся называли и одны на другихъ ся прыкладали; прото мы имъ всимъ тое право Майдеборское надаючи, всихъ ровнаемъ, такъ ижъ вжо назвискъ собе ниякихъ невынайдуючи, ани одны на другихъ не прикладываючися, вси одное кондыцыи 44) быти маютъ, яко и въ иншихъ мѣстахъ нашихъ упривилеіованыхъ До выбраня доходовъ мѣскихъ тыежъ присяжные врядники мѣскіе быти маютъ: съ которыхъ доходовъ и всихъ приходовъ и расходовъ мѣскихъ, въ кажды годъ, на день Нового лѣта водлѣ календару римскаго, личбу 45) передъ войтомъ и посполъствомъ чинити повинны будутъ; а войтъ личбы выслухавши, зъ вѣдомство поспольства ихъ квитовати будетъ, и квитацыя войтова такъ яко и нашая господарская важна быти маетъ. Въ которомъ то правѣ Майдеборскомъ отъ насъ наданомъ также и въ иншыхъ всихъ вольностехъ отъ продковъ нашыхъ наданыхъ и отъ насъ господара поприсѣжоныхъ, которыхъ до сего часу въ спокойномъ уживаню были и которые имъ теперъ отъ насъ наданы и утвержены суть, прежречоныхъ мѣщанъ и обывателевъ мѣста Витебского счадковъ и потомковъ ихъ, которые бы осѣлостей слушнѣ потомъ тамъ набыли, никого зъ нихъ невылучаючи, але всихъ, огуломъ, въ мѣстѣ и на предмѣстяхъ мѣшкаючихъ, съ кгрунты и фольварками ихъ на селахъ будучими, вѣчне заховати хочемъ и за потомковъ нашихъ, королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ обѣцуемъ и прирекаемъ. А воеводѣ нашому Витебскому теперешнему и на напотомъ будучимъ, также врядникомъ нашимъ земскимъ, дворнымъ и гродскимъ, а особливо судьямъ головнымъ трибунальнымъ 46) и иншымъ

---

43) **Посполъство**,—чернь. 44) **Кондыція**,—сословіе. 45) **Личба**,—счетъ, отчетъ. 46) **Трибуналомъ** называлось въ Польшѣ верховное судилище, куда поступали апелляціи изъ городскихъ и земскихъ судовъ.

всякимъ судьемъ и врядникамъ нашимъ приказуемъ, абы надъ тое право отъ насъ мѣсту Витебскому наданое, жадноѣ трудности мѣщаномъ Витебскимъ не чинили, але вовсихъ тыхъ вольностяхъ и свободахъ здавна и теперь имъ наданыхъ, такимъ порядкомъ яко противъ мѣщанъ нашихъ Виленскихъ и инашихъ мѣстъ упривилеѣваныхъ заховатися звыкли, абы и противъ ихъ такъже ся спокойнѣ заховали для ласки нашое господарское, А для лѣпшое вѣры и певности тоѣ рѣчи, сесь нашъ привилей рукою нашою подписавши, печать нашу къ нему паривѣсити есмо росказали. Писанъ у Варшавѣ, на соймѣ вальномъ 47), лѣта отъ нароженя сына Божого тысѣча пятдевятьдесятъ семого, мѣсица Марца семнадцатого дня (1597), при бытности ихъ милостей велебныхъ въ Бозѣ, яснѣвельможныхъ и урожоныхъ пановъ сенаторовъ нашихъ духовныхъ и свѣцкихъ, также врядниковъ земскихъ и дворныхъ короны Польской и великого князства Литовского: Станислава Карнковскаго, арцыбискупа Гнезненьскаго; Яна Дмитра Суликовскаго, арцыбискупа Львовскаго; Юрія Радивила кнежати на Олыцѣ и Несвяжу кардинала и бискупа Краковскаго; Берната Матѣевскаго Луцкого и Берестейскаго; Вавринца Кгалицкаго Премыслского бискуповъ; Януша кнежати Острожскаго, каштеляна Краковскаго; Яна Фирлея зъ Дубровицы воеводы Краковскаго, старосты Новомѣстского; Яроша Кгостомкого, воеводы Познаньскаго; Крыштофа Радивила кнежати на Биржахъ и Дубникахъ, воеводы Виленского, гетмана найвышшого великого князства Литовского; Яронима Ходкѣвича каштеляна Виленьского; Юрія Мнишка, воеводы Сендомирского; Яна Абрамовича, воеводы Сендомирского, старосты Лидского; Ѳеодора Скумина воеводы Новогородского, старосты Городеньского; Крыштофа Зеновича воеводы Мстиславского; Андрея Зборовского Каштеляна Бецкого; Миколая Жабридовскаго Маршалка великого коронного, старосты Краковскаго; Яна Замойскаго Канцлера и гетмана коронного, старосты Белзского; Льва Сапѣги, канцлера великого князства Литовского, Старосты Слонимского; Яна Тарновского подканцлерого коронного и Габріеля Войны подканцлерого великого князства Литовского, старосты Мерецкого; Яна Фирлея зъ Дубровицы, подскарбія земского коронного; Димитра Халецкого съ

---

47) Вальный, общій, генеральный.

Хальча, подскарбія земского великого князства Литовскаго, старости Берестейского; Вавринца Кгенбицкого секретаря коронного; Матѣя Войны и Яроша Воловича, писаровъ великого князства Литовского; Миколая Сапѣги, Матѣя Бурминского, Александра Корвина—Кгонсевского, Доминика Обрынского, секретаровъ и иныхъ многихъ врядниковъ и дворянъ нашихъ [1]).

Sigismundus Rex.

L. S.

---

[1]) Витебскіе мѣщане, выведенные изъ терпѣнія жестокими гоненіями и насиліями, какими понуждалъ ихъ къ уніи полотскій ерхіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, въ 1623 году возмутились противъ него и убили. Вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, непосредственно участвовавшіе въ семъ проступкѣ, осуждены были къ разнымъ казнямъ, и весь городъ Витебскъ, признанный виновнымъ въ заговорѣ противъ ненавистнаго ему архіепископа, декретомъ короля Сигизмунда III-го и сеймовою конституціею, лишенъ былъ прежнихъ правъ и привиллегій, въ томъ числѣ и Магдебургскаго права. Но преемникъ и сынъ Сигизмунда, Владиславъ IV, за оказанныя витеблянами разныя услуги Рѣчи Посполитой, во время войны съ Россіею, право это имъ возвратилъ въ 1641 году, впрочемъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы навсегда оставались въ уніи. Тѣже изъ нихъ, (какъ сказано въ привиллегіи на сіе право) которые пребудутъ твердыми въ вѣрѣ своихъ предковъ, т. е. въ православіи, имѣютъ по прежнему быть подъ властію воеводы и, такимъ образомъ, Магдебургскимъ правомъ не должны пользоваться. Право это подтверждали для Витебска и преемники Владислава, короли: Янъ Казиміръ (1650 г.), Михаилъ Корыбуттъ Вишніовецкій (1664 и 1697 г.), Іоаннъ III (1676 г.), Августъ II (1697 г.), Августъ III (1735 г.) и Станиславъ Августъ Понятовскій (1764 г.), наконецъ онъ же, 1 января 1767 года, подтвердилъ всѣ привиллегіи, пожалованныя Витебску со временъ Казиміра и Ягайлы до его царствованія. (Смотри книгу привиллегій, находящуюся въ архивѣ витебской градской думы.

№ 2-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БѢЛОРУССКОЙ ЦЕРКВИ.

1.

Выписъ изъ гродскихъ книгъ Замка господарского воеводства витебского рѣшенія исковаго дѣла, по жалобѣ священника витебской Іоанно-Богословской церкви, отца Іоанна, на вдову Натомилу Марковую и на сыновъ ея, завладѣвшихъ церковною землею, Ѳедоровщина называемою. 1546 г.

(Списана съ подлинника, находящагося въ архивѣ Іоанно-Богословской церкви.)

Лета отъ нароженя сына Божего тисеча пятсотъ девятдесятъ первагo месеца Іюня шеснадцатого дня.

На враде господарскомъ кгродскомъ воеводства Ветебского передомною Яномъ Войною Ромейкомъ Наместникомъ Витебскимъ отъ его милости Вельможного пана Миколая Сопеги воеводы Витебского Старосты [1]) Велижского державцы Сурожского пана моего Свещанникъ церкви Светого Ивана Богослова Федоръ Колоша оповедалъ то ижъ дей што который листъ маю въ себе на землю и кгрунтъ [2]) церковный тедысе вжо велми злежалъ который дей тотъ листъ свой передъ вашмостью покладамъ и проше, абы пречитанъ и до книгъ кгродскихъ Витебскихъ уписанъ былъ, а такъ я за прозбою его у того листу печати огледавшы и достаточне вычытавшы до книгъ кгрод-

---

[1]) **Староста**,—старшина, начальникъ. Въ Польшѣ управители королевскихъ столовыхъ имѣній назывались старостами. Ихъ назначали сами короли и обязывали извлекать изъ имѣній доходы и собирать дани въ пользу королевского двора. Въ послѣдствіи короли, во многихъ изъ своихъ экономій, строили замки и отдавали оные въ вѣденіе сихъ старостъ. Подъ управленіе подобныхъ старостъ отдавались и собственно принадлежавшіе королю города.

[2]) **Кгрунъ**,—пахатная земля.

скихъ Витебскихъ уписати велелъ и спочатку ажъ до конца слово отъ слова таксе въ собе маетъ. Я Михайло Сокулъ Наместникъ Витебскій велможного Пана Станислава Петровича Кишки воеводы Витебского державцы Усвятского и Езерищского Жаловалъ мне Священникъ Господарский Витебский служитель светого Иоанна Богослова Ерей Иванъ на боярыню господарскую повету витебскою Натомилу Марковую и на сыновъ ее на Михъна и на Юхна и на Богдана очевисто передними тутъ у замку будучи о томъ, чтожъ дей они земли церковные ку своей земли привлащаютъ и ее дей пашуть и вжываютъ [1]) а мне ее ку церкви Божей поступати не хотять которуюжъ дей землю на име Федоровщину еще великая кнегиня Оуляна Олкгирдовая [2])

---

[1]) **Привлащать**,—съ польскаго, усвоивать; **вживать**, — тожъ съ польскаго употреблять.

[2]) **Ольгердъ Гедиминовичъ** еще при жизни своего отца (около 1318 г.) женился на Маріи, дочери независимаго въ то время витебскаго князя Ярослава Васильевича и до смерти тестя, скончавшагося въ 1320 г. жилъ въ городѣ **Усвятѣ** принадлежавшемъ къ витебскому княжеству. Потомъ по кончинѣ онаго, получилъ это княжество въ полное свое владѣніе, въ видѣ приданаго за женою, а городъ Витебскъ сдѣлалъ своимъ мѣстопребываніемъ до смерти Гедимина и низверженія въ 1345 году съ великокняжескаго литовскаго престола брата своего Явнутія. Тогда Ольгердъ, объявивъ себя великимъ княземъ литовскимъ, перешелъ на жительство въ Вильно, а витебское княжество присоединилъ къ Литвѣ. Сперва это княжество управляемо было то намѣстниками, то сыновьями Ольгерда. Но послѣ его смерти Витебскъ отданъ былъ во владѣніе вдовствующей княгинѣ Ульянѣ Александровнѣ, второй супругѣ Ольгердовой, матери преемника его Ягеллы, которая здѣсь и скончалась. Она при церкви св. Духа, построенной кажется еще Ольгердомъ, во время пребыванія его въ Витебскѣ, основала дѣвичій св. Духовъ монастырь, гдѣ незадолго до смерти постриглась въ монахини съ именемъ Маріи. (Stryjkowski Kronika Litt. Cz, 1. str. 381 i Cz. 11 str. 2; Исторія Россійская Карамзина Т. IV стр. 328). Самъ Ольгердъ, по убѣжденію Уліаны, предъ кончиною своею, принялъ православіе, постригся въ мо-

надала за предковъ моихъ на церковъ Божю а тая дей Федоровщына служба зуполная была, то пакъ еей тому летъ з десять яко еще небощикъ [1]) мужъ ее Марко почалъ былъ тую землю заходити и далъ ее въ покой и я ихъ нехотечи тутъ у Замку судити яко о земленую речъ положилъ самъ имъ обеимъ сторонамъ рокъ [2]) тамъ на тую землю выехати и межи ними справедливости досмотрети и кгдыжъ тотъ рокъ пришолъ и я на тую землю выехалъ а со мною на тенъ часъ были бояре господарскіе Повету Витебского панъ Леика Борисовичъ Ловчый Витебскій а панъ Григорей Глебовичъ Шапка а Иванъ Пилицкий пана его милости Кгабрыеля (Гавріила), а мещане места Витебского Радко Щуровъ Гриша Гуторъ а Стефанъ Лускина и Иванъ Кузнецъ а тивунъ и Лемницкій Иванъ Ушакъ и тотъ свещенникъ повторе намъ жалобу положилъ яко вышей описано штожъ дей они земли церковвое на име Федоровщины не мало позаходили и понапахивали и мы пытали [3]) тое Марковое и сыновъ ее Михна а Юхну а Богдана штобы они тому мовили она зсыновями своими поведила тое дей земля о которую Священникъ жалуетъ выслуга мужа моего небощика Марка на име стрежчина а не Федоровское земли бо дей я втую Федоровщыну не вступаю з детьми своими на которуюжъ дей землю мужъ мой пебожчикъ мелъ листы Господарские нижли дей тые листы в часы валечные [4]) отнепріятеля Господарского погинули и мы дей вжо часъ не малый тое земли вдержаньи есть и тотъ свещенникъ поведилъ, Вы дей тоежъ земли церковное Федоровщины позабирали кругомъ до которое дей земли

нахи съ именемъ Алексія и погребенъ въ Вильнѣ, въ одной церкви съ своею первою супругою Маріею, скончавшеюся въ 1346 г. Kraszewski Wilno T. 1; Narbutt Kronika Litewska; Акты города Вильны, Трокъ и проч. издан. въ Вильнѣ; Stryjkowski Kronika litewska Cz. 1; Bielski Kronika Polska i Litewska и многіе другіе.

[1]) Небощикъ, — покойникъ.

[2]) Рокъ, — срокъ, собственно годъ.

[3]) Пытали, — съ польск. спрашивали.

[4]) Валечные, — съ польск. храбрые.

жадного [1]) вступу немели якожъ дей и мужъ ее Марко сталъ былъ въ тую землю се вступовати и по дей я о томъ жаловалъ воеводе Витебскому Пану Матею Войтеховичу воеводе бывшему витебскому и позвы его позывалъ нижли деи онъ передъ его милостю стати нехотѣлъ и той земли далъ былъ упокой который же позвовъ пана Матеевъ писаный до мужа ее Марка передъ нами поклодалъ ожалобу тоежъ земли и мы пытали того Свещенника естлибы онъ мелъ на тую землю якие листы онъ переднами въ казывалъ Евангелие [2]) вкоторомъ же Евангеліи описуетъ кнегиня Оуляна Олкгирдовая ижъ тую землю Ѳедоровщину зуполну службу надала на Церковъ Божю светого Иоана Богослова и врочища [3]) покуль маютъ священники тую землю на Церковъ Божю держати и тотъ священникъ надто поставлялъ переднами двадцати и трохъ светковъ людей добрыхъ обополныхъ которые дей тое земли Федоровщины есть добре сведоми с давныхъ часовъ ижъ то церковная земля и выдалъ светковъ на держане предковъ своихъ первыхъ священниковъ светого Иоана Богослова на име Мишка горчыничъ а Федка Косою и Артема Жаркихъ а Костяка Панкрата а Полуйка Татаревихъ а Юрка Ботыничъ а Козму Екатовичъ а Тимошка Станкевичъ а Ходьку и Отрошка а Олфера и Лемницкихъ а Максима Боселиловичъ а Ивана Ямского а Ольфера Синника а Федора Пырызова а Федора Мякихъ а Радивона Митутиничъ а Павла а Кузму Мякихъ а Лукъяна Латыгольскихъ а Левона Парфеновичъ а Якова Жаробыку а Овдея Жолтого каждый ихъ видалъ тыи дей святому добре зведоми ижъ дей предки мои завжды тую землю которую она з детми своими забрала и збожемъ на сѣела державали ку Церкви Божое и мы пытали естлибы то мела быти выслуга мужа ее, а нецерковная она поведила светковъ дей нато жадныхъ не маю а пытали есьмо ест-

---

[1]) **Жадного**,—никакого.

[2]) Древніе православные русскіе князья имѣли обычай свои записи на угодья и имѣнія, въ пользу извѣстной церкви, вписывать собственноручно въ напрестольное евангеліе. Съ такими записями Евангелій дошло до насъ весьма много.

[3]) **Врочищѣ**,—граничная, межевая черта, вокругъ извѣстной земли.

либы она хотела з теми своими на тыи светки священниковы слатисе и она обобрала з детьми своими съ тыхъ его светковъ шести кусведетству на име Федка Косого а Полуйка Татарскихъ а Юрка Ботыничъ а Ходьку а Ивана Ямского а Ходора Пырызова што дей тые его светки посветчатъ того дей утерплю и кгдюжъ на светкисе зослала и ихъ ку сведотству принела допиралисе того абы мела на томъ з детьми своими присегнути штожъ дей то мужа моего выслуга ино намъ се невидѣло абы мела она на томъ з детьми своими присегати кгды вже на светки се сослала и ку присезе ихъ допустила присяги есмо недопустили и тыхъ шести светковъ которыхъ она ку сведотсту обобрала пытали естлибы они были той земли сведоми о которую священникъ жалуетъ чия есть они всѣ шесть передъ нами отказали мы дей тому есть зъ давныхъ часовъ добре зведоми ижъ дей та земля о которую священникъ жалуетъ властная церковная той Федоровщыны а не марковое Стрежзчина и хочемъ дей завести яко достаточне зведоми и я посылалъ ку за мещанъ Витебскихъ Ивана Кузнецова а Стефана Лускину они за росказаньемъ нашымъ стыми светками кругомъ тое земли ездили и намъ приехавши отказали в тотъ способъ кгдыжъ дей повели насъ тыи светки почовъ от Колыбелищъ да в поточину а тою поточыною противъ сеножати и чрезъ великую дорогу которая дорога идетъ отъ Витебска къ Глазомычомъ и до Илемницы, а отъ тое дороги старосельскою дорогою а атъ старосельское дороги межою да в можчалину а от можчелины межою одъ дубъ ново поле а отъ того поля на дороги которая черезъ дворище попово церковное идеть с тоежъ дороги межою в Хмелинецъ а хмельница межою а тою межою на дорогу городовую до тыежъ пяты Колыбелищъ откуль почали завожати ино дей сынъ Марковое Михно поведилъ передъ нами штожъ дей тые светки правдиве тую землю заводятъ властная есть церковная а не наша и мы водлугъ свядоцтва тыхъ людей вышей писаныхъ и сознаня того Михна Марковича вже онъ самъ созналъ и же та земля которую были зашли властная есть церковная, а не ихъ знашли есмо того Священника Господарского втой земли правымъ и тую землю есмо ему ку Церкви Божей Федоровщыне водлугъ завоженя тыхъ светковъ по тымъ местамъ присудили и с тымъ збожемъ которле она на той земли была засеела и водлугъ наданья великое княгини Оуляны Олкгирдовое а тая Мар-

ковая и тыи три сыны ее вже через то немають втую землю Церковную ни чымсе въ ступовку куды святки заводили и рубежи есмо по тымъ мѣстамъ покласти казали нижли штосе дотычетъ тоежъ земли церковное за великою дорогою городовою з замку едучи на правой руце в Гранкахъ а в Стайкахъ ино Марковая из сынами своими поведила што они и тую землю церковную жадного вступу немають а нися въ ступають и на то есмо Священнику Господарскому Ерею Ивану далъ сесъ мой Листъ Судовый подъ моею печатю. писанъ у Витебску подлето Божего нароженя тисеча пятсотъ четыредесятъ шостого месеца Іюля двацатого дня Индикта четвертого у того листу печать одна притисненная и просилъ тотъ Священникъ Еванскій Федоръ Колоша абы тое оповедане его такъ и тотъ листъ до книгъ кгродскихъ Витебскихъ записано было што за прозбою его в книги есть записано скоторого записанья и сесъ выписъ с книгъ подъ печатью моею Священникъ светого Ивана Богослова Федоръ Колоша собе взялъ. Писанъ у Витебску.

Янъ Война Ромеко, Намесникъ власною рукою.

(М. П.)

Янъ Кузмицкій Ивановичъ Писаръ Кгродскій Витебскій.

Коригованъ и есть укнигахъ

2.

Наказная грамота короля Сигизмунда II витебскому воеводѣ Ивану Сапѣгѣ о вводѣ священника Іоанно-Богословской церкви во владѣніе землею, Плоская гора называемою. 1522 г. Іюля 31. индикта 7.

(*Списана съ подлинника, находящагося въ архивѣ сей церкви. № 2.*)

Жигимонтъ божою милостью король польский великий князь литовский руский княжо пруское жомойтский и иныхъ. Воеводѣ витебскому маршалку нашому пану ивану богдановичу сопѣзе билъ намъ чоломъ попъ церкви светого ивана богуслова з витебска афанасей и просилъ в насъ абыхмо дали ему мѣстцо

двумъ человекомъ на селидбу с огороды подле церкви светого иоанна богуслова двумъ человекомъ на селидбу с огороды плоское горы ему дали И тыбы тое мѣстцо казалъ ему завѣсти и подати писанъ у вильни подъ лѣто божого нароженя тысяча пятсотъ двадцат второго мѣсяца июля 31 день индикта 7.

Копотъ писаръ.

(М. П.)

II.

ЗАГОРОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ,

его библіотека и сохранившійся въ ней западно-русскій, литературный памятникъ XVII-го столѣтія.

«Между фактами литературы самые драгоцѣнные для исторіи ея суть тѣ, кои, при своемъ эстетическомъ направленіи, возникли изъ извѣстнаго настроенія или цѣлаго народа, или общества, и носятъ на себѣ явственную печать самостоятельнаго движенія мысли.

Пусть созданіе ея будетъ только выраженіемъ эпохи, не болѣе,—оно жило для истины и само было истиннымъ: оно займетъ почетное мѣсто въ памяти поколѣній.»

Никитенко въ ист. русск. литературы.

Предполагая ознакомить читателей нашихъ съ необнародованнымъ еще у насъ, замѣчательнымъ, какъ мы думаемъ, не въ одномъ церковно-историческомъ, но и литературномъ отношеніи, письменнымъ памятникомъ XVII-го столѣтія, сохранившимся въ библіотекѣ Загоровскаго монастыря, мы считаемъ не излишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о самомъ Загоровскомъ монастырѣ и его библіотекѣ [1]).

Въ 1851 году имѣлъ я случай лично посѣтить Загоровскій монастырь и видѣть все, здѣсь описываемое мною. Кромѣ того, въ этомъ и послѣдующіе два года, имѣлъ я подъ руками всѣ подлинные документы, здѣсь указываемые. По нимъ-то и составлено настоящее описаніе. Прим. автора.

Загоровскій Рождество-Богородичный монастырь находится, волынской епархіи, владимірскаго уѣзда, въ селѣ Волицѣ загоровской, что между гг. Владиміромъ-Волынскимъ и Луцкомъ, въ 30-ти верстахъ отъ перваго и въ 70-ти отъ послѣдняго. Когда и кѣмъ именно положено первоначальное основаніе этой обители, достовѣрно не извѣстно [1]). Мѣстное преданіе гласитъ, что этотъ монастырь основанъ *Загоровскими*, предками позднѣйшаго фундатора сего монастыря, Петра Загоровскаго. Можно сказать, что достовѣрная исторія Загоровскаго монастыря начинается съ 1567-го года, 8-го сентября, когда помянутымъ Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ и супругою его Өеодорою Өеодоровною, изъ князей Сангушковъ, Загоровскою, дана первая фундушевая запись этому монастырю. Къ сожалѣнію, мнѣ не довелось читать этой записи въ подлинникѣ. Она была написана на русскомъ языкѣ [2]). Я читалъ ее только въ польскомъ переводѣ, въ инвентарѣ 1769-го года, въ статьѣ о фундушѣ монастырскомъ, гдѣ запись эта, кажется, не вся приведена. Такъ, напр., въ инвентарѣ Лесѣвича, въ приведенномъ отрывкѣ изъ записи, ни слова не сказано о томъ, какого вѣроисповѣданія должны быть монахи Загоровскаго монастыря, между тѣмъ какъ это, сколько мнѣ извѣстно, обыкновенно оговаривалось въ подобныхъ записяхъ юго-западной Руси того времени. Не потому ли и умолчано это обстоятельство, что оно неблагопріятно было для унитовъ?... Въ приведенномъ у Лесѣвича извлеченіи изъ записи говорится только о томъ, что Петръ Богдановичъ и Өеодора Өеодоровна, изъ князей Сангушковъ, Загоровскіе, даютъ, дарятъ и на вѣчныя времена записываютъ монастырю Загоровскому, село Волю, или Волицу Загоровскую, третью часть села Воицатина и нѣкоторыя другія угодья. Запись оканчивается поименованіемъ личныхъ свидѣ-

[1]) Такъ сказано и въ инвентарѣ Загоровскаго монастыря, въ 1769 году, бывшимъ суперіоромъ того монастыря Гедеономъ Лесѣвичемъ, составленномъ. Это одинъ изъ самыхъ полныхъ и подробныхъ инвентарей Загоровскаго монастыря.

[2]) Это видно изъ описи архива Загоровскаго монастыря, сохранившейся въ инвентарѣ, 13-го іюля 1769-го года составленномъ.

телей оной, каковыми были: князь Александръ Өеодоровичъ Чарторижскій, князь Романъ Өеодоровичъ Сангушко, Гаврило Бокій, земскій судья луцкаго уѣзда, и Иванъ Өеодоровичъ Бокій. Свидѣтели и супруга фундатора на подлинной записи приложили только свои печати, а Петръ и Иванъ Загоровскіе, кромѣ приложенія своихъ печатей, собственноручно подписались. Подлинная запись эта, какъ видно изъ помянутаго инвентаря 1769-го года, хранилась въ Загоровскомъ монастырскомъ архивѣ. Она заявдена была въ владимірскомъ уѣздномъ судѣ 24 апрѣля 1663 года [1]).

О самомъ фундаторѣ Загоровскаго монастыря, Петрѣ Загоровскомъ, сохранилось преданіе, что онъ, въ дѣтскомъ еще возрастѣ, послѣ тяжкой болѣзни, будучи принесенъ печальною матерью мертвымъ предъ чудотворную икону Божіей Матери, уже давно извѣстную тамъ своими чудесами, по вѣрѣ ея, чудеснымъ образомъ возвращенъ былъ къ жизни [2]). Преданіе это, между прочимъ, показываетъ, что какъ чудотворная икона Божіей Матери, извѣстная подъ именемъ Загоровской, такъ, вѣроятно, и самый монастырь, или по крайней мѣрѣ церковь, на мѣстѣ нынѣшняго монастыря, задолго еще до 1567 года, т. е. до записи Петромъ Загоровскимъ фундушу сему монастырю, уже существовали.

Самое время основанія Загоровскаго монастыря ясно показываетъ, что это была руская древле—православная, а не

---

[1]) Полный и подробный инвентарь Загоровскаго монастыря изъ котораго заимствованы мною какъ эти, такъ и послѣдующія свѣдѣнія, сохранился въ архивѣ Почаевской Успенской Лавры, въ рукописной книгѣ, подъ заглавіемъ: Jnwentarże monasterów w Kordonie Polskim zostaiących, podług alfabetu katalogu zebrane y ułożone 1776 anno.

[2]) Преданіе это, въ инвентарѣ 1769-го года записано слѣдующими словами: Po tych funduszach, niesmiertelney pamięci godzien Piotr Zahorowski, fundator klasztoru Zahorowskiego, o którym nieprzerwana iest tradycia, że w młodym wieku, gdy był przyniesiony od żałosney matki i położony przed orbazem Nayswiętszey Matki Boskiey, z dawna na tym mieyscu cudami słynącym, a przez matke ofiarowany, cudem do życia przywrocony został."

уніятская обитель. До 1595-го года на Руси, какъ извѣстно, не было уніи, хотя и были унасъ уже нѣкоторыя попытки соединенія Восточной церкви съ Западною. При всемъ томъ, усердный унитъ Гедеонъ Лесѣвичъ, въ противность очевидной и общеизвѣстной истинѣ, силится доказать, что Загоровскій монастырь всегда былъ уніятскимъ. Въ инвентарѣ своемъ онъ приводитъ кратко цѣлую исторію тяжебнаго, по этому предмету, дѣла уніятовъ съ православными. Любопытно читать ее въ подлинникѣ. [1]) Это образчикъ софистики іезуитской, въ послѣд-

---

[1]) Вотъ она вся до слова: „Klasztor ten, говоритъ Лесѣвичъ. fundowany był in unione Romana ecclesia, w posłuszeństwie s. stolicy apostolskiej, iako to obszernie wywodzi w akcie komissyi nayiasnieyszego króla Polskiego Jana III. wiel. Jan Zahorowski, sędzia ziemski Włodzimierski, który, iako legitimus successor niesmiertelney pamięci godnych fundatorów naszych, widząc, że xiąze Jm. Gedeon Swiatopołk Czetwertyński, biskup Łucki, nieunit, do deecezyi i juryzdykcyi svoiey pociągał klasztor Zahorowski, a lękaiąc sie, aby go od jednosci swiętey cale nie oderwał, prawnym processum i dekretem komissyi wyżey rzeczoney, roku 1682, miesiąca junii piątego dnia na gruncie klastoru Zahorowskiego expedjowany, a powagą nayiasnieyszego Monarchi Polskiego poddał i inkorporował dieceziyi J. W. Jmci X. Leona Załęskiego, biskupa Włodzimirskiego i Brzeskiego, gorliwego jednosci swiętey obroncy. Dla większego dowodu wypisuje tu słowa kommissyi sub actu et data, iako sie wyraziło, ktorey oblata specyfikuie się i znayduje w archiwum tego klasztoru, fasciculo 21, sublitera u u u № 14.“—Далѣе приводитъ Лесѣвичъ слова коммиссіи въ слѣдующемъ видѣ: „Którży (kollatorowie) iako przed tym, tak i teraz, in unione ten monastyr chcą, i mieć chcieli,—i wywodził (Jan Zahorowski, s. z. Włodz.), prawami swemi, że ten monaster przez przodków onego, ich mosc. panów Zahorowskich, fundowany nie iest in schizmate, lecz in unione. Czego dowodząc, produkował, naprzód w roku 1476 poselstwo do Rzymu, do oyca s., papieża Rzymskego Syxta IV, od ich mosciów, tak duchownych iako i swieckich panów i xiążąt Russkich, gdzie podpisow nie mało, iako do Rzymu posłuszeństwo oddali, między któremi poddpisani dwóch ich mosciow panów

ствіи времени такъ хорошо усвоенной самыми уніятами. Къ тому же, эта исторія показываетъ какъ обыкновенно доказывали

Zahorowskich podpisy, że za głowe oyca sw. Rzymskiego mieli. Potym produkował fundusz tegoż monastyrà pod datą roku 1567, daleko ranléy ante disunionem. Potym produkował list jego krolewskiey Mosci, s. p. Zygmunda Augusta, synowi fundatorów, Janowi Zahorowskiemu, który się tez na funduszu podpisał, literas commendatorias ad ecclesiasticos et saeculares Romani imperii principes, że ad expoliendum ingenium in Germaniam proficiscitur. I ten do Rzymu iezdził... A za tym, ductus zelo Catholicae fidei, i niechcąc antecessorów piam intentionem wespół z wielm. imc. panem Stefanem na Malowie i Żukowie Zahorowskim, starostą Włodzimirskim, rodzonym swoim, iako concellatorem, i pan na Chorowie i Zahorowie Zahorowski, sędzia Z. W., in schizmate zostawić, ale propagare religionem S. Romanae ecclesiae graecounitorum, et salutis animae suae ratione zapis w roku 1681, julii 16, w grodzie Łuckim zeznany przez siebie przywracaiąc ad obedientiam sanctam Romanam, do unii swiętey z kosciołem Rzymskim i juryzdykcyi in spiritualibus przewielebnemu J. X. Leonowi Załenskiemu, Prototroniému Kijowskiemu i Halickiemu, Episkopowi Włodzimirskiemu i Brzeskiemu. Który zapis in facie nostra ten że urodzony J: pan sędzia Z. W. do rąk pomienionego J. X. Episkopa Włodzimirskiego i Brzeskiego, tak sam originał iako i extrat cum solemnitate et reverentia debita tak magestatu Jego Królewskiej Mosci P. N. M. powagi, jako też i przewielebnego J. X. Episkopa Włodz. i Brzeskiego oddał, et jurisdiktionem przytym według zapisu swego. My tedy kommissarże widząc intentionem piam pobożnych Kollatorów a stosując sie do woli J. K. M. P. N. M., wyrażoney w kommissyi, abyśmy monaster pomieniony a shizmate windykowali, et jurisdictioni in spiritualibus Przew. J. X. Leonowi Zalenskiemu, Episkopowi Włodzimirskiemu i Brzesk. oddali i zapisali, iakoż sentencyą naszą oddaiemy i zapisuiemy et caet. et caet." — „Acz kelwiek zaś," прибавляетъ Лесѣвичъ, „Xiąże Czetwertynski, biskup Łucki, sprzeciwiał sie temu dekretowi, iednak po długich rozróżnieniach, klasztor ten, z superiorem i całym zakonnym zgromadzeniem dobrowolnie oddał sie juryzdykcyi przerzeczonego Biskupa Włodzimir-

уніяты свои права на завладѣніе какимъ—нибудь православнымъ монастыремъ, и какъ рѣшались дѣла этого рода польскимъ правительствомъ. Доказательства уніятовъ были очень просты и ясны. Основаніе своимъ доводамъ обыкновенно клали они самое широкое, всеобъемлющее. Именно, прежде всего, они всемилостивѣйше жаловали въ уніяты весь крещеный русскій народъ, не исключая и святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Они увѣряли своихъ противниковъ, православныхъ, что въ 1595 году послѣдовало у насъ только разъединеніе (disunio), расколъ (schisma), отпаденіе нашей русской церкви отъ западной, римской, а не унія, единеніе съ нею. Унія съ римскою церковію, по ихъ словамъ, у насъ всегда существовала. Мы приняли ее еще при Владимірѣ, вмѣстѣ съ христіанствомъ [1]). Затѣмъ, какъ фундаторъ монастыря, такъ и всѣ

---

skiego w roku 1707, die 19 augusta, iako przyswiadcza autentyczna wizyta monasteru Zahorowskiego, przez xiędza Gabriela Ochabskiego, Z.S.B.W. officiala Włodz., Superiora Zimienskiego, naten czas wizytatora generalnego, instrumentem J. W. Leona Kiszki, Metropolity i Biskupa Włodzimirskiego, wroku 1719, die 19 apryla, odprawiona eodem fasciculo u u u, № 20 znayduiąca sie."

Между тѣмъ, вотъ подлинныя слова, которыми актъ коммиссіи, 5-го іюня 1682-го года, записанъ въ архивѣ Загоровскаго монастыря: „1682 an. die 5 junii, w grodzie Włodzim. przez kommissarow Krolewskich, tak duchownych iako i swieckich, w dobrach wsi Wolicy expediowana kommissya, którą monaster Zahorowski pod władze Biskupa Włodzimirskiego oddano, Jch mosciow p. Zahorowskich za kollatorow uznano. Przy expediowaniu tey kommissyi probował Jmc pan sędzia, że monaster od unita (?) Piotra Zahorowskiego był fundowany. **Tey kommissyi monaster Zahorowski za sprawiedliwą nie uznał et fortiter se oppenebat."** Тутъ послѣднія слова показываютъ, какъ на коммиссію 5-го іюня 1682 года и приговоръ ея смотрѣлъ монастырь Загоровскій.

[1]) Отчетливое и основательное опроверженіе этой мысли можно читать, между прочимъ, въ „Запискахъ архіеп. Григорія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI-го вѣка не было никакой уніи съ Римскою церковію". Записки эти писаны из-

его предки и потомки необходимо выходили уже уніятами, а оттуда слѣдовало, что и монастырь долженъ быть уніятскій. Такія точно доказательства правъ представлены уніятами и на Загоровскій монастырь. Частнѣйшія же доказательства ихъ состояли здѣсь въ томъ, что сынъ фундаторовъ Загоровскихъ, Иванъ Загоровскій, подписанный на фундушѣ монастырскомъ, ѣздилъ за границу; что онъ имѣлъ отъ польскаго короля Сигизмунда Августа рекомендательныя письма къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ римской имперіи, (впрочемъ только въ томъ, что онъ отправляется въ Германію для образованія себя); что онъ даже въ Римѣ былъ... А это уже, по ихъ мнѣнію,

---

вѣстнымъ по своему уму и образованности архипастыремъ—двумя способами, полемическимъ и положительнымъ. Въ одномъ мѣстѣ, Конисскій собиралъ всѣ читанныя или слышанныя имъ возраженія и тутъ же опровергалъ ихъ. Въ другомъ синтетически доказывалъ, что въ Россіи до конца 1595-го года уніи не было. Первая часть состоитъ изъ 19-ти возраженій и рѣшеній на эти возраженія. Рѣшенія, большею частію, заимствованы изъ исторіи. Во второй части, мысль, что въ Россіи, отъ принятія христіанской вѣры до 1595-го года, не было уніи, или соединенія съ Римскою церковію, доказывается слѣдующими доводами: 1) Русь приняла крещеніе отъ патріарха цареградскаго въ то время, когда уже началось раздѣленіе между Восточною и Западною церковію; 2) Русь присоединена къ польской коронѣ въ религіи греческой Восточной, каковое присоединеніе случилось въ 1340 году; 3) хотя въ 1439 году русскій кіевскій митрополитъ Исидоръ и сталъ уніятомъ на флорентинскомъ соборѣ; но, по возвращеніи своемъ въ Россію, былъ изъ нея изгнанъ; 4) отъ изгнанія Исидора изъ Россіи до 1595 года небыло никакой уніи въ Россіи; 5) вообще, во все продолженіе четырехъ вышеозначенныхъ періодовъ, въ Россіи вовсе не было уніи. Всѣ эти пять положеній доказаны, по свойству своему, доводами историческими и притомъ заимствованными почти исключительно изъ польскихъ и католическихъ писателей. См. Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. Россійск. при Моск. унив. за 1847 годъ, № 8.

вполнѣ доказывало, что онъ былъ уніятъ, а потому и монастырь Загоровскій долженъ быть уніятскимъ.... Стоютъ ли опроверженій эти доводы?... Мы спросимъ только: что же значитъ тяжба-то съ княземъ Святополкомъ Четвертынскимъ, православнымъ епископомъ луцкимъ (1657—1685), за Загоровскій монастырь, тяжба, о которой упоминаетъ самъ же Лесѣвичъ? Можно ли было начинать подобную тяжбу предъ судомъ польскаго правительства православному епископу, безъ доводовъ ясныхъ неопровержимыхъ? Можно ли было заявлять такъ гласно православнымъ свои притязанія на то, что имъ никогда не принадлежало? Можно ли было основательно надѣяться даже возвращенія того, что, хотя и принадлежало нѣкогда имъ, но уже давно отнято? Какая была надобность самому Лесѣвичу приводить въ своемъ инвентарѣ эти доказательства постояннаго, исконнаго уніятства Загоровскаго монастыря, если дѣло само по себѣ было совершенно очевидно, чисто и право? Что значитъ, наконецъ, замѣчаніе самого Лесѣвича, что князь Святополкъ Четвертынскій противился и самому опредѣленію коммиссіи, хотя оно утверждено было даже королевскою властію, такъ что только послѣ долговременныхъ споровъ, какъ замѣчаетъ самъ же Лесѣвичъ, монастырь этотъ поступилъ въ вѣдѣніе унитскаго епископа Льва Заленскаго, и то не ранѣе 1707 года?... Не этотъ ли именно годъ и слѣдуетъ считать началомъ обращенія Загоровскаго монастыря въ унію?... По крайней мѣрѣ Загоровскій монастырь и теперь еще, какъ увидимъ ниже, представляетъ намъ ясныя доказательства того, что еще въ 1698 году были тамъ иноки, исповѣдники православія, которые не слишкомъ жаловали унію.

Когда бы, впрочемъ, ни послѣдовало отторженіе Загоровскаго монастыря въ унію, только она въ немъ, въ послѣдствіи времени, сильно вкоренилась. Въ 1851 году, уже черезъ 12 лѣтъ послѣ окончательнаго возсоединенія (1839 г.) у насъ уніятовъ, тамъ все еще начиная съ утвари церковной, до костюмовъ и привычекъ возсоединившейся братіи этого монастыря, сильно отзывалось уніятствомъ.

Мѣстность, занимаемая Загоровскимъ монастыремъ, довольно живописна. Она имѣетъ нѣкоторое сходство съ мѣстностію другой знаменитой иноческой обители на Волыни, именно, съ мѣстностію Почаевской Лавры. Каменная монастырская

церковь и примыкающій къ ней, тоже каменный, главный монастырскій двухъ-этажный корпусъ, занимаетъ пространную площадь на высокой горѣ, отъ чего самый монастырь называли *святою горою* [1]). Съ восточной стороны монастыря, на горѣ же, расположенъ небольшой фруктовый монастырскій садъ, а у подошвы горы, занимаемой монастыремъ, на западной ея сторонѣ, виднѣется прудъ. Монастырская церковь построена олтаремъ къ востоку. Она обширна и величественна, но, какъ наружнымъ видомъ своимъ, такъ и внутренними украшеніями, болѣе похожа на католическій костелъ, нежели на православный русскій храмъ. Внутри вся она расписана, но живопись эта тоже во вкусѣ католическомъ. Какъ въ самой церкви, такъ и внѣ ея, при входѣ, въ 1851 году все еще стояли изваянныя изображенія святыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ костелахъ католическихъ. Внутри церкви обращаетъ на себя первое вниманіе посѣтителя чудотворная икона Божіей Матери Загоровской, главная святыня Загоровскаго монастыря, привлекающая туда не мало богомольцевъ, особенно въ храмовой монастырскій праздникъ, 8 сентября, въ день Рождества Божіей Матери. Время появленія этой иконы достовѣрно не извѣстно. На копіи съ нея, имѣющейся въ той же монастырской церкви, означенъ 1722 годъ. Подлинная чудотворная икона помѣщена въ олтарѣ, за престоломъ, на возвышенномъ мѣстѣ. Какъ о нѣкоторой особенности этого храма, слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще о томъ, что на стѣнахъ его, именно у праваго и лѣваго клироса, сохранились изображенія фамиліи Загоровскихъ, фундаторовъ монастыря, и Чацкихъ. Не излишне вспомнить тутъ и о трехъ серебрянныхъ урнахъ, въ которыхъ, по обычаю католическому, до недавняго еще времени, хранились въ церкви сердца Чацкихъ, бывшихъ благотворителей сего монастыря. Одинъ изъ бывшихъ настоятелей Загоровскаго монастыря, Северіанъ Дзюбинскій, недовольный потомками Чацкихъ за то, что они не платили монастырю слѣдуемой отъ нихъ суммы денегъ, предалъ сердца Чацкихъ

---

[1]) Ист. Р. Ц. III. стр. 246—247, Очерк ист. правосл. церкви на Волын. стр. 98.—Опис. старопеч. кн. библіот. гр. Толстова, изд. 1829 г. Строев. стр, 165.

землѣ, а изъ урнъ устроилъ подсвѣчники на престолъ, сохранивъ ихъ прежній видъ урнъ и сдѣланныя на нихъ надписи [1]).

[1]) Дзюбинскій, судимый за жестокое обращеніе съ братіею ввѣреннаго ему Загоровскаго монастыря, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ утопился въ Хоровскомъ, близъ Загорова, прудѣ, 16 апрѣля 1841 года

Не могу не вспомнить здѣсь съ уваженіемъ и признательностію о двухъ, болѣе мнѣ знакомыхъ, лицахъ изъ бывшей въ 1851 году братіи Загоровскаго монастыря, именно о бывшемъ въ то время настоятелѣ монастыря, игуменѣ Флавіанѣ Масальскомъ и помощникѣ его по управленію монастыремъ, іеромонахѣ Ѳеофилѣ Мисѣвичѣ. Радушію ихъ и готовности подѣлиться пріобрѣтенными жизнію и наукою свѣдѣніями, я много обязанъ ближайшимъ знакомствомъ какъ съ Загоровскимъ монастыремъ, такъ и его библіотекою. Кромѣ того, они были для меня, въ нѣкоторомъ отношеніи, нагляднымъ памятникомъ и живою исторіею еще такъ недавно предъ тѣмъ существовавшей у насъ уніи. Оба они замѣчательны какъ образованностію своею, такъ и нѣкоторыми общественными заслугами. О. Флавіану было тогда уже 62 года. Онъ былъ изъ дворянъ виленской губерніи, воспитывался въ виленскомъ университетѣ и имѣлъ ученыя степени кандидата философіи и магистра богословія. Съ 1813 по 1831 годъ проходилъ онъ разныя училищныя должности. Онъ былъ сперва учителемъ математики, латинскаго и французскаго языковъ въ Брестскомъ училищѣ (1813—1823), а потомъ смотрителемъ тогоже училища (1823—1825). Затѣмъ былъ онъ назначенъ учителемъ богословія Жировицкой гимназіи (1825—1829) и наконецъ—инспекторомъ виленской духовной академіи (1829—1831). Съ 1831 по 1836 годъ онъ былъ настоятелемъ Подубисскаго, а съ 1841 года Загоровскаго монастырей. О. Ѳеофилъ также изъ воспитанниковъ виленскаго университета, по литературному и богословскому отдѣленіямъ. Онъ былъ сперва учителемъ всеобщей исторіи и латинскаго языка въ Подубисскомъ пятиклассномъ училищѣ (1824), а потомъ назначенъ помощникомъ настоятеля, проповѣдникомъ и, наконецъ, казначеемъ (1842) Загоровскаго монастыря. Заслуги

Въ главномъ монастырскомъ корпусѣ помѣщается теперь настоятель монастыря, съ братіею; но тамъ же помѣщалось нѣкогда и трехклассное базиліанское училище.

Перейдемъ къ библіотекѣ. Библіотека Загоровскаго монастыря не велика. По списку, или каталогу, который имѣлъ я въ рукахъ въ 1851 году, значилось въ ней всего 325 №. Это была библіотека чисто уніятская. Самая значительная часть ея состояла изъ книгъ латинскихъ и польскихъ. Было тутъ еще нѣсколько книгъ итальянскихъ и нѣмецкихъ. Собственно русскихъ книгъ по катологу вовсе не показано. Небольшое собраніе этихъ книгъ значилось здѣсь подъ названіемъ *славянскихъ*, которыя уніяты обыкновенно называли русскими. [1])

обоихъ уже тогда отличены были, между прочимъ, золотыми наперсными крестами.

[1]) Да и въ самомъ дѣлѣ, родной, собственно русскій элементъ хранился у уніятскаго духовенства преимущественно, если не исключительно, въ книгахъ славянскихъ, богослужебныхъ, церковныхъ. Въ этомъ отношеніи уніяты вполнѣ справедливо называли свои славянскія книги русскими, и обратно, русскія славянскими. Положеніе уніятскаго духовенства, какъ по отношенію къ русской народности вообще, такъ и русскому языку въ частности, было самое жалкое, затруднительное и неестественное. Съ одной стороны, не безъ насилія собственной совѣсти, оно должно было и въ этомъ отношенія угождать папѣ и польскому правительству, а съ другой не могло отрѣчься самого—себя, своей народности, не могло пренебрегать справедливыми и естественными требованіями большинства единоплеменнаго ему народа. Въ угоду папѣ и латинамъ, оно не только писало, но и говорило на языкѣ польскомъ и латинскомъ, надѣясь, между прочимъ, сблизиться этимъ съ образованнѣйшимъ сословіемъ Польши и юго-западной Руси, съ польскою и олатинившеюся русскою аристократіей. Даже къ славяно-русскимъ книгамъ духовнаго содержанія, не рѣдко прибавлялись уніятскимъ духовенствомъ или польскіе переводы нѣкоторыхъ статей и цѣлыхъ книгъ, (см. на пр. „Богословіе нравоучительное", изд. въ Почаевѣ 1787 г., гдѣ, въ концѣ книги,

Мы отмѣтимъ здѣсь только замѣчательнѣйшія, по нашему мнѣнію, книги библіотеки Загоровскаго монастыря, и притомъ книги на славянскомъ языкѣ.

„Краткое поученіе о наукѣ христіанской" напечатано съ польскимъ переводомъ. „Гора почаевская" тоже обыкновенно печаталась на русскомъ и польскомъ языкахъ,) или цѣлыя оригинальныя произведенія духовной польской и латинской литературы, (см. „Богогласникъ", нѣсколько разъ изданный въ Почаевѣ, гдѣ, рядомъ съ пѣснями славяно—русскими, всегда печатались польскія и латинскія). Между тѣмъ языкъ церкви и живой языкъ простаго народа сильно напоминали уніятскому духовенству о родномъ его языкѣ, о его русской народности. Чтобы не быть совершенно чуждымъ своему единоплеменному народу, чтобъ имѣть на него религіозное и нравственное вліяніе, необходимо было говорить и писать на родномъ его языкѣ. Такимъ образомъ изъ языка церковныхъ, богослужебныхъ книгъ и живаго языка народнаго составилось уніятами особое славяно—русское нарѣчіе, которымъ образованнѣйшіе и способнѣйшие изъ ихъ духовенства не только переводили, большею частію съ польскаго и латинскаго языковъ, различныя болословскія сочиненія и проповѣди, но и слагали собственныя свои, оригинальныя, поученія и пѣсни духовнаго содержанія, и которое обыкновенно называли русскимъ, хотя книги эти печатались всегда славянскими буквами. (См. на пр. „Богословіе нравоучительное, изъ богословія Антоине и др., на русскомъ діалектѣ, 1779 г. въ Почаевѣ изданное"; Енхиридіонъ о священствѣ, изъ латинскаго на русскій языкъ преведенный", 1775 г. тоже въ Почаевѣ напечатанный, и др.) Въ книгахъ этихъ, особенно въ предисловіяхъ, обыкновенно упоминалось о древнемъ православіи, правовѣріи и благочестіи русскаго народа, о православно-каѳолической вѣрѣ, и т. под.; но обо всемъ этомъ говорилось такъ неопредѣленно и двусмысленно, что и образованный съ трудомъ могъ рѣшить, о какомъ тамъ дѣло идетъ православіи и правовѣріи русскаго народа... Всѣ эти фразы совершенно одинаково можно было относить къ уніятамъ и къ православнымъ.

Каталогъ библіотеки Загоровскаго монастыря расположенъ былъ по алфавиту польскому.

Подъ буквою Q, значатся *славянскія* книги. Ихъ всего 31 №№. Собственно—это церковныя, большею частію богослужебныя книги. Между ними не мало рукописныхъ. Укажу замѣчательнѣйшія. Таковы: 1) Четыре книги рукописныхъ Евангелій, in fol. (№ 2-й). 2). Двѣ книги Апостольскихъ посланій. Одна изъ этихъ книгъ рукописная, а другая печатана

Одно только упоминаніе о святомъ ѳронѣ апостольскомъ римскомъ могло вразумить свѣдущаго читателя или слушателя на счетъ вѣроисповѣданія, которому принадлежалъ проповѣдникъ или писатель. (См. на пр. предисловіе помянутаго выше „Енхиридіонъ“, или „Бесѣды пароxіальнія на недѣли и нарочитіи свята, отъ евангелій по обряду греческому расположенныхъ, съ польского на славенско-русскій языкъ, удобнѣйшаго ради парохомъ русскимъ употребленія“, 1789 г. въ Поч. Въ этой послѣдней книгѣ чит. бесѣду въ день священномученника Іосафата).

Живой языкъ простаго народа и языкъ богослуженія сильно поддерживали народность нашу въ югозападной Руси, во время случайнаго чужеземнаго тамъ владычества. Это хорошо понимало польское правительство и потому всѣми мѣрами старалось подавить родной языкъ нашъ въ этой, бывшей подъ властію его, части нашего отечества. Съ этой цѣлью оно старалось по крайней мѣрѣ высшее сословіе русскихъ вполнѣ олатинить, ополячить. Оно старалось образовать наше дворянство въ Польшѣ и за границею, въ іезуитскихъ школахъ, чтобъ совратить его прямо въ католичество. Многіе дѣйствительно совратились и ополячились. Но большинство, куда принадлежали преимущественно огромная масса простаго народа, превозмогло. Такъ сохранился и въ такомъ положеніи былъ родной языкъ нашъ въ юго-западной Руси, особенно въ послѣднее время польскаго тамъ владычества. Памятникомъ этого времени служитъ у насъ множество польскихъ и латинскихъ словъ и оборотовъ, усвоенныхъ устною и письменною русскою рѣчью въ этой части Россіи.

во Львовѣ, по благословенію четвероврестольныхъ натріарховъ, 1654 г. in fol. (№ 3-й) 3) Служебникъ львовскаго изданія, тщаніемъ львовскаго братства Успенія Пресв. Богородицы, 1681 г. (№ 4-й). 4) Требникъ Петра Могилы, печ. въ Кіевѣ 1641 г. (№ 5-й). 5) Миней рукописныхъ in fol., 12 книгъ. (№ 8-й). 6) Прологи св. отецъ, рукописныя 3 книги, in fol. (№ 9-й). 7) Номоканонъ, печатанный въ Львовѣ 1646 г., по благословенію Арсенія Желиборскаго, епископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго, in 4°, 1 кн. (№ 13-й). 8) Книга рукописная, безъ заглавнаго листа, не извѣстно какая именно. По свидѣтельству бывшаго казначея Загоровскаго монастыря, іеромонаха Өеофила Мисевича, книга эта, еще до 1851-го года, взята, вмѣстѣ съ книгою «Словъ Іоанна Златоустаго,» печатанною 1614-го года въ Львовѣ, чиновникомъ Сивицкимъ, который имѣлъ на то разрѣшеніе высшаго начальства. Надобно думать, что она передана г. Сивицкимъ кіевской археографической коммиссіи. (№ 18-й). 9) Книга иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, печ. въ Острогѣ, 1594-го года, in fol. 1 книга. (№ 23-й). Въ обозрѣніи славянорусской библіографіи Сопикова, (т. 1, кн. 2, стр. 28), книга эта извѣстна подъ именемъ «Василія Великаго *о постничествѣ.*» По содержанію своему, она особенно драгоцѣнна для монашествующихъ. Собственно сохранившаяся въ библіотекѣ Загоровскаго монастыря, книга Василія Великаго о постничествѣ, замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что она подарена была, въ 1602 году, приснопамятнымъ своимъ благочестіемъ и твердостію въ православіи Константиномъ Константиновичемъ княземъ Острожскимъ извѣстному бѣглому монаху Чудова монастыря Григорію Отрепьеву, (Димитрію Самозванцу), какъ видно изъ слѣдующей, сохранившейся на этой книгѣ, собственноручной, кажется, подписи самозванца: «Лѣта отъ сотворенія міру 7110-го, мѣсяца августа въ 14-й день, сію книгу Великаго Василія далъ намъ Григорію, царевичу московскому, зъ братею, съ Варлаамомъ да Мисаиломъ, Константинъ Константиновичъ, нареченный во светомъ крещеніи Василей, Божіею милостію пресвѣтлое княже острожское, воевода кіевскій.» (Болѣе полное и подробное, объ этой книгѣ и сохранившейся на ней подписи, свѣдѣніе, сообщенное мною, съ приложеніемъ снимка подписи, Импер.

русскому археологическому обществу, напечатано въ VIII томѣ записокъ сего общества). 10) Номоканоны рукописные, in 4°, 1 кн. (№ 27). 11) *Стихи славянскіе рукописные*, in 4°, 1 книга. (№ 30-й). Это та самая книга, которую мы считаемъ замѣчательнымъ русскимъ литературнымъ памятникомъ XVII-го столѣтія, и съ которою желаемъ ознакомить ближе нашихъ читателей

Вотъ подробнѣйшее свѣдѣніе объ этой книгѣ. По внѣшнему виду, она въ четверть обыкновеннаго листа, въ черномъ кожаномъ, совершенно уже испортившемся, переплетѣ, безъ заглавнаго листа и безъ означенія числа листовъ или страницъ. Она писана довольно мелкимъ полууставомъ. Заглавія отдѣльныхъ стихотвореній писаны красною киноварью. По внутреннему содержанію своему, это произведенія лиро-эпической поэзіи, съ дидактическимъ, большею частію обличительнымъ направленіемъ. Въ цѣлой книгѣ можно различать нѣсколько (три или четыре) какъ-бы отдѣльныхъ поэмъ, подраздѣленныхъ на особыя небольшія пѣсни, имѣющія свое частное заглавіе и содержаніе. Не только между пѣснями, но и цѣлыми поэмами замѣтно единство и непрерывная связь. Судя по единству главнаго предмета, а также единству тона и характера стихотвореній, и наконецъ единству слога и языка, нельзя сомнѣваться, что вся эта книга стихотвореній—произведеніе одной руки и одного пера. Всѣ стихотворенія духовно-христіанскаго содержанія. Онѣ писаны силлабическими стихами, не одного размѣра, но большею частію двенадцатисложными и тринадцатисложными, съ пресѣченіемъ по срединѣ и съ сплошными риѳмами. Первый изъ двухъ, риѳмующихся между собою, стиховъ, въ подлинной рукописи начинается вездѣ большою, а второй малою буквою. Языкъ стихотвореній можно назвать славяно-русскимъ, юго-западнымъ. Въ немъ довольно словъ польскихъ и весьма мало—собственно латинскихъ. Хотя каждое изъ стихотвореній, въ частности, имѣетъ, какъ мы сказали, свое особое заглавіе и содержаніе, но всѣ онѣ проникнуты однимъ духомъ, всѣ имѣютъ связь между собою, большею частію весьма тѣсную и очевидную. Почти въ каждомъ изъ нихъ какъ-бы невольно высказывается одна главная, задушевная, мысль, одно преобладающее чувство: это жалоба на властолюбіе и беззаконныя притязанія папы,—это обличеніе уніи и заблужденій за-

падной-римской церкви, вынужденное гоненіемъ со стороны ея и польскаго правительства на православныхъ и православіе. «Мы русскіе и православные..... Мы прямое достояніе Владиміра святаго, который одинъ владѣлъ цѣлою Русью и всю Русь просвѣтилъ св. крещеніемъ, съ Востока, а не съ Запада полученнымъ.... Русская православная церковь теперь во узахъ и въ неволѣ, какъ Іосифъ; но мы должны стоять до крови за свою народность русскую и вѣру православную...» Мысли эти можно считать главною общею темою всѣхъ стихотвореній, заключающихся въ описываемой нами книгѣ. Ихъ высказываетъ авторъ, такъ или иначе, почти въ каждомъ стихотвореніи, подъ какимъ бы частнымъ заглавіемъ оно ни было, высказываетъ съ большою силою и живостію, а иногда и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Въ неизвѣстномъ авторѣ—поэтѣ нельзя не видѣть какъ знакомства съ разными науками, такъ въ особенности знанія церковной исторіи и догматовъ православной, равно какъ и заблужденій западной церкви. Обличенія и жалобы поэта—богослова не безотчетны и голословны; напротивъ, онъ обличаетъ весьма отчетливо и основательно, поражаетъ своихъ противниковъ мѣтко и сильно. «Западная церковь, говоритъ онъ, хочетъ заманить русскихъ въ унію. Но можно ли согласиться быть въ единеніи съ нею, когда она, очевидно, не право вѣруетъ, заблуждаетъ. Она учитъ исхожденію Духа Святаго и отъ Сына, между тѣмъ какъ слово Божіе ясно говоритъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Бога Отца. Она учитъ крещенію чрезъ обливаніе и безъ мνропомазанія, причащенію міранъ подъ однимъ только видомъ тѣла, безъ крови Христовой, совершенію таинства евхаристіи на опрѣснокахъ.... Все это также явно противно ученію Христа Спасителя нашего, Его св. апостоловъ и истинныхъ ихъ преемниковъ.... Уча насъ совершать таинство евхаристіи на опрѣснокахъ, она хочетъ соединить насъ съ іудеями, врагами Христа Спасителя.... Да и самъ папа—не глава церкви и намѣстникъ Христовъ, каковымъ онъ считаетъ себя, а явный врагъ Спасителя нашего. Онъ не такъ учитъ, да не такъ и живетъ, какъ жилъ и училъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его св. апостолы. Онъ уничтожаетъ Христа Спасителя, ибо не покоряется Ему и Его ученію. Господь Іисусъ Христосъ училъ смиренію и нищетѣ, а папа любитъ богатство и славу міра

сего. Господь Іисусъ Христосъ училъ чистотѣ душевной, посту и цѣломудрію, а папа учитъ не соблюдать постовъ и разрѣшаетъ за деньги беззаконную жизнь блудницамъ. Истинные христіане крестъ Христовъ чествуютъ превыше всего земнаго, а папа носитъ его на своихъ туфлахъ.... Не ясно ли, что унія съ римскою церковію гибельна, что ея слѣдуетъ чуждаться русскимъ, что лучше все претерпѣть за Христа и правую вѣру въ Него, нежели быть въ союзѣ съ врагами Спасителя?...» Мысли эти, съ различными видоизмѣненіями, безпрерывно въ этой книгѣ повторяются, и съ разныхъ, каждый разъ новыхъ, сторонъ раскрываются. Чтобъ ознакомить ближе читателей нашихъ съ содержаніемъ разсматриваемой нами книги, мы покажемъ здѣсь сперва оглавленія первыхъ 39 ти, сохранившихся въ этой книгѣ, стихотвореній, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, взаимнаго отношенія и выпискою нѣкоторыхъ стиховъ, а потомъ представимъ нѣсколько цѣлыхъ, замѣчательнѣйшихъ по нашему мнѣнію, стихотвореній. Въ перепискѣ стиховъ постараемся сохранить правописаніе близкое къ подлиннику. Кажется, кромѣ заглавнаго, недостаетъ еще нѣсколькихъ листовъ въ началѣ и кое гдѣ въ срединѣ книги. Предполагая описать эту книгу, я самъ уже, при чтеніи, означилъ число листовъ ея и первыхъ, сохранившихся въ ней и разсмотрѣнныхъ мною, 39-ти стихотвореній.

А. Добротворскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ

и дѣятельность св. Стефана Немана (въ монашествѣ Симеона), краля сербскаго,—съ предварительнымъ очеркомъ характера древнѣйшей сербской исторіи.

«Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть нетворити безъ его разсужденія; творити же каждому только то, что касается до его епархіи, и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ о Господѣ во святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и святый Духъ. 34-е Апостольское правило.»

Страны, занимаемыя теперь сербами (въ старину Сербіи, Черногоріи, Далмаціи, Герцоговинѣ, Босніи и княжествѣ) и болгарами, составляютъ, по своему географическому положенію, переходный пунктъ отъ востока къ западу. Примыкая съ одной стороны къ Адріатическому морю и, посредствомъ острововъ этого моря, связанныя съ судьбой Италіи, онѣ въ тоже время упираются въ Гемусъ и Черное море и, слѣдовательно, участвуютъ въ судьбѣ Греціи и Аріанскаго востока. Дѣйствительно, какъ исторія этихъ странъ, такъ и географія современнаго состоянія ихъ подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе объ ихъ переходномъ характерѣ. Извѣстно, что берега Далмаціи послужили для Рима ключемъ къ Греціи и Азіи; а потомъ, когда утвердилось римское владычество на обоихъ берегахъ Адріатики и послѣдовало раздѣленіе имперіи, то граница, проходившая чрезъ Иллирію, никогда не могла получить постоянной прочности и колебалась внутри этой провинціи и

сосѣдней Мизіи [1]). Въ настоящее время Далмація дѣлится между двумя народностями—итальянцами и славянами, примыкая политически къ западной державѣ—Австріи, тогда какъ большая половина славянскихъ земель на востокѣ страждутъ подъ духовнымъ игомъ грековъ и подъ политическимъ гнетомъ турокъ.

Такое географическое положеніе задунайскихъ славянъ наложило на нихъ особую историческую задачу, которую они уже выполняли въ исторіи и продолжаютъ выполнять до сихъ поръ. Мы постараемся въ своемъ изслѣдованіи охватить нѣкоторыя конкретныя черты этой задачи, обнаруживающейся въ каждомъ событіи церковной и политической исторіи Сербіи, а особенно въ исторіи правленія Немани. Немани, какъ всѣ великіе историческіе дѣятели, сознательно преслѣдовалъ задачу своего народа. Къ сожалѣнію, памятники дѣятельности этого человѣка слишкомъ скудны; говорятъ только намеками, которые непонятны безъ предварительнаго изученія судьбы сербскаго народа до Немани, и потому мы принуждены сдѣлать короткій обзоръ главнѣйшихъ событій первой половины сербской исторіи.

Время до Властиміра. Сначала (т. е. со времени переселенія сербовъ въ Иллирію), въ жизни сербскаго народа, политическій перевѣсъ былъ на сторонѣ византійскаго вліянія, а церковный—на сторонѣ римскаго. Почти два вѣка (VII и VIII) византійскіе историки молчатъ о сербахъ. Обстоятельство это заставляетъ предположить, что сербы не напоминали о себѣ никакими враждебными выходками противъ Византіи и покорно исполняли условія, на которыхъ они заняли византійскую провинцію, или (что для грековъ значило тоже) поступили на службу императора. Время это, естественно, прошло въ утомительной партизанской войнѣ съ оставшимися въ при-дунайскихъ странахъ готами, аварами и славянами неизвѣстнаго племени. Броженіе разнообразныхъ началъ успокоилось не ранѣе IX вѣка, когда изъ нихъ сложилась одна новая сербская національ-

---

[1]) По раздѣленіи имперіи, граница эта проходила по р. Дринѣ до Скорда; стало быть теперешняя Боснія, Герцеговина, Далмація и Черногорія входили въ составъ западной римской имперіи. См. Dr. Karl Spruners.—Historisch Geogr. Hand—Atlas. K. I.

ность. Въ эту смутную эпоху, неустроившійся народъ ничего не могъ противопоставить хитрому вліянію византійской политики; онъ получалъ даже чиновниковъ изъ Византіи въ качествѣ правителей [1]). Стало быть сношенія съ Византіею не ограничивались платежемъ извѣстной дани, которою были обложены сербы въ видѣ выкупа за занятую землю [2]). Нельзя предположить, чтобы политическое давленіе на сербскую народность со стороны Византіи было сколько нибудь сносно; мы знаемъ, какъ за три вѣка предъ тѣмъ, греческіе чиновники морили поселенныхъ на этихъ же мѣстахъ готовъ искуственнымъ голодомъ. Намъ извѣстно также, что сербы, поселенные сперва въ предѣлахъ солунскихъ, почему-то хотѣли воротиться домой—въ Бѣлую Сербію, покинувъ негостепріимные предѣлы имперіи, и только послѣ новыхъ, выгоднѣйшихъ (и разумѣется неудачныхъ) условій съ бѣлоградскимъ намѣстникомъ заняли тѣ страны, въ которыхъ живутъ и теперь. Съ другой стороны, сербы нуждались въ содѣйствіи Византіи; такъ какъ молодому народу не подъ-силу была борьба съ неистощимымъ наплывомъ дикарей востока Европы, передовымъ отрядомъ которыхъ были авары. Такъ славянскій народъ связалъ свою исторію съ несчастною судьбою уже обреченной на смерть Византіи! Но Византія была не въ силахъ оказать существенную помощь сербамъ: ихъ освободилъ отъ аваровъ императоръ запада Карлъ Великій, во власть котораго и попала западная Далмація и часть земель, занятыхъ сербами [3]); главныя поселенія сербовъ остались подъ политическимъ вліяніемъ Византіи, но только подъ политическимъ,—церковное же, какъ мы сказали, исходило изъ Рима. Задолго до поселенія сербовъ на Дунаѣ, въ областяхъ, занятыхъ ими въ послѣдствіи, уже была обширнѣйшая архіепископія сирмійская [4]). Такъ какъ область

---

[1]) Это видно изъ того, что, когда вторично сербскій народъ подпалъ подъ власть Византіи, то греческое правительство сочло нужнымъ дать ему уже народныхъ правителей.

[2]) Раичь на основаніи словъ К. Багрянород. Ч. II, к. V. гл. VII, § 6.

[3]) Часть Босніи и прибрежье почти до Рагузы.

[4]) Сирміумъ на лѣвомъ берегу Дуная, къ востоку отъ впаденія Дрины.

этой архіепископіи входила въ предѣлы Западной римской имперіи, то архіепископы получали pallium отъ папы [1]). Власть римскаго престола не потеряла своего значенія въ этой архіепископіи и тогда, когда, изъ разрушеннаго гуннами Сирміума 441 г., каѳедра ея перенесена была въ Солунь, а потомъ чрезъ 94 года—въ Юстиніанію. Когда этотъ послѣдній городъ былъ разрушенъ аварами, то патріархъ (такъ нерѣдко именуется архіепископъ Иллиріи) и епископы бѣжали въ Италію и Римъ. Это было около самаго времени переселенія сербовъ на Дунай. Такимъ образомъ, хотя христіанство въ Иллиріи подвергалось неоднократнымъ нападеніямъ варваровъ язычниковъ, но эти бѣдствія были мимолетны: ни гунны, ни авары не могли или не хотѣли прочно оселиться на занятыхъ ими задунайскихъ земляхъ. Туземное славянское населеніе (славяне и остатки готовъ) уцѣлѣло. Уцѣлѣли и остатки христіанской цивилизаціи—города и храмы. Новые пришельцы—сербы,—племя, инстинкты котораго далеко отличны отъ инстинктовъ азіятскихъ племенъ, должны были очень скоро подчиниться вліянію христіанской цивилизаціи. Притомъ же новые пришельцы не были незванные гости; напротивъ, по условію съ Иракліемъ, они дѣлались гражданами имперіи, входили въ составъ ея организма; безъ сомнѣнія, правительство имперіи позаботилось прежде всего стерѣть съ нихъ главную черту варварства—язычество. Дѣйствительно, уже Ираклій креститъ сербовъ. Но съ христіанствомъ неразлучно шло утвержденіе церковной власти. Еще не умерли экс-епископы прежней иллирійской архіепископіи, странствовавшіе по Италіи; еще преданія о правахъ Рима на Иллирію были свѣжи, а церковная власть надъ новыми христіанами досталась западу. Папа Іоаннъ IV возстановилъ на своихъ престолахъ изгнанныхъ епископовъ. Пастыри остались тѣже, измѣнилась только паства: архіепископія учреждена въ Діюклеи [2]). Поступокъ Ираклія, допустившаго римскихъ священниковъ крестить сербовъ, можетъ быть названъ не иначе, какъ дѣломъ благоразумнымъ и во всякомъ случаѣ умѣстнымъ; такъ какъ

---

[1]) Глас. Друж. Сербск. Слов. св. VIII.

[2]) Діоклея—на сѣверномъ углу Скутарійскаго озера, въ предѣлахъ нынѣшней Черногоріи.

религіознаго раздѣленія между Востокомъ и Западомъ еще не было. Если бы императоръ дѣйствовалъ при этомъ въ видахъ константинопольскаго патріарха, то это породило бы только соблазнительную свѣтскую борьбу, въ которой право оставалось бы на сторонѣ римскаго престола. Во всякомъ случаѣ земли сербскія въ VII и VIII вв. составляли часть римскаго патріархата [1]). Если политическое вліяніе Византіи не могло быть легко для сербскаго народа; то гнетъ римской церковной власти, разумѣется, не могъ содѣйствовать скорому и прочному распространенію христіанства между сербами. Въ христіанскомъ мірѣ тогда еще была во всей силѣ та теорія, по которой слово Божіе можно проповѣдывать только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ Епископы и священники сербской церкви были такимъ образомъ по всему чужды сербской національности, и едва ли болѣе терпимы, чѣмъ чиновники византійскіе. Если христіанство въ это время сдѣлало успѣхи между сербами, то виною этого была не римская іерархія, а туземное христіанское народонаселеніе, слившееся въ живой союзъ съ пришельцами сербами. Римская церковь въ VII и VIII вв. обнаруживала все большіе и большіе признаки своего полити-

---

[1]) Послѣ всего сказаннаго выше, страннымъ кажется, что нѣкоторые изъ изслѣдователей сербской древности отрицаютъ фактъ крещенія сербовъ при Ираклiѣ, вопреки прямому смыслу словъ Багрянороднаго и мнѣнію лучшихъ знатоковъ дѣла (Ассемана, Баронія, Маціевскаго); еще страннѣе поступаютъ тѣ, которые полемизируютъ противъ факта крещенія сербовъ при Ираклiѣ римскими священниками, перенося страсти позднѣйшихъ временъ на тѣ вѣка, когда еще небыло религіознаго раздѣленія Востока и Запада. Прибѣгать къ произвольнымъ объясненіямъ словъ Багрянороднаго, понимая подъ Римомъ новый Римъ—Византію, нѣтъ ни малѣйшей нужды и никакихъ основаній. Незавидная честь для Рима, если онъ подъ крещеніемъ сербовъ въ христіанство понималъ присягу этого народа на вѣрность римскому престолу и два вѣка стремится осуществить на дѣлѣ этотъ взглядъ свой. Сербы, успѣвшіе свергнуть съ себя власть Рима (въ IX в.), лучше нашихъ полемиковъ доказали чистоту своего православія.

чески—свѣтскаго характера. Слово—«христіанинъ» получаетъ значеніе, ему несвойственное: оно значитъ уже—«подвластный римскому престолу;» миссіонеры римскіе съ большею терпимостію относятся къ язычникамъ, чѣмъ къ христінамъ, непринимающимъ римскихъ священниковъ, какъ это показала до очевидности исторія распространенія католической вѣры въ Британіи. Новая вѣра не дешево обходилась сербамъ, принявшимъ ее изъ Рима: на поддержаніе свѣтской власти папъ нужны были деньги. Все это было причиною того, что власть прочно утвердилась только въ нѣкоторыхъ западныхъ сербскихъ областяхъ. Начиналась вражда между патріархомъ римскимъ и Византіею. Равенскій экзархатъ—первая область, подпавшая свѣтской власти папы, отнята была у Византіи именно въ это время (въ VIII в.). Ареною борьбы главнымъ образомъ была Сербія, ближайшая изъ римскихъ епархій къ Византіи.

Время отъ Властиміра до Доброслава. Съ X в. роли Византіи и Рима въ отношеніи къ Сербіи мѣняются: въ политическомъ отношеніи Сербія начинаетъ отдѣляться отъ Византіи и сближаться съ Западомъ; въ церковномъ отношеніи, отступая отъ Рима, начинаетъ подчиняться Византіи. IX вѣкъ былъ вѣкомъ знаменательнымъ, какъ въ исторіи всѣхъ другихъ славянскихъ народностей, такъ и въ особенности въ исторіи сербской народности. Національность сербская сложилась вполнѣ къ IX вѣку, развѣтвившись на два племена: сербское и хорватское. Естественно,—она почувствовала нужду въ государственномъ порядкѣ и въ независимости отъ другихъ сосѣднихъ народностей. Прежде всего ей предстояло опредѣлить свои отношенія къ сосѣдней Болгаріи. И теперь оказалось, что между ними не можетъ быть другихъ отношеній кромѣ враждебныхъ. Сербы, состоявшіе на службѣ имперіи, должны были съ самаго переселенія болгаръ на Дунай, дѣйствовать противъ нихъ, такъ какъ имперія вовсе нежелала уступать болгарамъ Мизію. Отсюда сербы сдѣлались присяжными врагами болгаръ. У насъ нѣтъ ясныхъ документовъ историческихъ о ходѣ этой борьбы до IX в; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ ея не было. При Властимірѣ она обнаружилась какъ покушеніе одной народности подавить другую, и потому занесена въ византійскія лѣтописи. Такова была борьба въ княженіе самаго Властиміра,—борьба, кончившаяся счастливо для сербовъ; такое же послѣд-

ствіе имѣла и борьба съ Болгаріею сыновей Властимира. Но со всѣмъ иной исходъ имѣла она при второмъ и третьемъ поколѣніи дома Властимира: когда Чіославъ попалъ къ болгарамъ въ плѣнъ, то,—говоритъ Багрянородный, — «весь народъ отъ мала до велика въ Болгарію отведома, нѣціи же избѣгше, въ Кроацію и селися и тако вся страна тоя осталася пуста» [1]). А когда Чіославъ послѣ семилѣтнаго плѣна, воротился, то «точію пятьдесятъ мужей безъ женъ и дѣтей ловомъ питаются обрѣте». Какъ бы ни были преувеличены эти бѣдствія Сербіи народными слухами, дошедшими до Багрянороднаго, во всякомъ случаѣ слова его даютъ намекъ на характеръ сербскихъ войнъ того времени. Войны эти полны трагическихъ жестокостей и вѣроломствъ, не дѣлающихъ чести тому времени и разжигавшихъ международную ненависть. Такова исторія Властимира! Разъ только блеснула надежда, что судьба обѣихъ родственныхъ народностей сольется въ общее русло гражданской жизни. Сербскій князь Бодинъ былъ призванъ болгарами на ихъ княжескій *столъ*. Но этого не могли допустить греки, смотрѣвшіе на Болгарію, какъ на свою провинцію, со времени изгнанія изъ нея русскаго князя Святослава. Вообще Болгарія была въ иныхъ отношеніяхъ къ Византіи, чѣмъ Сербія, и столкновенія съ Болгаріею усложняли бѣдственную судьбу сербовъ. То греки за союзъ съ Болгаріей опустошаютъ Сербію, то болгаре дѣлаютъ тоже за союзъ Сербіи съ Греціею, то, наконецъ, хитрая политика Византіи раздуваетъ пламя взаимной ненависти между двумя славянскими землями. Борьба съ Болгаріею имѣла по крайней мѣрѣ то значеніе, что укрѣпляла въ сербахъ чувство національности, которое сознается яснѣе при враждебной встрѣчѣ съ другою—сходною національностію; а борьба съ Византіею и вообще связь съ нею увлекла Сербію къ паденію. Отношенія къ Византіи, установленныя договоромъ сербовъ—переселенцевъ съ греками, нарушены самою Византіею, и ни въ какомъ случаѣ,—даже еслибъ греческая администрація была не такъ своекорыстна,—не могла тянуться долго. При томъ же Властимирѣ сербы заявили первую неудачную попытку отдѣлиться совсѣмъ

---

[1]) Конст. Багрянород. гл. 32., по переводу Ранча кн. II. стр. 186—187.

отъ имперіи; но опасность отъ аваръ была еще слишкомъ велика, чтобы не нуждаться въ помощи грековъ, флотъ которыхъ отразилъ нападеніе аваръ, слѣдствіемъ чего было новое подчиненіе сербовъ имперіи, хотя съ измѣненіемъ порядка управленія въ томъ, что чиновниками отъ византійскаго правительства назначены были въ Сербію туземцы. Съ тѣхъ поръ Сербія не перестаетъ напоминать о своей политической самостоятельности. Хотя Византія очень искусно впутывалась во внутреннія смуты княжескаго рода въ Сербіи, но отнынѣ сношенія между ними становятся сношеніями двухъ, большею частію враждебныхъ государствъ между собою. Не разъ греки овладѣвали всею Сербіею; а однажды 50 лѣтъ продолжалось греческое иго (послѣ смерти Чіослава). Но народъ сербскій не иначе и понималъ власть Византіи, какъ иго. Князьямъ не много стоило труда поднять его противъ грековъ, какъ это сдѣлалъ Павлиміръ и окончательно — Доброславъ [1]), народъ съ воодушевленіемъ билъ и выгонялъ греческихъ чиновниковъ и солдатъ. Розсорившись окончательно съ Востокомъ, Сербія по необходимости должна была сблизиться съ Западомъ. Римъ становился сильнѣе — и сильнѣе: на папскій престолъ уже взошелъ Гильдебрандъ. Сюда—то бѣжали сербскіе князья, въ минуты крайнихъ народныхъ бѣдствій, или въ слѣдствіе собственныхъ родовыхъ усобицъ. Политическая связь съ Римомъ сдѣлалась тѣснѣе съ того времени, какъ первенствующее значеніе въ сербскихъ областяхъ получаютъ западныя далматійскія области и вѣтвь княжескаго рода, владѣвшая здѣсь со временъ Павлиміра, котораго народъ вызвалъ изъ Рима (гдѣ онъ родился и возросъ, такъ—какъ предокъ его Радославъ счелъ безопаснымъ скрыться здѣсь отъ Чіослава) освобождаетъ Сербію отъ нестерпимой тягости византійскаго господства. Сношенія Далмаціи съ Италіею, и особенно съ папскими владѣніями, были часты и дружественны; торговые интересы обоихъ береговъ были общи. Дубравникъ (городъ сербскій), еще до покоренія его Венеціею, стоялъ съ ней въ постоянныхъ связяхъ и принадлежалъ скорѣе Италіи, чѣмъ Востоку; а между тѣмъ Дубравникъ главнымъ образомъ поддерживалъ западный княжескій дворъ. Требинія, Зета и Хлумъ были родовыми владѣніями дома — Павлимірова. Боснія,

[1]) По нѣкоторымъ—Воиславъ.

отдѣляясь постепенно въ независимое банство, сближалаеь съ Кроаціею и Угріею,—странами, примкнувшими къ Западу. Оставалась одна Расія въ прежней связи съ Востокомъ. (Покореніе Расіи греками случилось при Прелимірѣ, внукѣ Павлиміра).

Мы сказали уже, что въ церковномъ отношеніи, напротивъ, съ IX в. бралъ перевѣсъ Востокъ. При видимой странности этого обратнаго политическому ходу вещей перевѣса Византіи надъ Западомъ въ религіозномъ отношеніи,—объясненіе его очень просто. Къ IX вѣку славянскія національности взяли рѣшительный перевѣсъ надъ греческою—внутри имперіи; греческимъ оставался только городъ Константинополь, отчасти Морея, да вся администрація имперіи (чиновники). Въ сословіи духовномъ и ученомъ можно было насчитать не одного славянина. Такому повороту дѣлъ много способствовали быстрые военные успѣхи болгаръ, наводнившихъ имперію до самой Византіи. Прежняя теорія о негодности для религіи другихъ языковъ, кромѣ образованныхъ языковъ древняго міра, видимо приближалась къ концу. Славяне могли имѣть своихъ учителей вѣры, не уступавшихъ въ образованности грекамъ. Національная проповѣдь началась, и христіанство вмѣстѣ съ нею дѣлаетъ неожиданно быстрые успѣхи: тѣ самые болгары, которые уже два столѣтія держались языческаго культа внутри границъ имперіи, теперь образуютъ изъ среды себя учителей христіанства. Учители эти были: св. Кириллъ и Меѳодій, которыхъ дѣятельность такимъ образомъ имѣетъ всемірно—историческое значеніе. Когда христіанская вѣра получила граждански прочное положеніе въ Болгаріи, то нужно было подумать объ устроеніи тамъ іерархіи. Допустивъ національную проповѣдь христіанства, греки не были, однакожъ, на столько безкорыстны, чтобы допустить и національную іерархію. Напротивъ, мысль о подчиненіи Болгаріи византійской патріаршеской каѳедрѣ была руководящею мыслію политики Фотія, пославшаго болгарамъ архіепископомъ доростольскимъ Ѳеофилакта. Между тѣмъ папы помнили, что Мизія (превратившаяся теперь въ Болгарію), составляла нѣкогда нераздѣльную часть иллирійской салонской епархіи, зависѣвшей отъ Рима. Теперешняя діоклейская архіепископія ограничивалась, разумѣется, только сербскою народностію. Но, когда христіанская вѣра утвердилась граждански и въ Болгаріи, то папы считали себя въ правѣ потребовать присоединенія и болгарской

іерархіи къ діоклейской, зависѣвшей отъ Рима. Произошелъ соблазнительный споръ двухъ престоловъ, поведшій къ охлажденію прежнихъ братскихъ отношеній: въ спорѣ всякое орудіе считается хорошимъ, лишь бы вело къ цѣли. Римская церковь усомнилась въ православіи славянской проповѣди, хотя сначала не имѣла ничего противъ нея и, вѣроятно бы, не обратила на это вниманія и послѣ, еслибы славянскія земли сразу вошли въ область римскаго патріархата. Это послѣднее обстоятельство скоро поссорило и сербовъ съ Римомъ. Сербы, хотя два столѣтія слишкомъ входили въ составъ діоклейской архіепископіи,—были болѣе язычники, чѣмъ христіане. Вѣроятно, уже большинство ихъ исполняло церковные обряды и исправно платило десятину св. Петру; но подъ этими внѣшними формами христіанства скрывались застарѣлыя языческія воззрѣнія; меньшинство—были открытые язычники. Причину такихъ слабыхъ успѣховъ христіаства мы видѣли уже въ характерѣ римской церковной власти. Просвѣщеніе народнымъ, понятнымъ словомъ вѣры сосѣдней Болгаріи не могло не дѣйствовать на сербовъ. Есть преданіе, что сами славянскіе первоучители заходили въ Сербію и даже будто основали славянскую епископскую каѳедру въ Сидинумѣ. Но и помимо этого преданія вѣроятность на сторонѣ того предположенія, что сербы очень скоро услышали Христову проповѣдь на родномъ языкѣ. Прежніе христіане дѣлались, такъ сказать, вновь христіанами; язычники быстро обращались. Діоклейская ерархія, уже предубѣжденная противъ славянской проповѣди, и осоебнно противъ проповѣдниковъ, вышедшихъ съ Востока,—не могла благопріятно смотрѣть на совершающійся переворотъ, и не могла не употребить мѣръ, которыя способны были возбудить неудовольствіе въ сербскомъ народѣ. Неудовольствіе дѣйствительно возникло и повело къ тому, что большая часть сербскихъ земель примкнула къ восточной церкви. Остались вѣрными Риму республика Далмаціи, отчасти Хлумъ (Дубравникъ, Антиваръ, Катаро, Свацъ, Скадръ и проч.) Переворотъ этотъ совершался постепенно въ теченіи двухъ вѣковъ—IX и X. Разумѣется, учреждались самостоятельныя каѳедры епископскія по разнымъ городамъ, укрѣплялся славянскій языкъ въ церкви—при богослуженіи и проповѣди. Но до полной независимости церковной еще было далеко. Сербія находилась въ такихъ отношеніяхъ къ

Болгаріи и Византіи, которыя необходимо приводили церковь сербскую къ подчиненію болгарской, и чрезъ нее—греческой. Мы видѣли, что дружественныхъ отношеній между Сербіею и Болгаріею не было и не могло быть; стало быть не могло быть общихъ усилій къ основанію одной независимой славянской іерархіи. Вражда между ними проявляется крупными событіями, именно, въ то время, когда болгары и сербы просвѣщались славянскою проповѣдью св. Кирилла и Меѳодія. Такъ какъ въ этой борьбѣ, въ разсматриваемый періодъ времени, успѣхъ былъ на сторонѣ Болгаріи, то церковь сербская раздѣляла участь церкви болгарской. Церковь же болгарская, естественно, подчинялась по-политической судьбѣ Болгаріи. А исторія политическаго быта Болгаріи вся состоитъ изъ ряда войнъ съ греками,—войнъ, кончавшихся то чрезмѣрнымъ расширеніемъ ея границъ (между прочимъ насчетъ сербскихъ областей), то полнымъ ея подчиненіемъ Византіи. Въ первомъ случаѣ Сербія и сербская церковь теряли свою независимость, и подчинялись другой хотя въ славянской державѣ и церкви; во второмъ—греки, пользуясь успѣхами въ Болгаріи, покоряли себѣ государство сербское и сербскую церковь. Вскорѣ по принятіи Болгаріею христіанства изъ устъ славянскихъ проповѣдниковъ его, тамъ утвердилась (при Петрѣ, внукѣ Бориса) независимая патріархія съ каѳедрою въ Дористолѣ. Но и прежде этой полной независимости болгарской церкви, она находилась въ такомъ же отношеніи къ греческой, въ какомъ первоначально была русская церковь. Но когда нападеніе русскаго князя Святослава измѣнило политическій взглядъ Византіи на Болгарію, то измѣнилась и судьба болгарской церкви. Независимая іерархія и новоучрежденный патріархатъ уничтожены при первомъ же патріархѣ Болгаріи. Во время перваго цвѣтущаго періода болгарской церкви сербы были въ самыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Болгаріи и, отдѣляясь въ тоже время отъ Рима, должны были позаботится объ устройствѣ независимыхъ національныхъ епископій. Таковы вѣроятно: ядранская, бѣлградская, смедеревская и т. д. Подчинялись ли эти епископіи какой нибудь греческой митрополіи, или, можетъ быть, непосредственно константинопольской каѳедрѣ,—намъ неизвѣстно; но примѣры церкви русской и болгарской не позволяютъ думать, что бы греки не воспользовались плодами дѣятельности миссіонеровъ, вышедшихъ изъ Византіи.

Къ сожалѣнію, и эта условная независимость сербской церкви поддерживалась не долго, потому что второй (Симеонъ) и третій (Петръ), христіанскіе князья Болгаріи, подчинили себѣ разрозненныя общины, а въ заключеніе всего въ конецъ разорили Сербію. Восточныя сербскія епархіи въ это время должны были войти въ составъ доростольскаго патріархата. Когда же, послѣ набѣга Святослава, Болгарія была обращена въ византійскую провинцію, то и Сербія подпала тойже участи. Въ странѣ, оставшейся безъ княжескаго рода, послѣ гибели Чіослава,— начали хозяйничать греки; стало быть и церковь сербская пришла въ непосредственную зависимость отъ греческой. При такихъ политическихъ отношеніяхъ сербовъ къ грекамъ, греческіе епископы въ Сербіи не могли пользоваться достодолжною любовію народа и содѣйствовать успѣхамъ христіанства. Вслѣдствіе этого, когда народъ вызвалъ на княженіе западный княжескій родъ изъ Рима въ лицѣ Павлиміра, побилъ и выгналъ всѣхъ чиновниковъ и солдатъ греческихъ, то едвали не той же участи подвергались и представители греческой церкви.

Болгарія подчинилась власти Византіи только потому, что набѣгъ русскихъ дружинъ привелъ ее въ крайнее разслабленіе. Лишь только она оправилась отъ этого удара, какъ незамедлила (около 980 г.) отдѣлиться отъ Византіи и пріобрѣсти большую часть европейскихъ областей отъ самой имперіи, такъ что средоточіемъ болгарскаго царства становится Охридъ. Область Болгаріи включала въ себѣ Эпиръ и Албанію, Ѳракію (кромѣ Румеліи) и Македонію (кромѣ Холхидаки). Такая держава не могла допустить, чтобы церковь ея зависѣла отъ Византіи, оттиснутой въ Азію. И вотъ въ Охридѣ учреждается патріархатъ славянскій и независимый. Къ этому времени (къ концу X и началу XI в.) относится эпоха торжественнаго пробужденія христіанской жизни и общенія между восточными славянами. Подъ вліяніемъ Болгаріи, просвѣтилась Русь свѣтомъ евангельскаго ученія на родномъ языкѣ и подъ попеченіемъ единоплеменныхъ пастырей. Въ тоже время и сербскій народъ пришелъ въ ближайшее столкновеніе съ болгарскимъ. Сербы проповѣдывали болгарамъ, болгары—сербамъ. Казалось, настало время, когда на рубежѣ востока и запада осуществится новый историческій идеалъ, внѣ вліянія господствовавшихъ въ то время идей западной—духовно-свѣтской и восточной—свѣтско-духовной имперіи.

Но Промысломъ суждено иначе. Прежде всего между сербами и болгарами было еще слишкомъ много враждебныхъ задатковъ для того, чтобы они могли составить одну славяно иллирійскую церковь. Въ то самое время, когда «краль и самодержецъ» Самуилъ мощно властвовалъ въ Орхидѣ, который онъ же избралъ своею столицей, этотъ же Самуилъ велъ ожесточенную борьбу съ сербскимъ княземъ Владиміромъ и, окруживъ последняго у горы Косогоръ, до тѣхъ поръ томилъ его, пока тотъ не вышелъ къ нему для переговоровъ, при чемъ и былъ измѣннически схваченъ и отправленъ въ Охридъ, въ тюрьму. Преемникъ Самуила, кровавый Владиславъ разыгралъ другую трагическую сцену съ тѣмъ же Владиміромъ. При этихъ событіяхъ «земля сербская была опустошена», какъ замѣчаютъ обыкновенно лаконически лѣтописцы. Въ виду такихъ событій было бы ошибочно утверждать, что церковь сербская наслаждалась полнымъ счастіемъ подъ властію охридскаго патріарха, хотя бы этотъ послѣдній и былъ родомъ славянинъ. Въ самомъ дѣлѣ не безъ причины въ тоже время успѣшно дѣйствовала римская пропоганда въ западныхъ областяхъ Сербіи, такъ что вся Сербія въ церковномъ отношеніи раздѣлилась на двѣ половины—на епархію Дубровника, который, послѣ паденія Дукли, сдѣланъ былъ архіепископіею, и епархію Охрида.

Расширеніе предѣловъ Болгаріи до показанныхъ нами размѣровъ совершилось при Василіѣ императорѣ изъ дому Багрянороднаго. При немъ же она надолго потеряла свою независимость политическую и церковную, такъ что для цвѣтущей ея эпохи остается краткій промежутокъ 980—1018 г. Вся Болгарія превращена въ византійскую провинцію. Вмѣстѣ съ нею и Сербія подпала подъ власть грековъ: снова сюда явились греческіе сановники, снова страна истощалась содержаніемъ толпы византійскихъ солдатъ; снова на каѳедрахъ епископскихъ возсѣли иноземцы изъ вражеской и мстительной страны. Въ церквахъ опять послышался чужой языкъ, въ звукахъ котораго туземцы привыкли слышать только торжество врага и презрѣніе къ славянской націи со стороны одряхлѣвшей, но гордой народности. Что дѣйствительно ожесточеніе обѣихъ сторонъ—славянской и греческой доходило теперь до крайностей, это показываетъ поступокъ Василія Болгароубійцы. Онъ послалъ этимъ послѣднимъ 1500 плѣнныхъ ихъ единоплеменниковъ съ выко-

лотыми глазами. Сербы не были въ болѣе мягкихъ отношеніяхъ къ Византіи. Итакъ образованіе народной церкви и народнаго государства,—задача сербскаго народа,—была еще отодвинута на столѣтіе. Но урокъ полученъ сильный: горечь греческаго ига укрѣпила народъ въ мысли искать спасенія только въ себѣ самомъ. Чувство народное было сильно оскорблено, такъ что едва минуло 23 года греческаго владычества въ Сербіи, какъ является человѣкъ, сдѣлавшій задачею своей жизни—употребить всѣ мѣры къ освобожденію отечества, даже обманъ,—обычное оружіе своихъ враговъ. Человѣкъ этотъ былъ потомокъ княжескаго рода Доброславъ (Войславъ), воспитавшійся въ западномъ Дубровникѣ. Онъ напомянулъ народу, «какъ стыдно и грѣшно славному и свободному народу терпѣть греческое рабство». Народъ всталъ и въ одинъ день побилъ всѣхъ грековъ. Итакъ во все время, отъ половины IX до половины XI вѣка, сербская церковь переходила изъ рукъ іерархіи болгарской въ руки византійской, и наоборотъ. Въ политическомъ же отношеніи только заявлена была потребность отдѣлиться совсѣмъ отъ восточной имперіи. Но до осуществленія этой мысли тогда не могло еще дойти. Въ продолженіи этихъ двухъ столѣтій все болѣе и болѣе усложнялся споръ между западною и восточною церквами, и выходили наружу догматическія разницы, уже съ давнихъ временъ утвердившіяся между двумя половинами христіанской церкви. Во все это время Востокъ и Западъ заявляли свои права на придунайскія славянскія земли, послужившія яблокомъ раздора. Положеніе этихъ послѣднихъ еще не опредѣлилось. Но въ половинѣ XI вѣка проложена роковая, прочная черта между православнымъ востокомъ и западомъ, окончательно уклонившимся на нехристіанскій путь свѣтской политики. Теперь предстоялъ рѣшительный моментъ для Болгаріи и Сербіи съ Хорваціею.

Въ то время, какъ Болгарія, страна ближайшая къ Византіи, входитъ въ политическія границы имперіи и мало по малу утрачиваетъ національную церковь, принимая греческихъ епископовъ и богослуженіе,—Хорватія, ближайшая къ Западу, утрачиваетъ политическую и церковную независимость, подчиняясь въ томъ и другомъ отношеніи Риму,—въ то время Сербія, стоящая въ рединѣ между ними, успѣла отстоять и то и другое, испытавъ еще періодъ колебанія въ продолженіи цѣ-

лаго столѣтія, отъ половины XI до половины XII вѣка. Этотъ періодъ колебанія составляетъ—

Время отъ Доброслава до Немани. До XI вѣка Сербія составляла нѣчто одно, соединяемое кровными узами одного княжескаго рода, хотя члены этого рода владѣли самостоятельно множествомъ мелкихъ жупанствъ. Но съ XI вѣка она раздѣляется на нѣсколько главныхъ областей, владѣтели которыхъ уже ничѣмъ не связаны между собою. Рѣзкая разница установляется между восточными и западными областями ея. Къ восточнымъ принадлежала: а) Расія, страна, огибаемая съ сѣверо-востока полукругомъ, который составляютъ болгарская и сербская Морава; на западѣ она отдѣляется цѣпью хребтовъ отъ Зеты, древней Діоклеи, и Конавле. Съ юга замыкаетъ ее хребетъ, соединяющій Гемусъ съ Динарскими Альпами. Здѣсь, въ двухъ богатыхъ долинахъ, было густое народонаселеніе, уже значительно развившіеся въ слѣдствіе сосѣдства цивилизованныхъ народовъ Греціи; здѣсь окрѣпъ сербскій духъ, не растлѣваемый космополитическими идеями Запада. б) Зета, на юго-западѣ отъ Расіи, и Травунія, на западѣ,—двѣ области, прежде колебавшіяся между Римомъ и Византіею, теперь составляющія родовыя владѣнія дома Павлиміровa. в) Босна, отдѣлившаяся тоже въ независимое жупанство,—громаднѣйшая изъ всѣхъ областей, но, благодаря сосѣдству мадьяровъ, не утвердившаяся крѣпко въ своей національности и готовая поддаться вліянію Запада. Расія продолжала отстаивать свою политическую и церковную самостоятельность, воспитывая въ своихъ нѣдрахъ новый княжескій родъ, который потомъ поставитъ Сербію въ положеніе, назначенное ей Провидѣніемъ. Четыре поколѣнія этого рода извѣстны намъ, какъ жупаны Расіи—(Вулканъ), Урошъ, Примиславъ и Теша до Немани—и всѣ три боролись съ греками, не подчиняясь Западу. Значеніе Расіи особенно возрастаетъ съ того времени, какъ Сербіею сталъ владѣть западный родъ княжескій. Но, послѣ Доброслава, она становится совершенно независимымъ жупанствомъ, хотя смуты, происходившія въ Зетѣ и Травуніи, отзывались иногда и на Расіи (плѣнъ Уруша). Жупаны Расіи сносились самостоятельно съ иностранными державами; таковы напр. сношенія Уроша съ мадьярами. Борьба съ греками, не смотря на неоднократныя вторженія и пораженія со стороны послѣднихъ, привела Расію

въ болѣе свободныя отношенія къ Византіи, чѣмъ въ какихъ были западныя области. Церковь Расіи въ этомъ періодѣ времени едва ли не болѣе благоденствовала, чѣмъ во всѣ предъидущіе.

Совершенно другой ходъ приняла исторія западныхъ областей Сербіи, управлявшихся еще князьями дома Павлимірова. Родовыя смуты княжескаго рода подавали поводъ и содѣйствовали здѣсь политическому преобладанію Византіи, между тѣмъ какъ въ церковномъ отношеніи Западъ рѣшительно втянулъ Сербію въ безвыходную сѣть римской политики. Послѣ освободителя Сербіи—Доброслава, поколѣніе его раздѣлилось на двѣ линіи, въ потомствѣ двухъ сыновей его—Михаила и Радослава. Эти двѣ линіи ведутъ между собою кровавую борьбу за наслѣдство,—борьбу, которая не могла облагородить духа борющихся сторонъ и возвысить сознаніе своей народности въ массѣ населенія западныхъ областей. Яквинта—Брунегильда славянская, и ея сынъ Георгій—образцы вѣроломства и кровожадности. Въ безплодныхъ усобицахъ этотъ родъ изгубилъ самъ себя, такъ что въ VIII вѣкѣ остался одинъ только представитель его Радославъ. Каждая линія этого рода, при измѣнѣ счастія, спѣшила бѣжать въ Царьградъ и тамъ возбуждала грековъ противъ собственнаго народа. Греки приходили, легко одерживали побѣду и отводили въ плѣнъ князей другой линіи, которые и умирали въ византійскихъ тюрмахъ. Такъ умерла въ греческомъ заключеніи Яквинта. Въ заключеніе, князья сербскіе, или,—какъ они назывались тогда—крали, были только мнимыми кралями; управлялась страна опять греческими чиновниками.

Странный, но тѣмъ не менѣе вѣрный фактъ сербской исторіи: въ Сербіи политическій перевѣсъ Византіи всегда совпадаетъ съ перевѣсомъ Рима въ религіозномъ отношеніи. Уже преемникъ освободителя Сербіи Михаилъ вошелъ опять въ тѣсныя сношенія съ Римомъ, слѣдствіемъ которыхъ было подчиненіе римской церкви тѣхъ сербскихъ областей, гдѣ признавалась власть потомковъ Доброслава. Эта новая связь съ Римомъ носитъ уже отнюдь не тотъ невинный характеръ, какой имѣла она до IX вѣка. И церковь римская была уже не то, что прежде; да и отношенія ея къ Востоку сдѣлались около этого времени (половины XI в.), рѣшительно враждебными. Стало быть

поступокъ Михаила не былъ только перемѣною одной епархіи на другую, а измѣною своей вѣрѣ въ пользу другой. «Рабъ рабовъ Божіихъ,» посылавшій теперь народы, королей и императоровъ на востокъ, для завоеванія ему мусульманскаго міра, имѣлъ въ виду присоединить къ своей духовной имперіи не мусульманъ только, а и народонаселеніе передней Азіи, т. е. христіанъ восточной церкви [1]). Изъ новыхъ европейскихъ народовъ независимыми отъ его власти оставались только славянскія церкви—русская и сербская: первая по своей отдаленности удержала свою независимость, не смотря на попытки со стороны Рима вмѣшаться въ ея дѣла, заявленныя около того же времени, при великомъ князѣ Изяславѣ; второй, поставленной совсѣмъ въ иныя отношенія, предстояло выдержать упорную борьбу, къ которой племя Павлиміра, римскаго воспитанника, вовсе не было способно. По мѣрѣ утвержденія могущества Рима, возрастала тягость зависимости подчиненныхъ ему церквей и государствъ. Языкъ державнаго владыки Европы сдѣлался обиднымъ языкомъ, и въ бумагахъ папскихъ на имя сербскихъ королей звучатъ ноты приказа. Такъ, въ буллѣ къ Михаилу Григорію VII, повелѣвая прислать къ нему нунціевъ для разрѣшенія спора между дубровницкимъ и салонскимъ архіепископами, приписываетъ себѣ право признать краля сербскаго въ королевскомъ достоинствѣ [2]). Уступокъ славянской народности въ дѣлахъ церкви и богослуженія ждать уже было напрасно, такъ какъ вражда между славянскою и германскою народностями въ Моравіи повела на Западѣ къ возобновленію каноническаго постановленія о негодности для вѣры новыхъ европейскихъ языковъ. Какъ бы ни усиливались западные историки церкви доказать, что въ Илліріи (Сербіи и Хорваціи) не было запрещено употребленія въ церкви славянскаго языка [3]), для насъ останется несомнѣннымъ, что гнетъ латинизма надъ западными областями Сербіи былъ чрезвычайно пагубенъ для сербской народности, какъ это показываетъ примѣръ теперешняго католическаго населенія Босны. Западныя области Сербіи

---

[1]) Что и было частію исполнено во второй крестовый походъ.

[2]) Kalend. Eccles. Asseman. T. V. p. 10.

[3]) Тамъ же т. IV.

вошли теперь въ составъ рагузанской (дубровницкой) архіепископіи, а частію въ предѣлы салонской. Границы между тою и другою не были точно опредѣлены, что и повело къ спору, о которомъ упоминаетъ Григорій VII въ своей буллѣ. Отъ восточныхъ епархій (самостоятельныхъ сербскихъ и зависящихъ отъ византійскаго патріархата) рагузанская архіепископія отдѣлялась болѣе прочными границами; именно—въ нее не входили, кромѣ Расіи и сѣверныхъ, придунайскихъ областей (Браничева, Мачвы и т. д.), всѣ области по сю сторону горъ, т. е. Зета (Конавлія и Діоклея) и Травунія. Все, что было за холмами (Захолмія, Корента и т. д.) подчинялось дубровницкому архіепископу. Что же касается Босны,—то она, отдѣлившись въ особый банатъ (1120 г.) съ того времени, какъ жупанъ Расіи Урошъ отдалъ ее въ приданное зятю своему мадьярскому королю, поставлена была въ весьма невыгодное положеніе относительно своихъ церковныхъ дѣлъ. Будучи православною частію православной Расіи, она попала въ ближайшую связь съ католическими мадьярами и князьями западной Сербіи. Оттого внутри ея имѣла громадный успѣхъ ересь богомиловъ, доведшая до крайности протестъ противъ стѣсненія церковными властями религіозной свободы народа. Номинально она входила въ составъ венгерской архіепископіи.

Такова была судьба сербскаго народа до половины XII вѣка. Такъ отразилась на его исторіи та особенность географическаго положенія страны, которую мы называли переходнымъ характеромъ мѣстности. Самый поверхностный взглядъ не можетъ не замѣтить въ ней колебаній, неустановившихся отношеній между Востокомъ и Западомъ. Но эти колебанія съ одной стороны не могутъ быть предметомъ порицаній сербскому народу за его будто бы некрѣпкія отношенія къ православію, съ другой стороны привели къ развитію внутри этого народа новаго идеала церкви—національной. За нихъ нельзя порицать сербскій народъ, ибо до IX вѣка не установилась разница между православіемъ и католицизмомъ; а съ XI вѣка католицизму подчинилась только западная часть Сербіи, и то только правительственнымъ путемъ, изъ политическихъ видовъ

князя Михаила и его преемниковъ. Да легко ли было слабой сербской церкви выдержать одной борьбу съ повелителями цѣлаго запада Европы, и притомъ въ такой близости къ Италіи, при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Венеціею и городами папской области? Колебанія между востокомъ и западомъ содѣйствовали утвержденію національной церкви въ Сербіи; ибо, питая одинаковую вражду къ покушеніямъ Рима и Византіи на свою народность, сербы, естественно, должны были прійдти къ мысли—основать свою независимую церковь. Болгарія, отдаленная отъ запада, перемѣнила славянское богослуженіе и славянскую іерархію на греческія; Кроація измѣнила и то и другую на римскія. Удержалась одна Сербія, въ слѣдствіе своего срединнаго положенія. Въ ней въ первый разъ исторія христіанской церкви видитъ осуществленіе того идеала церкви, о которомъ говоритъ 34-е апостольское правило.

Но это осуществленіе, какъ оно ни было подготовлено предшествующею исторіею Сербіи, могло состояться только подъ условіемъ политическаго единства и независимости сербскаго народа. А политическое состояніе Сербіи до Немани было далеко отъ этой цѣли. Раздробленная сперва на небольшіе родовые участки князей, Сербія, хотя и сложилась въ XI вѣкѣ въ три большія области, по оттѣнкамъ племенныхъ различій, но двѣ изъ нихъ отторгнуты Византіею и мадьярами. Оставалась только Расія—зародышъ, ячейка будущаго величія сербской націи и неразрывно соединеннаго съ нимъ благосостоянія независимой сербской церкви. Эта область воспитала въ нѣдрахъ своихъ родъ, начальникъ котораго по справедливости называется пророкомъ Божіимъ, воззвавшимъ къ жизни разрозненныя части бѣдной націи. Человѣкъ этотъ былъ Неманя.

Въ личности этого человѣка предъ нами выступаютъ одинъ за другимъ два образа, совершенно самостоятельныхъ: краль Стефанъ Неманя—государственный практическій мужъ и державный покровитель вѣры и церкви, и преподобный монахъ Симеонъ—образецъ иноческаго самоотверженія и личныхъ высокихъ добродѣтелей. По существу мысли, избранной нами для изслѣдованія, мы должны охарактеризовать дѣятельность Стефана краля, хотя мы и не въ правѣ, будемъ умолчать объ инокѣ Симеонѣ; потому что и на тронѣ и въ кельѣ это все таки былъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Его образъ жизни и дѣя-

тельности на Аѳонѣ можетъ многое уяснить намъ въ его образѣ жизни и дѣятельности политической, и наоборотъ,—хотя безъ сомнѣнія достоинство государственнаго дѣятеля характеризуется не тѣми качествами, которыя составляютъ славу подвижниковъ—иноковъ.

То время, для спасенія Сербіи, требовало человѣка, который бы могъ стать выше родовыхъ счетовъ княжескихъ, т. е. человѣка новаго, не наслѣдовавшаго своекорыстной политики той или другой линіи своихъ предковъ,—требовало человѣка съ достаточною степенью ума, чтобы усвоить себѣ идею народнаго государства, идею, чуждую тому времени,—съ достаточною степенью личнаго мужества, чтобы осуществить эту идею между двумя огнями—претензіями Византіи и Рима и въ полномъ разгарѣ жупанскихъ усобицъ,—съ достаточною степенью безкорыстія (лыцарства), чтобы пріобрѣсти народное довѣріе всѣхъ сербскихъ областей и сдѣлать такимъ образомъ новооснованное государство прочнымъ подъ властію своего рода.

Мы увидимъ, на сколько Немания удовлетворялъ этимъ требованіямъ времени.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОЛЫНЬ ДО ВРЕМЕНЪ ГЕДИМИНА.

Миновала уже тысяча лѣтъ исторической жизни Россіи: мы выросли, окрѣпли и вступили въ тотъ возрастъ, въ которомъ пора уже сбросить съ себя чужеземныя оковы; пора сбросить космополитизмъ, который закрываетъ отъ насъ всѣ красы духа и физіономіи нашей, который мертвитъ наше сердце, притупляетъ чувства, убиваетъ самолюбіе и изуродываетъ тенденціи наши; пора намъ начать отдѣльное самостоятельное существованіе. Но для этого мы должны всегда и вездѣ опираться на народность нашу, изъ нея черпать духовное содержаніе жизни, и на ней только созидать себѣ храмъ славы въ настоящемъ и будущемъ. А гдѣ же всего ярче и самобытнѣе является народъ, какъ не въ своихъ древнихъ наслѣдственныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ, установленіяхъ и формахъ? До всего этого въ *отдаленныя* времена не касалась еще чужеземная рука, и въ нихъ воплотился духъ народа; въ нихъ олицетворилась и выразилась исторія и поэзія наша; въ нихъ обозначился зародышъ, возрастъ и развитіе всей нашей жизни.

Погрузимся же мы въ самую глубь нашей народности, вынесемъ со дна ея скопившіяся тамъ въ теченіи тысячелѣтія сокровища; покажемъ народу его собственныя богатства, и тѣмъ окажемъ далеко большую услугу, чѣмъ вся древне-классическая мудрость, которая какъ-то не пристаетъ намъ и остается навсегда для насъ экзотическимъ прищепомъ.

Понятія наши формировались долгое время при разныхъ условіяхъ и въ разный часъ; бытъ нашъ слагался и устанавлялся изъ разныхъ элементовъ и обстоятельствъ въ жизни; характеръ развивался и образовывался изъ многихъ пережитыхъ нами переворотовъ и перемѣнъ: все это такія роскошныя и неисчерпаемыя сокровища, разработка которыхъ составляетъ насущ-

ную потребность въ настоящемъ и обезпеченіе въ будущемъ времени.

Это единственная опора для самобытнаго развитія нашего, единственное приложеніе и средство для нашихъ практическихъ цѣлей и нуждъ; единственная подмога въ предстоящемъ намъ еще долгомъ—долгомъ пути.

Въ этой-то цѣли и въ этомъ родѣ мы намѣрены говорить о *Волыни*.

Волынью называлась страна, границами которой были слѣдующія рѣки, съ запада и востока Бугъ и Днѣпръ, съ сѣвера и юга Припеть и Днѣстръ.

Авсуи, кочевавшіе по берегамъ Волги и Каспійскаго моря, въ 569 году двинулись на западъ и стали тѣснить живших по Дунаю славянъ. Большая часть славянскихъ племенъ снялась съ своихъ мѣстъ и пошла на сѣверо востокъ. Прибывъ къ границамъ Волыни, они пошли по теченію рѣкъ Буга, Иквы, Стыри, Горыни, Случа и Тетерева, по берегамъ которыхъ лежала еще пустопорожняя земля.

Дѣвственная почва этой земли, прекрасный благорастворенный климатъ, роскошные луга, обширные дремучіе лѣса и живописное положеніе рѣкъ расположили странниковъ этихъ основать на нихъ жилища свои. Основанныя ими поселенныя мѣста, отъ ограды оныхъ, получили названія городовъ и пользовались долгое время старшинствомъ предъ прочими городами, возникавшими уже въ позднѣйшія времена. Изъ первобытныхъ волынскихъ городовъ многихъ уже нѣтъ и слѣда, напр. Волыни, Любоміра, [1]) Галича, Вщижа, Вздвиженска; другіе обратились въ бѣдныя селенія: Всеволожь, Шепель, Гнойница, Тихомль Перемиль; а послѣдніе остались съ первобытнымъ нарицательнымъ и собственнымъ названіемъ своимъ.

По свидѣтельству Нестора, въ странѣ, называемой Волынью, жили слѣдующія племена: Япольды, Угличи, Бужане, Лутичи, Дулебы, Тиверцы, Хорваты, Древляне и Поляне. О существованіи этихъ племенъ сохранились слѣдующіе памятники:

1. *Япольды*—мѣс. Ямполь крем. уѣзда.

---

[1]) Не отъ этого ли города получила свое названіе одна изъ древнѣйшихъ русскихъ фамилій—князей Любомірскихъ? По всей вѣроятности.

2. *Уличи*—Гульча, селеніе острож. уѣз. Гадячъ, Гальчинцы—стар. уѣз.

3. *Бужане*—Бузекъ, Дорогобужъ, бужае—высоко растетъ, небожъ, бажае—желаетъ, небожщикъ—умершій.

4. *Лутичи*—Летичевъ, г. подоль. губ., Луцкъ, Лучикъ—Лутикъ, terro Lutecèrionsis, Лутица—лучшій родъ соены

5. *Дулебы*—село тогоже имени въ дуб. уѣз.. далибы—божба, Долобское озеро.

6. *Тиверцы*—Кивирцы, селеніе луц. уѣз.

7. *Хорваты*—Хоровіевка, селеніе ст. уѣз. по польски Карабіевка, Хорлуны с. луц. уѣз., (хороваты—болѣть, хороба—болѣзнь).

8) *Поляне*—Полонное мѣстечко, Полонное село, и множество названій мѣстечекъ съ окончаніемъ—поль: Краснополь, Острополь и т. д., чего нельзя признать окончаніемъ греческаго слова, полуз—городъ.

Первоначальный бытъ Волыни.

Слишкомъ односторонни были бы свѣденія о Волыни, еслибы мы обратили только вниманіе на жизнь и дѣйствія ея въ послѣдующихъ вѣкахъ; неправиленъ былъ бы выводъ о политическомъ и гражданскомъ устройствѣ ея, еслибы мы оставили безъ вниманія первоначальный самый интересный бытъ ея. Первый зародышъ гражданской жизни, начальная судьба ея, при всей кажущейся малозначительности, достойны полнаго вниманія нашего; ибо они, пріуготовивъ періоды, обильные дѣяніями, проясняютъ намъ ходъ національныхъ событій, совершившихся перемѣнъ и постигшихъ ее судебъ.

Волынскій народъ или Волынь образовалась изъ сліянія исчисленныхъ нами славянскихъ племенъ въ одинъ общій народъ съ равнымъ значеніемъ, правомъ и съ одинаковыми цѣлями. Причины послѣдовавшаго слиянія произошли отъ обстоятельствъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Къ обстоятельствамъ внѣшнимъ относится возраставшее могущество сосѣдей поляковъ, чеховъ, ятвяговъ и дѣйствіе венгровъ; для чего и существовали въ доисторическія еще времена крѣпости: Острогъ, Кременецъ, Острополь, Детинци, и др.

Славянскія племена, сходныя обычаями, нравами, вѣрованіями, преданіями и всѣмъ житейскимъ бытомъ своимъ, ведя

жизнь патріархальную, занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, немогли вынести изъ этого образа жизни другаго понятія объ управленіи, кромѣ первоначальнаго—семейнаго, а въ дѣлахъ трудныхъ, касавшихся другаго племени и рода—совѣщательнаго, совмѣстнаго—общественнаго.

Каждое племя жило въ своемъ родѣ на избранныхъ мѣстахъ; единство рода и порядокъ въ немъ поддерживались единымъ родоначальникомъ, а, въ случаѣ смерти его, старшимъ членомъ въ родѣ, сподручникомъ, который оставался для всего рода вмѣсто отца. Внѣ этого родоваго узла, внѣ іерархіи семейной первоначальные предки наши ни какой другой власти не знали и не хотѣли знать. При разветвленіи же членовъ рода и умноженіи семей, по естественному порядку вещей, въ средѣ ихъ стали возникать усобицы и смуты: члены и старшины рода, лишенные всякаго образованія, руководимые духомъ тогдашняго времени, и стѣсняемые разнаго рода отношеніями, по необходимости имѣли столкновенія съ подобными себѣ лицами другаго рода и всегда почти правда должна была уступать силѣ. Обстоятельство это привело роды къ той мысли, чтобы изъ среды своей избрать одного *ота* или *вита*—съ правомъ законодателя и судьи всего поселеннаго мѣста, которые съ тѣмъ же названіемъ и значеніемъ существуютъ и до сего времени. Для устраненія споровъ и столкновеній, возникавшихъ между поселенными мѣстами, эти оты или виты имѣли между собою сходки и совѣщанія съ людьми соприкосновенными дѣлу; и такимъ образомъ положили начало суду совѣщательному, общественному между извѣстными поселенными мѣстами, называвшемуся отъ вита—вѣче, [1]) которое было первоначальною формою политическаго тѣла, обусловливавшею переходъ отъ дикости къ гражданскому устройству, отъ части къ цѣлому, отъ единичности къ общественному. Кромѣ названія вѣче, этотъ общинный совѣтъ носилъ также названіе копа, громада—копный или громадскій судъ. На этомъ общинномъ совѣтѣ присутствовали домохозяева, имѣвшіе постоянную осѣдлость, отцы ро-

---

[1]) Не правильнѣе ли будетъ слово вѣче производить отъ вѣщать, вѣщаніе, совѣщаніе собравшихся въ одно мѣсто многихъ лицъ? Редакт.

довъ или представители оныхъ подъ предсѣдательствомъ витовъ своихъ, какъ начальниковъ поселенныхъ мѣстъ. Поселенныя мѣста, имѣвшія свой собственный совѣтъ, назывались общинами, а составлявшія общину изъ двухъ и болѣе поселенныхъ мѣстъ, назывались околичными. Въ семъ послѣднемъ случаѣ центральное поселеніе, опредѣленное для сходки общинныхъ членовъ, называлось копowище—копище, а послѣ мѣстечко, которыхъ на Волыни больше далеко, чѣмъ въ прочихъ частяхъ Россіи, какъ памятниковъ первобытнаго общиннаго управленія. Каждый членъ общиннаго управленія носилъ названіе сходатая (слово, совключающее въ себѣ два понятія: ходатая по дѣламъ и людей, сходившихся въ одно мѣсто, равносильное громадѣ, т. е. собранію); преступникъ назывался шкодникъ—т. е. наносящій шкоду—вредъ; заносившій жалобу назывался истецъ. Юродическіе пріемы и порядокъ судопроизводства вѣчеваго совѣта были устные, основанные на обычаяхъ и памяти народа. Впослѣдствіи весь этотъ юродическій обычай вошелъ въ волынскій статутъ изд. 1529, 1566 и 1588 года и усвоена ему законная власть; ибо это составляло автономію народа, образовавшаго одно политическое тѣло изъ вліянія родовъ и племенъ. Замѣчательно, что всѣ юродическіе пріемы общиннаго волынскаго суда вошли въ составъ Русской Правды. Слѣдовательно тождественность эта вполнѣ оправдываетъ мнѣніе ученыхъ нашихъ, что новгородцы—суть переселенцы западной Россіи и что занесенные ими туда юридическіе обычаи вошли, при Ярославѣ, въ писанный законъ.

Вѣче было у поляковъ, чеховъ и венгровъ подъ тѣмъ же названіемъ и подъ тою же юридическою формою; въ позднѣйшія уже времена поляки свое вѣче—назвали сперва съѣздомъ,— потомъ сеймомъ. У венгровъ *витъ* назывался вицкій: «Посла король Угорскій *вицкаго* къ Данилу королю, река пойми дщерь мою за сына своего Льва«.

Вѣче были обыкновенные и чрезвычайные. На первые собирался народъ въ извѣстное время, а на второе созывались звономъ колоколовъ и посредствомъ трубъ. Въ стольномъ городѣ вѣче созывалось самимъ княземъ или его намѣстникомъ, а въ общинахъ—витами. Изяславъ Мстиславичъ, князь владимірскій и великій князь кіевскій два раза созывалъ въ Кіевѣ вѣче посредствомъ трубъ; а въ Владимірѣ въ 1097 два раза

созываемо было вѣче звономъ колоколовъ: въ первый разъ, по случаю смерти князя, а во второй, по случаю требованія Ростиславичей—выдать виновниковъ ослѣпленія Василька. «Самому же Данилу созвавши вѣче». [1]).

Палыть изъ бича, мовъ иде изъ вича,

Памятай чоловиче, шо есть у насъ виче!

Арабскій историкъ Малуэлъ о племенахъ славянскихъ, населявшихъ Волынь, говорить слѣдующее: Всѣ племена эти скрѣплены были между собою федеративнымъ союзомъ; всѣ они назывались волынянами, хотя при этомъ имѣли и другія названія для разграниченія не совсѣмъ еще слившихся племенъ. «Въ лѣтописи объ этомъ союзѣ говорится слѣдующее»: Ту были Галичане и Волыняне кыиждо съ своими князьями—разумѣя подъ словомъ князей представителей народныхъ.

Князья.

По прошествіи времени, ознаменованнаго великими движеніями и переселеніями народовъ, появилось могущественное владычество славянъ, которыхъ не успѣли потопить приливы странствующихъ ордъ.

Составился обще-славянскій союзъ: Олеговъ въ Кіевѣ, Ростиславовъ въ Панноніи и Леховъ въ Гнѣзнѣ. Союзы эти возрастали и расширяли предѣлы свои на-счетъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Тѣ изъ сосѣдей, которые были ближе къ нимъ осѣдлостію, тѣ прежде другихъ присоединялись къ нимъ. Въ такомъ братскомъ соединеніи, племена сильныя, руководясь общею стихіею, имѣли въ виду обще-славянскій интересъ и не теряли самостоятельности и правъ своихъ. Въ племенахъ же слабыхъ разноплеменность исподоволь уничтожалась, и на руинахъ ея возрасталъ и укрѣплялся народъ, на сторонѣ котораго была численность народа, или сила администраціи. И вотъ мадьяре, до того времени кочевавшіе между Прутомъ и Дунаемъ, идутъ въ 907 году на помощь нѣмцамъ противъ Святополка Святополковича, и на землѣ, воздѣланной кровію и потомъ славянъ, основываютъ могущественное государство. Славяне бѣгутъ отъ мечей и грабежей этихъ дикихъ варваровъ,

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 171.

ищутъ пріюта у соплеменниковъ своихъ, переносятъ къ нимъ свои понятія о вѣрѣ и администраціи и предваряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ объ угрожающей опасности отъ расширенія территоріи этихъ осѣдлившихся варваровъ. Литва, ятвяги, чехи и ляхи въ свою очередь неволили волынцевъ думать объ оппозиціи. При всемъ этомъ и внутреннее состояніе страны было довольно незавидно; ибо, по выраженію лѣтописца, и когда племена владѣли сами собою, то не было у нихъ правды, не было устава, котораго бы не нарушали, не было власти, которая бы безпристрастно и безбоязненно карала нарушителей порядка и тишины. Но трудно было послѣ всего этого Олегу присоединить Волынь въ 883 году къ единоплеменному ей кіевскому княженію и посадить тамъ намѣстниковъ своихъ. Въ 981 году Владиміръ св. дѣлитъ Волынь на три удѣла и вручаетъ столы сыновьямъ своимъ, которые были главою народа, отцами семействъ, представителями народности, защитниками правъ, судьями и распорядителями страны во время мира и вождями на войнѣ. Народъ съ своей стороны обязывался ходить въ послушаніи имъ и платить установленную дань.

Распорядительность первоначальныхъ князей Волыни выразилась въ слѣдующихъ административныхъ формахъ:

Ольга съ сыномъ и дружиною ѣдетъ по древлянской землѣ, на становищахъ и логовищахъ даетъ уставы и уроки [1]).

Владиміръ Мономахъ издаетъ уставы: о рѣзахъ или процентахъ и объ оправливаніи людей [2]).

Мстиславъ положилъ два великіе Сборника отца своего Владиміра, волынскаго князя въ Галичѣ и въ Каменцѣ [3]).

Кромѣ того, Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ, что князья наши въ началѣ ноября каждаго года отправлялись по землѣ своей, судили, рядили и рѣшали дѣла, превышавшія умъ и власть народа; при чемъ и собирали слѣдующую имъ дань, что и называлось «быти на полюдьи.»

Удѣлы.

Изъ лѣтописей видно, что на Волыни въ 10 вѣкѣ было три удѣла:

---

[1]),[2]),[3]). Пол. Соб. Рус. Лѣт. Т. II 189, 241, 240 и 259.

А.—въ Волыни,
Б.—Владимірѣ и
В.—Туловѣ. 1.
Въ 11-мъ вѣкѣ явились новые удѣлы:
Г.—Дорогобужѣ и Пересопницѣ 2.
Д.—Луцкѣ 3.
Е.—Острогѣ, Дубнѣ, Чарторыйскѣ и Клецкѣ 4.
Ж.—Перемышлѣ, Теребомлѣ, Звенигородѣ и Галичѣ 5.
З.—Овручѣ 6.
Въ 12 вѣкѣ явились еще удѣлы:
И.—Пинскѣ 7.
І.—Межибожѣ 8.
К.—Бузскѣ и Белзѣ 9.
Л.—Домбровицѣ 10.
Въ 13 вѣкѣ:
М.—Перемилѣ и Тихомлѣ 11.
Н.—Шумскѣ 12.
О.—Полонномъ 13.
П.—Холмѣ, да въ Дорогочинѣ и Брестѣ 14.
Р.—Каменцѣ 15.
Тутъ сами по себѣ возникаютъ вопросы:

1) Отчего Волынь раздроблена была на такое множество удѣловъ?

2) Откуда набралось у насъ такое множество князей?

3) Въ какихъ отношеніяхъ находились волынскіе князья къ кіевскому и къ народу, подвластному имъ?

Волынь, со времени покоренія ея кіевскими князьями, состояла въ непосредственной зависимости отъ нихъ. На кіевскомъ столѣ сидѣлъ старшій князь, съ которымъ прочіе князья соединены были родственнымъ узломъ. Какъ старшій членъ въ родѣ, онъ былъ для волынскихъ князей или природнымъ отцемъ, или вмѣсто отца, заботившагося о благѣ каждаго родоваго члена. Старшинство это основано на завѣщаніи великаго Ярослава: «Се же поручаю столъ мой старшему моему сыну

Пол. Соб. Рус. Лит. Т. II. а. 148, 159, б. 127, в. 141, г и д. 289, е. 182, ж. 188, з. 174, и. 127, і. 282, к. 161, л. 158, м. 149, н. 305, о. 302, п. 305, 167, р. 212.

Изяславу; сего послушайте, яко отца, и аще кто восхотѣлъ бы обидѣти братію, ты, яко старѣйшій, помагай обидимому, и заповѣда имъ не преступати предѣлъ братнихъ.» [1])

При развѣтвленіи княжескаго рода, хотя было уже и нѣсколько родовыхъ старшинъ, но всегда между ними былъ одинъ старше лѣтами; ибо въ расчетъ принималось старшинство физическое.

Единство и связь между князьями поддерживались сколько родственною любовью, столько и надеждою, что каждый младшій членъ въ княжескомъ родѣ можетъ достигнуть старшинства въ семьѣ и родѣ, можетъ сѣсть на кіевскомъ столѣ и быть вмѣсто отца меньшимъ братьямъ своимъ. По смерти великаго князя, садился на столъ кіевскій старшій братъ покойнаго и такъ преемственно, пока дойдетъ очередь до сына. По старшинству получали князья и волости: младшіе получали волости малыя и отдаленныя; по истеченіи же нѣкотораго времени, перемѣщаемы были въ волости лучшія и болѣе близкія къ Кіеву. Такой родовой счетъ старшинства, таковое родовое начало на полученіе волостей были причиною неисчислимыхъ усобицъ и смутъ, неисчислимыхъ бѣдствій ихъ и подвластнаго имъ народа. «И бысть нестроеніе великое и брани нескончаемые», говоритъ лѣтописецъ.

При всей обширности русской земли, при всемъ дробленіи ея на самые мелкіе удѣлы, были однакоже князья, которые оставались безъ удѣловъ, а слѣдовательно безъ средствъ къ жизни и безъ правъ на старшинство. Подходившіе подъ эту категорію князья назывались *изгоями*, сиротами. Они не сидѣли сложа руки, не ждали у моря погоды, но старались всѣми мѣрами помочь своему горю: то обращались они за помощію къ князьямъ родичамъ, то женились съ тою же цѣлію въ домахъ сильнѣйшихъ и иностранныхъ, то старались перессорить жившихъ въ мирѣ князей, то наконецъ входили въ условія съ поляками, венграми, турками, половцами, берендѣями и при посредствѣ ихъ нападали на волость, изгоняли князя и овладѣвали его столомъ. Такъ Володарь, Василько и Рюрикъ Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ, лишенные волостей, въ

---

[1]) Пол. Соб. Рус. Л. Т. II стр. 268.

1083 году захватили Тмутаракань, но, будучи изгнаны оттуда Олегомъ, въ 1084 году взяли подъ Ярополкомъ Изяславичемъ Владиміръ Волынскій, и тѣмъ принудили великаго князя дать Ростиславичамъ Галицкую землю, а Давиду Игоревичу—Дорогобужъ [1]). Подобнымъ образомъ Ростиславъ, сынъ Михаила Чернаго, въ 1244 году, женился на дочери венгерскаго короля и въ теченіи пяти лѣтъ велъ войну съ Даниломъ и Василькомъ за обладаніе Галичемъ [2]). Но не всѣмъ князьямъ—изгоямъ удавалось собственными силами добыть себѣ волость: не рѣдко гибли они отъ преслѣдованія судьбы и людей: мы видимъ это въ судьбѣ Берладника и его сына, страдавшихъ всю жизнь и погибнувшихъ подъ стѣнами Галича: «Ростиславъ же рече, еже ловятъ головы моей, да Богъ судитъ имъ и тотъ крестъ, его же цѣловаша. а азъ не хочу блудити въ чужѣ землѣ, но хочу голову свою положити въ отчинѣ своей. И то рекъ, потквувъ съ полкомъ своимъ, угры же объемше и сбодоша его съ коня и вземше его вельме ранена, еси жива суща и несоша въ Галичъ. Галичане возмятишеся, Угры же приложиша зеліе смертное къ ранамъ и съ того умре» [3]).

Иногда отецъ лишалъ волости сына своего: такъ Ярославъ Галицкій изгналъ изъ волости своей сына своего Владиміра; и тотъ, какъ отверженный сынъ, переходилъ отъ одного князя къ другому, но нигдѣ не встрѣтилъ сочувствія и пріюта: «Романъ же, блюдеся отца его, не да ему опочити у себе» [4]).

Братъ изгонялъ изъ волости брата: тотъ же самый Владиміръ Ярославичъ, по смерти отца своего, «сдумавше съ мужи галицкими, въ 1183 г., переступяшетъ крестное цѣлованіе и выгнаша Олега изъ Галича и сѣде на столѣ дѣда и отца своего» [5]). Романъ Игоревичъ изгналъ Владиміра Жоревича изъ Галича: «мятежъ бысть межи братомъ Володимеромъ и Романомъ Игоревичами, Романъ же иде въ Угры и поемъ Угры и бися съ братомъ и, побѣдивъ, взя Галичъ, а Володимеръ бѣжа

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 29, 30, 160, 184.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 176.

[4]) Тамъ же, стр. 156.

[5]) Тамъ же, стр. 145, 155.

въ Путивль» [1]). Зять изгоняетъ изъ волости тестя: такъ подъ 1195 годомъ читаемъ: «Романъ же лоя извѣты на тестя своего (Рурика) и не хотя съ нимъ любви, нача думати съ мужи своими, слагя ко Ольговичи поводя и на Кіевъ на тестя своего, и ѣха въ Лахи помочи дѣля ко Казимирови» [2]). Въ 1196 Романъ постригъ Рурика въ монахи [3]).

По смерти отца—князя, малолѣтнія дѣти оставались изгоями, а волостью завладѣвали другіе: «Мстиславъ же (удалый) собрася со многими князи русскими, пойде къ Галичу на Данила; Угрове присташа къ нему и галичане, вшедъ въ Галичъ и сѣде на княжествѣ Галицкомъ» [4]). Словомъ, по смерти Романа, владѣли галицкимъ княжествомъ бояре, Мстиславъ Удалый, Мстиславъ Нѣмой, венгерскій королевичъ Андрей, Александръ Белзскій, три Игоревича: Святополкъ, Романъ и Владиміръ и Литко польскій князь; а бѣдные дѣти должны были укрываться и переходить съ мѣста на мѣсто изъ опасенія чтобы не постигла ихъ участь многихъ безпріютныхъ князей. Но силы ихъ окрѣпли, люди пожалѣли и Романовичи возвратили себѣ отцовское достояніе: «Литко же посла по Александра, река: дай Володимеръ Романовичемъ: не даси, иду на тя съ Романовичема; оному же не давшу, Литко посади Романовичей въ Володимерѣ» [5]).

На Волыни князья держали волости по волѣ великихъ князей, а не по наслѣдству и выбору народа, отчего волыняне старались освободиться отъ нелюбимыхъ князей и призывали къ себѣ другихъ. Такъ подъ 1188 годомъ читаемъ: «Бывшу Володимеру Ярославичу въ Тагмяницѣ на ловѣхъ, галичане же призваша къ себѣ Іоанна Ростиславича, Владимирова братанича на княженіе. Увѣдавъ же Романъ, яко мужи Галицкіе не добрѣ живутъ съ княземъ своимъ про его насиліе, слашетъ безъ опаса, да быша его выгнали изъ отчины своей и самаго быша пріяли на княженіе. Мужи же Галицкіе, совокупиша силы своя,

---

1) П. С. Р. Л. Т. II стр. 156.

2) Тамъ же, стр. 145.

3) Тамъ же, стр. 155.

4) Тамъ же, стр. 157.

5) Тамъ же, стр. 136.

и утвердишася крестомъ, и возсташа на князя Володимера, онъ же убоявся, поймавъ злато и серебро и жену свою и два сына ѣха въ Угры. Романъ же даде брату Всеволоду Володимеръ, ѣха въ Галичъ и сѣде въ Галичѣ, княжа. Въ 1190 году ускочи Володимеръ изъ вежи каменное; отъ сторожей же его бяста ему два въ пріязнь, иже и доведоша его къ цареви нѣмецкому. Царь же прія его съ любовію и посла ко Казиміру въ Ляхи, веля ему доправити Галича; ялъ бо ся бяше давати цареви по 2000 гривенъ сереб. въ годъ» [1]).

Подъ 1204 годомъ: «Александръ живяше въ Белзѣ, а Ингварь въ Володимерѣ; боярамъ же не любящимъ Ингваря, Александръ прія Володимера» [2]).

Подъ 1227 годомъ: Ѣха Даніилъ молитися и кланятися св. Николѣ въ Жидичинъ, и зва и Ярославъ къ Луческу; рѣша же ему бояре его: прійми Луческъ, здѣ ими князя. Оному отвѣщавшу: яко пришелъ здѣ молитву створити св. Николѣ и не могу того створити» [3]).

Подъ 1229 годомъ: «Галичане отверзоша градъ и емше Игоревичевъ си есть: Романа, Володимира и Святополка и повѣсиша» [4]).

Стремленіе великихъ князей къ самовластію было причиною частыхъ весьма усобицъ и смутъ:

Подъ 1117 годомъ читаемъ: «Иде Володимеръ на Ярослава ко Володимерю и Давидъ Ольговичъ и Василько и иступиша и у города и стояста днiй 60 и побѣже Ярославъ въ Угры» [5]).

Подъ 1140 годомъ: «Всеволодъ же, надѣяся силѣ своей, самъ хотяше землю держати.»

Подъ 1142 годомъ: «Раскосторастася Всеволодъ съ Владимеркомъ, еже сынъ его сѣде Володимери, и иде на нея съ Игоремъ Святославичемъ, Володимеромъ Давидовичемъ, Вячеславомъ Володимеричемъ, Борисомъ, Глѣбомъ, Ростиславомъ

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 332, 136, 137.

[2]) Тамъ же, стр. 158.

[3]) Тамъ же, стр. 297.

[4]) Тамъ же, стр. 331.

[5]) Тамъ же, стр. 16.

Глѣбовичема, Всеволодовичема двумя, Мстиславомъ Изяславичемъ и Лядскими князи, и Володимерко поклонися Всеволоду и да за трудъ 1400 гривенъ серебра»[1]). И тяжко сердце бысть братіи Всеволожи, и посла ихъ звати на обѣдъ и не ѣхаша, и послаша къ нему, рекуча: ты намъ братъ старшій, оже не даси намъ волостей, намъ самимъ о себѣ поискати и распряшеся со Всеволодомъ»[2]).

Подъ 1142 годомъ: «Посла Всеволодъ къ Вячеславу река: сидиши въ кіевской волости, а мнѣ достоитъ и да сыновцю Изяславу Володимеръ, а Святославу Туровъ»[3]).

Подъ 1149 годомъ Юрій же рече: изжену Изяслава и волость его возьму, и пошелъ съ Вячеславомъ и дѣтьми своими къ Луческу»[4]). «Лѣпше ми смерть на своей отчинѣ и дѣдинѣ, взяти, говоритъ Андрей Юріевичъ Переяславльскій; а хощетъ Изяславъ сея волости, убивъ мене, и твоя волость»[5]). Сюда же слѣдуетъ отнести ослѣпленіе Василька, несчастную кончину Игоря и много подобныхъ случаевъ.

Нѣкоторые князья, руководствуясь постановленіями и правами сосѣдей своихъ: нѣмцевъ, поляковъ и венгровъ, у которыхъ старшинство присвоялось нисходящей линіи, добывали себѣ силою оружія великокняжескій столъ—вопреки родовому счету, принятому въ Россіи о старшинствѣ. Такъ Юрій Владиміровичъ Суздальскій въ первой половинѣ XIII вѣка борется на жизнь и смерть съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Всеволодъ Святославичъ въ самомъ началѣ XII вѣка борется съ Рюрикомъ за обладаніе кіевскимъ столомъ.

Вражда между Мономаховичами, Ольговичами и Мстиславичами была причиною частыхъ распрь и смутъ между князьями и подвластными имъ землями: «И бывше между ними распри многи и рѣчи велицѣ, Всеволодъ же хотѣ отравити все племя Владимірово»[6]). И рече Изяславъ Мстиславичъ въ 1147

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 20,

[2]) Тамъ же, стр. 47.

[3]) Тамъ же, стр. 18.

[4]) Тамъ же, стр. 16.

[5]) Тамъ же, стр. 46.

[6]) Тамъ же, стр. 46.

году: братія Кіяне! пойдите по мнѣ Чернигову на Ольговичей; доспѣвайте отъ мала до велика; Тіи бо не мене единаго, хотѣли убити, но и весь родъ искоренити» [1]).—Подъ 1203 годомъ: «Всеволодъ же изгна изъ волостей ихъ Ростиславичей» [2]). Подъ 1204 годомъ: «Хотяшу Володимеру Ярославичу искоренити все племя Романово и посла въ Володимеръ Галицкихъ бояръ, река: не имать остатися градъ вамъ, аще ли не выдасте Романовичей» [3]).

Волости были не наслѣдственны и переходили во владѣніе отъ одного рода къ другому: неудивительно послѣ того, что въ усобицахъ княжескихъ болѣе терпѣлъ народъ и дружина, чѣмъ самые князья. Притомъ, по духу тогдашняго времени, такое превратное было понятіе о войнѣ: «Мстиславъ же Изяславичъ въ 1157 году иде до Дорогобужа, воюя и жга села и многа зла сотвори» [4]). Въ томъ же году: «иде Изяславъ Мстиславичъ къ Турову на Ярославича и пожгоша села около его и много бывали язвленныхъ» [5]). Подъ 1196 годомъ: «Романъ Мстиславичъ посла люди своя воевати волость Рурикову и Давидову. Слышавъ же се Рурикъ, посла въ Галичъ ко Володимеру река: зятъ переступилъ рядъ и воевалъ волость мою, а ты, брате, оттоль съ сыновцемъ моимъ воюй, та волость его. Володимеръ ѣха съ Мстиславомъ, повоева и пожга волость Романову около Перемиля, Ростиславъ Руриковичъ со Володимеромъ и Черными Клобуки повоеваша и пожгоша около Камянця, и тако ополонившеся челядью и скотомъ и отмстившеся, возвратишася во свояси» [6]).

Нѣкоторые князья, къ завладѣнію столомъ и утвержденію себя на ономъ, позволяли себѣ нарушать крестное цѣлованіе и употреблять насильственныя и непростительныя мѣры къ оправ-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 32—33.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) Тамъ же, стр. 156.

[4]) Тамъ же, стр. 159.

[5]) Тамъ же, стр. 154.

[6]) Мстиславу же городи передняхуся и ины многи городы повоева и позднее изведе городъ Шумскъ. Подъ 1171 годомъ. Тамъ же, стр. 158.

данію намѣреній своихъ: «Цѣлую вамъ крестъ, говоритъ Владиміръ Мстиславичъ Пересопницкимъ боярамъ, яко ми не возрѣти на васъ лихомъ, ни на ятровь свою, ни на сена, ни на ино ничтоже, и преступи крестное цѣлованіе озаутра» [1].

«Владиміръ Игоревичъ съ братомъ своимъ Романомъ сдумавше, якобы стай избити бояръ галицкихъ, да крѣпчайшее княженіе ихъ будетъ, и избиша ихъ многихъ, яко 500 душъ» [2]. «Аще ли сей малый крестъ, говорилъ Владиміръ боярину Петру, можетъ ми сдѣлати что?» [3].

«И тако избіени быша пять тысячей древлянъ» [4]. Въ свою очередь народъ старался мстить такимъ князьямъ: Игорь гибнетъ въ Корыстенѣ, Игоревичи повѣшены въ Галичѣ, Ярославъ и Ярополкъ, князья владимірскіе, погибли отъ рукъ дружины. Но добрыхъ князей народъ любилъ и охотно жертвовалъ для нихъ жизнію и имуществомъ своимъ. Волынскіе полки изъ любви къ Изяславу Мстиславичу сражались въ рядахъ кіевлянъ, признавшихъ Изяслава великимъ княземъ. Романъ и сыновья его Даніилъ и Василько съ преданнымъ имъ народомъ побѣждаютъ ятвяговъ, поляковъ, венгровъ и чеховъ. Берестяне, въ память великаго Романа берутъ на столъ свой малютку Василька. Перемышльцы, при появленіи Данила, отворяютъ ему ворота и княжившаго у нихъ Святополка отдаютъ на руки ему. Бояре луцкіе въ 1288 году стоятъ за честь князя своего Мстислава: «мы, князь, говорятъ они, головы свои положимъ за тебя».

Для объясненія же причинъ, отчего на Волыни было такое множество удѣловъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Волынь въ отношеніи остальной Руси была самою благорастворенною и богатою страною; что волынскіе князья, опираясь на преданность народа, уже въ XII вѣкѣ успѣли выйти изъ подчиненія кіевскимъ князьямъ и обратить волости свои въ вотчинное наслѣдственное владѣніе; что въ XIII вѣкѣ самый Кіевъ находился въ зависимости отъ Волыни въ гражданскомъ

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 160.

[3]) Тамъ же, стр. 73.

[4]) Тамъ же, стр. 11.

и духовномъ отношеніи. Неудивительно послѣ этого, что многіе русскіе князья старались о пріобрѣтеніи волостей на Волыни; тѣмъ болѣе, что и дружина волынскихъ князей съ нѣкотораго времени стала получать значеніе землевладѣльцевъ и осѣдлыхъ жителей края. Наслѣдственность волынскихъ князей выражена въ одной хороводной пѣсни, которую сельскія дѣвицы поютъ въ первый день свѣтлаго праздника въ оградѣ церковной:

Володарь, Володарь! возьми одъ насъ
Красное яичко въ даръ!
1. А кто у воротъ клыче?
2. Князевы служеньки.
1. А що за даръ везете?
2. Яріи пчолонки. А колы вамъ мало,
Ще жъ мы вамъ придамо.
1. Що жъ вы намъ придасте?
2. Мылыннее дитя.
1. А въ чомъ тее дитя?
2. Въ срибри, золоти
И въ червономъ чоботи.
1. На чимъ воно седыть?
2. На золотомъ кригли.
1. Чимъ ся воно грае?
2. Золотымъ яблочкомъ
Червонымъ яичкомъ.
1. Чимъ же яблочко крае?
2. Золотымъ ножичкомъ.
1. Кто жъ яичко оберае?
2. Кто тылько руки мае.
2. Пустите насъ до хаты
На вашъ двиръ въ сваты.
1. Не пустымо: бо хочете хаты
И мосты вси поламаты.
Оба хоромъ: А мы мосты поладымо,
Дитя на столъ посадымо;
Яхъ буде княжаты,
Перестанемъ воеваты.

Образъ жизни князей.

Необходимо каждому изъ насъ прослѣдить по возможности

образъ жизни волынскихъ князей; ибо узнаніе жизни домашней—семейной можетъ объяснить намъ многое, совершившееся и въ самомъ семейномъ быту и внѣ этой тѣсной сферы.

Новорожденному въ княжеской семьѣ давалось имя славянское или варяжское въ память и честь какого-нибудь родственника или предка, при крещеніи же дитяти избиралось имя изъ «греческихъ святцевъ.» Послѣднее это имя употреблялось только въ семейномъ быту: «И нарекоша ей имя Сбыслава, а во святомъ крещеніи Палагѣя». [1])

Воспреемниками при крещеніи княжескихъ дѣтей были князья и высшія духовныя лица: такъ у Даніила Галицкаго крестилъ дѣтей митрополитъ Кириллъ.

Дѣти мужескаго пола воспитывались дома духовными лицами, приставленными къ нимъ опекунами и наемными учителями. Изъ лѣтописей видно, что у Романовичей были еще опекуны и въ то время, когда они сидѣли уже на своихъ столахъ. Воспитаніе было основательное, вполнѣ удовлетворявшее требованіямъ тогдашняго времени: «Владиміръ же (Волын.) бѣ разумѣя притчи и темно слово; зане бысть книженикъ великій и философъ» [2]). Другой примѣръ тому мы видимъ въ Святошѣ луцкомъ. Дѣти женскаго пола большею частію воспитывались въ кіевскомъ монастырѣ: «Родилась дочь у Ростислава Руроковича прозваніемъ Измарагдъ т. е. дорогой камень; пріѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ и тетка ея Предеслава, взяли ее къ дѣду и воспитана она была въ Кіевѣ на горахъ» [3]).

Лѣтъ двухъ-трехъ князья постригались; обрядъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ: садили дитя на столъ и, при церковномъ благословеніи, первый разъ стригли ему волоса; послѣ садили его на подведенную къ крыльцу лошадь. Тѣмъ и оканчивался обрядъ; но послѣ слѣдовалъ пиръ, на который съѣзжались родныя и приближенныя къ князю лица: такъ читаемъ подъ 1192 годомъ: «Великій князь Всеволодъ постриги сотвори сынови своему Ярославу и на коня его всади и бысть радость велика въ Володимерѣ Залѣсному» [4]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 122.

[2]) Вол. Лѣт. стр. 219 и П. С. Р. Л. Т. II, стр. 332.

[3]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 158—159.

[4]) Тамъ же, стр. 332.

Князья вступали во владѣніе волостями въ молодыхъ лѣтахъ: «Данилъ сѣде на княженіи Галицкомъ, придаша же ему опекуновъ, яко младу сущу, да владѣютъ княжествомъ и наставляютъ—си есть: Владислава и Судислава» [1]).

Вступали они при слѣдующихъ обрядахъ на столъ: столъ княжескій приносилъ былъ на это время въ соборный храмъ; на столѣ лежалъ крестъ; избираемый князь цѣлованіемъ этого креста утверждалъ всѣ клятвы свои; послѣ бояре садили князя на этотъ столъ, гдѣ онъ и принималъ привѣтствія отъ подданыхъ своихъ: «Тогда же бояре Володимерстіи и Галицкыи и воеводы Угорскыи посадиша князя Данила на столъ отца его великаго князя Романа въ церкви Пресвятыя Богородицы Присноdѣвицы Маріи» [2]).

Князья вставали до свѣту и, позавтракавши, рѣшали дѣла, творили судъ и, по уставу Мономаха, оправливали людей. Обѣдали они въ половинѣ дня, потомъ ложились спать или гуляли, а тамъ ужинали и ложились спать. Все это дѣлали они согласно завѣщанію, данному Мономахомъ дѣтямъ своимъ: «Да не застанетъ васъ солнце на постели; послѣ обѣда можно куда-нибудь поѣхать, или ложиться спать: для спанія отъ Бога присужденъ полдень».

Князья женили дѣтей своихъ очень рано—именно на 13 и 14 году, а выдавали дочерей своихъ замужъ и того раньше, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа: «Послалъ князь Рурикъ Глѣба—князя Туровскаго съ женою, Савку тысяцкаго съ женою, множество другихъ бояръ съ женами ихъ къ великому князю Всеволоду Юріевичу въ Суздаль вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдалъ Всеволодъ дочь свою и далъ за ней безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ ихъ съ великою честью. Ѣхалъ онъ за любимою и милою своею дочерію до трехъ становъ и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она очень молода: только осьми лѣтъ» [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 141.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

[3]) Тамъ же, стр. 170, 136.

Женились князья и выходили княжны замужъ внутри и внѣ русской земли:

Болеславъ кривоустый женился на дочери Святополка Туровскаго—Сбыславѣ;

Болеславъ Кудрявый женился на дочери Всеволода Галицкаго—Анастасіи;

Тотъ же князь, овдовѣвши, женился на дочери Перемышльскаго князя Ростислава—Еленѣ;

Мечиславъ III женился на дочери галицкаго князя Владиміра—Евдокіи;

Казиміръ III женился на дочери белзскаго князя Володаря—Еленѣ;

Лешко V женился на дочери Ярослава луцкаго—Гремиславѣ;

Венгерскій король Гейза женился на дочери владимірскаго князя Изяслава Мстиславича—Пелагеи;

Сынъ греческаго царя Іоанна Комнина женился на дочери Мстислава Владиміровича—Пелагеи;

Всеволодъ Святославичъ въ 1179 году женился на Казиміровнѣ; [1])

Романъ Даниловичъ въ 1236 году женился на сестрѣ Генриха; [2])

Дочь Мстислава Мстиславича Марія вышла замужъ за венгерскаго короля Беллу; [3])

Ростиславъ, сынъ Всеволода Чернаго, женился тоже на дочери венгерскаго короля Беллы;

Литовскіе князья: Витовтъ и Любартъ женились на дочеряхъ волынскихъ князей. Исключеніе въ этомъ родѣ составляетъ Владиміръ Ярославичъ галицкій, который женатъ былъ на вдовѣ попадьѣ.

Законныя и незаконныя княжескія дѣти ничѣмъ не различались между собою въ отношеніи правъ на занятіе волостей: такъ Ярославъ Владиміровичъ галицкій отдаетъ Галичъ незаконному сыну Олегу, котораго впрочемъ Владиміръ Ярославичъ,

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 121.

[2]) Тамъ же, стр. 342.

[3]) Тамъ же, стр. 141.

при содѣйствіи бояръ, не замедлилъ выгнать изъ галицкой земли.

На случай смерти князя, родственники, бояре и слуги княжескіе надѣвали черныя платья и шапки т. е. носили траурь, что видимъ изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи: «Петръ же (посолъ Изяслава Мстиславича) поѣха во градъ и пріѣха на княжь дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣней слуги княжи, вси въ черныхъ мятляхъ, и видѣвъ се Петръ и подивися, что се есть; и вниде на сѣнь и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такожде и вси мужи его, и поставиша Петрови столецъ и сѣде» [1]). При похоронахъ, вмѣсто надгробныхъ рѣчей, жена, родственники и бояре говорили причитанія.—Такъ при похоронахъ владимірскаго Владиміра Васильковича жена его причитала: «Царь мой добрый, смиренный, кроткій, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ; всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но невидала я, чтобы ты отплатилъ имъ зломъ за зло!» А бояре причитали: «хорошо бы намъ съ тобою умерѣть: какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ; поревновалъ ты долгу своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ болѣе тебя видѣть: солнце наше зашло и остались мы въ обидѣ.» Такъ плакали надъ умершимъ княземъ мужчины, дѣти, нѣмцы, суражцы, новгородцы, а жиды плакали надъ нимъ такъ, какъ плакали ихъ отцы, ведомые въ вавилонскій плѣнъ [2]).

Тѣло умершаго не одѣвали въ платье, а обвивали въ самыя дорогія ткани; «Княгиня же его Влад. Васильковича со слугами дворными, омывше тѣло его и увиша и съ аксамитомъ и кружевами, якоже достоитъ царю» [3]).

По смерти князей, въ силу завѣщаній ихъ, часть имущества опредѣлялась на раздачу монастырямъ, церквамъ и нищимъ: «И созва Ярославъ Влад Галиц. мужи своя и всю Галицкую землю, позва же и соборы вся и монастыри и нищія и сильныя и худыя, и тако глаголаша плачеся ко всемъ: отцы

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 72.

[2]), [3]). Тамъ же, стр. 220.

и братія и сынове! се уже отхожу свѣта сего суетнаго и иду ко Творцю своему, а согрѣшихъ паче всѣхъ, яко инъ никто не согрѣшихъ; но, отцы и братія! простите и отдайте. И тако плакашется по три дни предъ всѣми сборы и предъ всѣми людьми; и повелѣ раздавати имѣніе свое монастыремъ и нищимъ, и тако даваше по всему Галичю по три дни и не могоша роздовати.» Ярополкъ Изяславичъ владимірскій подарилъ въ кіевопечерскій монастырь собственныя волости деревскую, небилскую и луцкую и 50 гривенъ золота [1].

Предъ кончиною своею князья писали грамоты или духовныя завѣщанія, въ которыхъ выражали послѣднюю волю свою: «Володимеръ Васильковичъ повелѣ письцю своему Өедорцю писати грамоты»: Се азъ князь Владиміръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ даю землю свою всю и городы, по своемъ животѣ, брату своему Метиславу и стольный городъ свой Володимеръ. Се азъ, князь Владиміръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ далъ есмь княгинѣ своей, по своемъ животѣ городъ свой Кобринъ и съ людьми и съ данью како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ дають княгинѣ моей. А же далъ есмь ей село свое *Городель* и съ мытомъ; а люды, како то на меня страдали, тако и на княгиню мою по моемъ животѣ. А садовое и сомовые же далъ есмь княгинѣ своей и монастырь свой Апостолы, же создахъ и своею силою» [2].

Объ одеждѣ княжеской можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ Святославову Сборнику. Здѣсь князь Святославъ и сыновья его Глѣбъ и Ярославъ представлены въ кафтанахъ, длиною не много ниже колѣнъ. Кафтанъ Святославовъ зеленый и сверхъ онаго корзно синее, съ краснымъ подбоемъ, застегнутое на правомъ плечѣ запоною съ золотыми отводами. У сыновей кафтаны малиноваго цвѣта и золотые пояса съ четырьмя концами. Воротникъ, рукава и подолъ кафтановъ наведены золотомъ. У Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами. Сапоги у Святослава зеленые, а у сыновей красные—остроносые; на Святославѣ шапка желтоватаго цвѣта съ синими внушниками, тем-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 215.

[2]) Тамъ же.

нокрасною опушкою и не такъ высока; на сыновьяхъ же шапки высокія синія съ красными наушниками и желтоватымъ подбоемъ. Отецъ и старшій сынъ представлены съ усами безъ бороды. На княгинѣ покрывало бѣлое, завязанное подъ бородою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами и съ широкою желтою полосою на подолѣ; поясъ, башмаки и поручи у нижней одежды золотые [1]).

Кромѣ того изъ многихъ мѣстъ лѣтописи видно, что князья носили рукавицы перстатыя, нѣмецкія, золотые кресты, золотыя цѣпи, серги съ драгоцѣнными камнями и кольца. [2]) Княгини и княжны носили повои или повойники, платки или убрусы, дорогія шубы, ожерелья, серги, кольца съ дорогими камнями и зеленымъ бисеромъ. Платья шились изъ полотна, шелка и аксамита.

Жилища князей носили названіе дворцовъ и теремовъ. Были ли они каменные или деревянные—объ этомъ въ Лѣтописяхъ никакихъ нѣтъ извѣстій. Въ теремѣ были избы или теплыя комнаты и клѣти т. е. комнаты холодныя—безъ печекъ. Клѣти соединялись сѣнями, пероходами, помостами. Сѣни большія назывались сѣнищами, гдѣ сидѣли дворные служки. [3]) На фронтѣ теремовъ было крыльцо, поддерживаемое столбами. Изъ комнатъ упоминаются *гридни*, въ которой собирались дружина, старцы, мужи для думы и пировъ; *одрина* или спальня; *вежа* или черданъ. Передъ теремомъ былъ пространный дворъ и посреди онаго стояла голубятня, а около терема были особые дворы съ службами. Были дворцы загородные или дачи. Такъ у Владиміра Васильковича были дворцы въ Любомлѣ, Каменцѣ, Брестѣ и Раѣ. [4]) У луцкаго Мстислава былъ дворецъ въ Гаи: Мстиславу же не сущу, но былъ близъ города въ нѣкоемъ мѣстѣ именемъ Гаи, мѣсто же сіе красно видѣніемъ и устроено разными хоромы; церкви же бяше въ немъ предивныи, красотою сіяющи: тѣмъ ще угодно бысть князю пребывати въ

---

[1]),[2]),[3]). Ист. Соловьева ч. 1. Въ разстояніи 5 верстъ возлѣ Луцка есть селеніе Теремно; время неизгладило слѣдовъ бывшихъ тамъ нѣкогда теремовъ.

[4]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 214.

немъ». [1]) О дворцѣ Владиміра Галицкаго лѣтописецъ говоритъ: «Оже бяше дворъ княжъ внѣ города налузѣ, надъ рѣкою Саномъ, и ту бѣ товаръ въ немъ многъ». [2])

Изъ принадлежностей комнатныхъ упоминаются: *одръ* или кровать, столъ, *бесѣда* или обыкновенная лавка и столецъ; были также и ковры, которыми покрывали столы и лавки: «и поставиша Петрови столецъ и сѣде». [3]) «На столѣ стояху питіе и яства многа, одинъ же отъ сидящихъ на бесѣдѣ съ Даниломъ зали лице ему чашею» [4]).

Въ пищу употребляли князья хлѣбъ, мясо, рыбу, дикихъ животныхъ, домашнихъ и дикихъ птицъ, сыры, масло, кисели съ сытою. цѣжь или кисельный растворъ. Пили квасъ, медъ и вино: «Тогда же Володимеръ Андреевичъ выслалъ бяшетъ изъ Дорогобужа Мстиславу Изяславичу питья много. [5]) Для варенія меда и сохраненія напитковъ было въ каждомъ княжескомъ дворцѣ особое отдѣленіе, называвшееся *медушею*». [6])

Въ свободное отъ занятій время князья охотились. «Въ 1190 году Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ сдумавша; идоста на ловы по Днѣпру въ лодкахъ на устьѣ Тясмени и ту ловы дѣявше и обложившеся множествомъ звѣрей и возвратишася во своя си». [7]) Въ 1193 году Рюриковичъ же Ростиславъ, улюбя рѣчь ихъ ѣха съ лововъ вборзѣ на Половци». [8])

Владиміръ Васильковичъ былъ ловецъ добрый и храбрый: завидѣвши вепря или медведя, онъ не станетъ дожидаться слугъ, но самъ сей часъ убьетъ всякаго звѣря. Даніилъ князь, поѣхавши однажды провожать свое войско, увидѣлъ на дорогѣ вепрей, не утерпѣлъ, но самъ убилъ рогатиною три вепря, да отрокъ его стольконже. Мстиславъ Васильковичъ, въ наказаніе Брестьянамъ, велѣлъ держать и кормить его ловчихъ или псарей. [9])

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 217.

[2]) Тамъ же, стр. 67.

[3]) Тамъ же, стр. 72.

[4]) Тамъ же, стр. 159.

[5]), [6]). Ист. Сол. ч. III. стр. 8, 10, 11, 12.

[7]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 139.

[8]) Тамъ же, стр. 152.

[9]) Тамъ же, стр. 192, 324.

Князья носили бороду, которая была общею принадлежностію всѣхъ первоначальныхъ предковъ нашихъ»: «Погонимъ длинныя бороды кричали поляки въ битвѣ съ Даниломъ и Василькомъ Романовичами въ 1249 году».» Но по свидѣтельству лѣтописца, сынъ Василька Владиміръ «бѣ бороду стрыгій». [1])

Князья задавали пиры по случаю заложенія, построенія и освященія храмовъ, по случаю браковъ, имянинъ и пострижинъ: «Въ ты же дни бысть свадьба у Василка князя у Володимери, нача отдавати дочерь свою Ольгу за Андрея Всеволодовича Черниговў; бысть же Даніилъ король со Львомъ и Шварномъ и иныхъ князей много и бояръ много» [2]).

Въ отношеніи супружеской жизни и уваженія женщинъ имѣемъ слѣдующія извѣстія изъ Лѣтописи: «Въ то же время Ольга княгиня Ярослава Галицкаго съ сыномъ своимъ Владиміромъ, Константиномъ Сѣроглавичемъ и иными бояры побѣжа изъ Галича въ Ляхи и бысть тамъ 8 мѣсяцевъ; понѣже Ярославъ не любише ея и сына; имѣяли бо нѣкую любовницу Настаську. Галичане же возмятошася на Настаську и возгнѣтше огнь, яша и сожгоша ю, а сына ея изгнаша. Ольга паки побѣже къ отцю, идѣже и пострижеся на иночество и наречена бысть Евфросиніею» [3]).

Изыде же Ланка княгиня Премышльская мати Володарева ко Коламану, моля его да не дручить обстояніемъ неповина града и людей. Каломанъ же ногою отопхну и отъ себе, глаголя: не достоитъ царю храбрю съ женами дружбы имѣти и изгна ю отъ себя» [4]).

Князья иногда постригались въ монашество: такъ Святоша луцкій и Мстиславъ галицкій постриглись въ схиму. Тому же примѣру слѣдовали и княгини: жена Ярослава Галицкаго Ольга и жена великаго Романа [5]).

Дружина.

Кругъ самыхъ почетныхъ лицъ при князѣ назывался дру-

[1]) Ц. С. Р. Л. Т. II стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 213, 215.

[3]) Тамъ же, стр. 284.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же.

жиною. Дружина происходитъ отъ слова другъ—дорога—спутникъ—товарищъ; слѣдовательно самое производство этого слова объясняетъ значеніе его. Во время войны дружина составляла охранное княжеское войско; во время мира она засѣдала въ княжескомъ совѣтѣ, вмѣстѣ съ нимъ думала, рядила и заступала мѣсто его внѣ стольнаго города. Дружинники сидѣли въ областяхъ и городахъ подъ именами: тысяцкихъ посадниковъ, тіуновъ и засадниковъ. Эти приближенныя къ князю лица, этотъ дружинный кругъ благодѣтельно дѣйствовалъ на образованіе юнаго общества и вносилъ въ среду его новый элементъ жизни, новое сословное начало. Доступъ въ дружинный кругъ былъ открытъ для русскихъ и иностранцевъ: тамъ каждый получалъ возможность и просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои достоинства и личными доблестями своими пріобрѣтать значеніе въ княжествѣ.

Подъ 1200 годомъ встрѣчаемъ, что въ числѣ дружинниковъ у Владиміра Васильковича былъ князь слонимскій Василько съ званіемъ воеводы. [1]) И въ другомъ мѣстѣ: «Давыдъ же столъ свой далъ сыновцю своему Мстиславу Романовичу, а сына своего Константина посла въ Русь брату своему Рурику въ руцѣ». [2])

Въ другихъ странахъ дружинники были богатыми землевладѣльцами; ибо вмѣстѣ съ княземъ дѣлились они завоеванными землями и получали въ удѣлъ аллодіальныя участки завоеванной страны. Но на Волыни дружина была на полномъ содержаніи князя. Князь въ волости былъ не постоянный; земли волостныя ни ему, ни роду его не были наслѣдственны: чѣмъ же князь могъ окрѣпить и обезпечить продажу или даръ земли? Если же кто изъ дружины и получалъ во владѣніе города и земли, то получалъ оные пожизненно—и то съ характеромъ правительственнымъ. Исключеніе въ этомъ родѣ составляетъ дружина галицкая: тамъ князья русскіе и иностранные, при своей наслѣдственности и единовластіи, дозволили дружинникамъ установиться въ странѣ и получить земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и правителей страны. Впо-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 209.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

слѣдствіи, когда Волынь вновь слилась съ галицкою землею, то и волынскіе бояре получали въ даръ земли, села и города: такъ Мстиславъ луцкій, по смерти Владиміра Васильковича, сдѣлавшись луцкимъ и владимірскимъ княземъ, роздалъ села и города дружинникамъ того и другаго княжества [1]). Но это уже было тогда, когда волости волынскія содѣлались уже наслѣдственнымъ достояніемъ князей. Въ предшествовавшее же тому время, когда князья временно владѣли волостями, съ каждымъ новымъ княземъ, являлась и новая дружина; а при такой неосѣдлости и непостоянствѣ, не возможно было дружиннику вступить въ непосредственныя отношенія къ волости.

У княжескихъ женъ была особая дружина: такъ мы видимъ, что жена Ярослава галицкаго Ольга убѣгаетъ отъ него въ Ляхи съ Сѣрославичемъ и иными бояры [2]).

Дружинникамъ вольно было переходить отъ одного князя къ другому, изъ одной страны въ другую; лѣтописецъ передаетъ намъ по этому случаю слѣдующій законъ: «А бояромъ между нами и слугамъ вольнымъ воля.»

Слѣдующая пѣсня указываетъ на существовавшее нѣкогда на Руси вѣче и на свободу друженниковъ служить любимому князю: [3])

Ой въ чистомъ поли, близко дороги
Стоявъ наметъ билый, шовковый,
А въ тымъ намети сошлася тромада,
Радоньку радыть, и такъ урадыла:
Ой не оправляйте для жинокъ шубокъ
Для жинокъ шубокъ, для дочекъ золота,
Але справляйте мидяны човны
Мидяны човны, срибніи весла,
Дай пускаймося на край Дуная;
Чуемъ же мы тамъ доброго пана,
Доброго пана—пана Петра;
Що платыть добре да за службоньку:
Винъ дае на рикъ по сто червоныхъ,
По конекови, по вороному,

[1]) П. С. Р. Л. Т. II. стр. 214.

[2]) Тамъ же, стр. 313.

[3]) Ист. Вол. ч. I, стр. 387.

По жупанови китаевому
По ясной стрильци, по красной дикци.

Первоначальная дружина сѣверной Россіи составилась изъ западной и югозападной Руси: такъ, по перенесеніи великокняжескаго стола во Владиміръ на Клязмѣ, Радіонъ Несторовичъ съ 1700 человѣкъ дружины перешелъ на службу сѣверныхъ князей [1].

Изъ Чернигова въ тоже время перешелъ въ Москву дружинникъ Плещеевъ съ братіею [2].

Въ княженіи Донскаго, волынскій бояринъ Боброкъ заѣхалъ Тимофея Васильевича Вельяминова, а литовскій князь Патрикіевичъ заѣхалъ первыхъ бояръ московскихъ, за что и удостоился руки сестры Донскаго [3].

Что дружинники были и изъ иностранцевъ, это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: Въ дружинѣ владимірской было два ляха, которые оскепомъ убили Ярослава; былъ нѣмецъ Миркольдѣ съ первымъ значеніемъ въ княжествѣ; былъ Кауфманъ изъ Силезіи и Раухъ изъ Пруссіи [4].

Въ дружинѣ луцкой былъ нѣмецъ, который, при осадѣ этого города, едва не убилъ Андрея Юріевича [5].

Значенія первыхъ или старшихъ дружинниковъ достигали люди изъ низкаго происхожденія: такъ въ Галичѣ Григорій внукъ священника, Лазарь Доможиричъ и Иванъ Можибожичъ достигли самихъ высшихъ въ княжествѣ степеней.

Какое содержаніе имѣла дружина—это можно видѣть изъ поученія одного духовнаго лица: «Васъ молю, стадо Христово, съ любовію преклоните уши ваши и послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали русскую землю и какъ чужія страны брали подъ себя! Тѣ князья не собирали много имѣнія, никакихъ виръ и продажъ не накладали на людей; но гдѣ приходилось взять правую виру, то брали и отдавали дружинѣ на оружіе. А дружина этимъ корми-

---

1) Ист. Солов. ч. IV, стр. 144.

2) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 9.

3) Тамъ же, 204.

4) Тамъ же, стр. 219.

5) Тамъ же, 47.

лась, воевала чужія страны и, біющись, говорила: братія! потянемъ по своемъ князѣ и по русской землѣ. Не говорили они: мало намъ, князь, 200 гривенъ, не рядили женъ своихъ въ золотые обручи, но ходили жены ихъ въ серебрѣ».

Платье дружинниковъ было: кафтанъ и корзно съ шитымъ золотомъ оплечьемъ. «Аще и золотомъ шито будетъ оплечье, убей!» говорилъ такъ воевода воинамъ своимъ [2]). Шлемы ихъ были съ острымъ верхомъ и желѣзнымъ забраломъ для защиты щекъ и затылка; къ забралу прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запоною у шеи [3]).

Дружина была старшая и младшая. Старшую дружину составляли бояре, мужи именитые, постоянно жившіе въ стольныхъ городахъ, они имѣли свои села, ими самими населенныя, или, какъ въ Галиціи, присвоенныя имъ на аллодіальномъ правѣ: «Села болярскія взяша и кони и скоты ихъ» [4]). Для отличія отъ младшей дружины и для ознаменованія особенныхъ ихъ заслугъ, они носили золотыя цѣпи: «Михаила же Скулу убиша, три цѣпи сняше съ него золоты и принесоша главу его Коломану» [5]). Старшіи дружинники имѣли своихъ отроковъ, т. е. пажей [6]). Тѣ изъ старшихъ дружинниковъ, которые жили по другимъ городамъ, для отличія назывались болярцами: «Святополкъ же приде тогда Вышгороду и призва Путило болярцю» [7]). Старшіе дружинники занимали должности посадскихъ, тысяцкихъ, соцкихъ, дворскихъ, печатниковъ, писарей, радцовъ [8]). Таковыми были у Данила галицкаго: Кириллъ печатникъ, Андрей, Онуфрій и Вышата, также Юрій и Олександръ дворскіе, Дунай, Василько князь Слонимскій, Олонинецъ тысяцкіе у владимірскаго князя; а Тюйма, Бѣлжанинъ, Рябецъ у Льва Даниловича Хелмскаго; Өедорцію—писарь у Василька Романовича и много другихъ.

«И пришедъ Изяславъ Мстиславичъ Володимеру, посла посадники своя въ городы: въ Бузскъ, въ Шумскъ, въ Тихомль, Выгошевъ, Гнойницу и не да ихъ Володимеръ Галицкій» [9]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. I, стр. 113. [2]) П. С. Р. Л. Т. V, стр. 8 [3]) Оп. Рос. воинства, Т. I, стр. 40, пр. 96. [4]) П. С. Р. Л. Т. I, стр. 162. [5]) Тамъ же, стр. 161. [6]) Тамъ же, стр. 131. [7]) Тамъ же, стр. 75. [8]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 69. [9]) Тамъ же, стр. 69—299.

«Самъ Данило воева около Люблюна, Василько около Бѣлое, *Дворецкыи* же Онуфрій по р. Сану и Вышата воева Подгорье» [1]).

«Литва же гнѣвъ держаше, ѣхали и воевали около Луческа; Данилови же невѣдуще, ни Васильку, Юрій и Олекса *дворскые* ѣхаша нань» [2]).

«Василько же не ѣха по нихъ; зане надѣяхутся другой рати и посла по нихъ *воеводы* Жедислава и Стеѳана Медушника» [3]).

«Левъ же и Володимеръ сами не идоста, но посласта воеводы: Левъ посла съ своею ратiю Тюйма, Бѣлжанина и Рябца, а Володимеръ посла Василька, Олонинця и Вишату» [4]).

«И повелѣ *писцю* своему Ѳеодорцю писати грамоты» [5]).

«И созва всѣ мѣстiи и *радцы* и чита имъ грамоты свои» [6]).

«Константине холопъ и ты другой холопе, Лука Иванковичъ! говорилъ Василько къ *тысяцкимъ* города Холма: се города брата моего и мои—передайтесь».

«Миркольдъ же нѣмчинъ зва къ себѣ вся князи на обѣдъ: Василька, Льва, Воншолька и начаша обѣдати и пити и веселитися.»

«*Тiуны* неправду судятъ, мзду шлютъ, люди продаютъ,» говорится «въ Кормчей книгѣ.»

Младшiе дружинники жили по городамъ и составляли *засаду* или гарнизонъ: «И приде вѣсть, оже уже засада Юрiева въ Берестьи, въ Каменцѣ и въ Белзскѣ» [7]).

Лица изъ младшей дружины носили слѣдующiя названiя:

Конюшiй: «Съ нимъ (съ Игоремъ, братомъ в. к. Святослава) бо бяшетъ тысяцкаго сынъ и конюшiй его» [8]).

Дѣцкiй: При осадѣ Луцка Юрiемъ Владимiровичемъ, говорится: «единъ же отъ дѣцкихъ убiенъ бысть ту» [9]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 181. [2]) Тамъ же, стр. 195—200. [3]) Тамъ же, стр. 211. [4]) Тамъ же, стр. 215. [5]) Тамъ же, стр. 217. [6]) Тамъ же, стр. 169. [7]) Тамъ же, стр. 223. [8]) Тамъ же, стр. 47. [9]) Тамъ же, стр. 171.

Соцкій и Отрокъ: «Самому же Данилу созваше вѣче, оставшуся съ 18 отрокъ вѣрныхъ и съ Даміаномъ тысяцкимъ своимъ и рече имъ: хощете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги мои; онѣмъ же кликнувшимъ: вѣрни есьмы Богу и тебѣ, Господине, изыди съ Божею помощію; Соцкій же Микула рече: Господине! не погнѣтши пчелъ, меду не ѣдать» [1]).

Сѣдельникъ: «Василько же посла сѣдельничего своего по невѣрныхъ Молибоговичихъ и по Волдригѣ и поймано бысть ихъ 20 и ти смерти не пріяша, но милость» [2])

Князья дружинниковъ дарили недвижимымъ имуществомъ: «Даніилъ взя себѣ изъ русской земли часть Торцкій и да и дѣтямъ Мстиславлимъ река: за отца вашего добродѣяніе пріймите и держите Торцкій городокъ» [3]). «И прія Данилъ и Василько Галицку землю и разда городы боярамъ, воеводамъ и бяше кормъ у нихъ многъ» [4]).

Дружинники галицкіе часто измѣняли своимъ князьямъ, унижали и покушались даже на ихъ жизнь:

«Единъ зали лицо Данилу чашею и то ему стерпи» [5]).

«Володиславъ же поѣха въ Галичъ и возкняжеся и сѣде на столѣ» [6]).

«Изыде съ Андреемъ Королевичемъ единъ Судиславъ; народъ же нань метаху каменіе, рекуще: изыди изъ града, мятежниче земли» [7]).

«Крамолѣ же бывши въ безбожныхъ боярахъ Галицкихъ, совѣтъ сотворше съ Олександромъ на убіеніе его и преданіе земли Данила. Филиппъ безбожный зва князя Данила въ Вишню и совѣтъ сотворше на убіеніе его. Ѣхавши ему въ Браневичевѣ роли, приде посолъ отъ тысяцкаго Даміана, рекшу ему: яко пиръ есть золъ, яко убіену ти быти, и то слыша, пойде назадъ.»

Не подлежитъ сомнѣнію, что причиною всего этого было настроеніе ляховъ и венгровъ, старавшихся всѣми мѣрами завладѣть галицкою землею и что галицкіе князья дозволили бо-

[1]) П. С. Р. Л. Т. II, стр. 133. [2]) Тамъ же, стр. 170. [3]) Тамъ же, стр. 171. [4]) Тамъ же, стр. 173. [5]) Тамъ же, стр. 159. [6]) Тамъ же, стр. 169. [7]) Тамъ же, стр. 171.

ярамъ своимъ, неокрѣпнувшимъ въ государственной службѣ, не выработавшимъ еще собственнаго понятія о долгѣ, поддаться богатымъ землевладѣльцамъ и удѣльными маленькими князьями въ владѣніяхъ своихъ. Въ прочихъ же волынскихъ удѣлахъ, гдѣ самое время и обстоятельства выработали въ государственныхъ членахъ понятіе о долгѣ и единствѣ, такихъ примѣровъ не было.

Войско.

Дружина была избраннѣйшимъ княжескимъ войскомъ, составлявшимъ его охрану, а потому и употреблялось оно уже въ дѣло, въ самыя рѣшительныя—критическія минуты.

Князь предъ началомъ войны созывалъ вѣче и предлагалъ на немъ горожанамъ и сельчанамъ собираться въ извѣстное мѣсто подъ начальствомъ своихъ сотскихъ и десятскихъ и составлялось такимъ образомъ войско—вои. Такъ Даніилъ галицкій въ 1231 году созывалъ на вѣче войско: «Самому же Данилу созвавше вѣче и Мирославу пришедшу къ нему съ малымъ числомъ отрокъ и невѣрніи вси на помощь ему идяху».

Образовывавшееся изъ горожанъ и сельчанъ, войско раздѣлялось на полки: такъ Ярославъ галицкій говорилъ боярину кіевскому Петру: «Дружина его и полкъ его у мене» [1]).

Каждый полкъ имѣлъ свой стягъ, т. е. знамя или хоругвь: «Даніилъ же приде въ градъ свой и прія столъ отца своего и облічи побѣду и постави на нѣмецкихъ вратахъ хоругвъ свою» [2]).

Войско было пѣхотное и конное: такъ въ знаменитой ярославльской битвѣ Данила галицкаго съ Ростиславомъ Всеволодовичемъ участвовала Данилова конница, что и дало ему возможность побѣдить противника своего [3]).

Лѣтописецъ описываетъ вооруженіе полковъ волынскихъ такъ: «*Щиты* ихъ были какъ заря; *шлемы* какъ солнце восходящее; *копія* дрожали въ рукахъ какъ трости легкія; стрѣльцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ *рожанцы*, на

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 105,—67. [2]) Тамъ же, стр. 175. [3]) Ист. Сол. ч. IV. стр. 225.

которыхъ наложены были *стрълы*; лошади были въ личинахъ и коврахъ кожаныхъ, а люди въ ярлыкахъ; сѣдло на конѣ князя было изъ жженаго золота; стрѣлы и *сабля* украшены золотомъ и разными хитростями; кожухъ изъ греческаго оловара обшитъ былъ кружевами золотыми плоскими; сапаги изъ зеленаго сафьяна шиты золотомъ» [1]).

Кромѣ исчисленнаго оружія были еще у воиновъ волынскихъ слѣдующія:

Оскетъ: «Вшедше два ляха надъ увозъ и скрыстася и и тамо пободоста Ярослава оскетомъ» [2]).

Рогатицы: «Единъ же воинъ управи десницею своею, изъемъ рогатицы изъ пояса своего, далече ввергъ и срази князя Ятвязскаго и коня его» [3]).

Броня досчатая, о которой упоминается въ духовной грамотѣ Владиміра Васильковича Володимірскаго [4]).

Сулица: «Потомъ же Даніилъ видѣ брата добрѣ борющася и сулицѣ его крови сущи и оскетищу изсѣченну отъ ударенія мечеваго» [5]).

Орудія, употребляемыя при осадѣ городовъ, были слѣдующія:

«Услышавъ же се Данило князь со братомъ Василькомъ, совокупиша силу свою и повелѣша пристроити *праща* и иные сосуды на взятіе города, и пріидоша на градъ Люблинъ; единаго дне быста изъ Холма со всѣми вои и пращами» [6]).

«Угры же воротишася къ Галичу и *пороки* пометаша» [7]). Ростиславъ Михайловичъ при осадѣ Галича, въ которомъ заперся Ярославъ, употреблялъ тоже пороки.

Даніилъ при осадѣ Чернигова велѣлъ поставить *таранъ*, который металъ камни «въ постора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ четыремъ сильнымъ мужчинамъ» [8]).

Лѣтописецъ волынскій описываетъ осаду города Гостиннаго волынскими войсками въ 1281 году. «Когда пришли къ городу и стали около него, князь польскій Кондратъ, которому во-

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 123. [2]) Тамъ же, стр. 9. [3]) Тамъ же, стр. 52. [4]) Тамъ же, стр. 115. [5]) Тамъ же, стр. 172. [6]) Ист. Сол. ч. IV стр. 161. [7]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 173. [8]) Тамъ же, стр. 227.

лынцы помагали, ѣздилъ по рядамъ полковъ и говорилъ: братія моя, милая русь! потяните за одно сердце! И ратники тотчасъ полезли подъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобы поляки не подкрались внезапно. Поляки стали метать на нихъ камни, точно градъ; но стрѣлы осаждавшихъ недавали осажденнымъ выникнуть изъ—забралъ; потомъ начали колоться копьями, и много было въ городѣ раненныхъ отъ копій и стрѣлъ, и стали мертвы падать изъ забралъ какъ сноды: такимъ образомъ городъ былъ взятъ и сожженъ, жители его частію перебиты, частію взяты въ плѣнъ» [1]).

Волынскіе доспѣхи назывались гайгатомъ: «Борисъ же пріѣхалъ и привелъ королю Данилу гайгатъ: кони съ сѣдлами, щиты, сулицы и шлемы» [2]).

Предъ битвою или на битву полки шли въ слѣдующемъ расположеніи: «Василькови же идущу Угромъ, а Дамьяну же тысяцкому идущу инѣмъ полкомъ своимъ посреди» [3]).

Располагались еще полки и такимъ образомъ, что войско составляло центръ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояла дружина. Князь самъ строилъ полки, говорилъ къ нимъ рѣчь и ѣхалъ первый на бой: «Ты, король, голова всѣмъ полкамъ, говорили волыньцы и поляки Данилу въ битвѣ совмѣстно ихъ съ ятвягами, ты знаешь воинскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай—ты съ центромъ и начинай« [4]).

Какъ видно изъ словъ слѣдующихъ Данила, волынское войско не знало отступленія, ретирады и побѣговъ съ поля битвы.

Когда разбитый при г. Олавѣ сторожевой польскій полкъ обратился въ бѣгство, то союзникъ ихъ Даніилъ остановилъ бѣгущихъ и сказалъ имъ: «Чего вы испугались? Развѣ не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? Развѣ не знаете, что сражаетесь съ мужчинами вооруженными, а не съ женщинами? Если воина убьютъ на рати, какое тутъ чудо? Другіе и дома умираютъ безъ славы, а тѣ умерли со славою: укрѣпите же сердца ваши и ступайте бодро впередъ» [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 211. [2]) Тамъ же, стр. 200, 143. [3]) Тамъ же, стр. 192. [3]) Ист, Сол. ч. IV стр.— [3]) Тамъ же, стр. 189.

Волынскія войска въ битвѣ съ Болеславомъ краковскимъ, по неосторожности Шверна Даниловича, потерпѣли пораженіе; въ слѣдствіе сего, Василько князь владимірскій сказалъ: «Не бейтесь съ поляками съ начала, а заманивайте ихъ въ свою землю и когда они войдутъ и раздѣлятся, тогда на нихъ и нападайте» [1]).

Волынскія войска любили сражаться въ открытыхъ мѣстахъ: «Развѣ вы не знаете говорилъ Даніилъ Галицкій, что христіанамъ открытое поле есть крѣпость, а поганымъ тѣснота» [2]).

Что сосѣди уважали волынское войско — это видно изъ слѣдующаго: Даніилъ покорилъ ятвяговъ и наложилъ на нихъ дань. Ятвяги, чтобы отдѣлаться отъ него, пригласили въ помощь прусовъ и гертовъ. На полѣ волынцы, встрѣтившись съ ятвягами и союзниками ихъ, сошли съ коней и двинулись бойко впередъ. Тогда прусы, отступая, сказали ятвягамъ: «Можете ли дерево поддержать сулицами? Можете ли дерзнуть на эту рать? Бѣ бо вои Данилови больши и крѣпчайши, бяху бояре велиціи отца его вси» [3]). Въ 1224 году Даніилъ первый перешелъ рѣку Калку, первый ударилъ на татаръ. [4]) Вспомнивъ объ этой битвѣ, нельзя намъ опустить изъ виду того обстоятельства, что у Данила было кромѣ сухопутнаго и водное войско—въ лодкахъ. [5]).

Храбростію и отвагою этого славнаго войска были покорены ятвяги, поляки, Литва, чехи, венгры и освобождены изъ плѣна томившіеся тамъ волынцы. Въ благодарность за свое освобожденіе, по свидѣтельству лѣтописца, они пѣли Данилу славныя пѣсни» [6]).

При полкахъ были кони подводныя или верховыя, товарныя для перевозки товаровъ или тяжестей и сумныя для перевозки ратниковъ:

«Было же у короля Гейзы 73 полка, кромѣ Изяславлевыхъ полковъ и коней поводныхъ и товарныхъ» [7]).

«Изяславъ же бися на Нѣздѣ и отняты были у него кони сумныя» [8]).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 190, [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, стр. 159. [4]) Тамъ же, стр. 164. [5]) Тамъ же. [6]) Тамъ же, стр. 160. [7]) Тамъ же, стр. 67. [8]) Тамъ же, стр. 106.

«При войскѣ были повозки, кони, сани, колымаги и шатры»:

«Хотѣхомъ битися съ ними, оружіе наше бяша въ повозѣхъ» [1]).

«И воротилися Данило и Василько въ колымаги свои сѣсть въ станы» [2]).

«И сошедше съ коней, пошли въ шатеръ короля» [3]).

«Бысть дождь и снѣгъ, а Всеволодъ съ братіею идяху на конѣхъ и санехъ къ городу» [4]).

При движеніи войска, впереди его шли сторожа или сторожевой полкъ, слѣдившій за движеніями непріятелей, что называлось отправить въ заставу и добывать плѣнника или языка: Такъ читаемъ подъ 1150 годомъ: «И тако стояху межи собою, оже Изяславлимъ сторожамъ зрѣти бяшетъ на галицки огни, а галицкимъ сторожамъ зрѣти па Изяславли огни. «Половцы же яша языкъ и слышаша, оже Святославъ совокупився, побѣгоша и пометоша свои стяги и копья» [5]).

Кромѣ тысяцкихъ, соцкихъ и десяцкихъ были ли въ полкахъ еще какія нибудь начальствующія лица—это неизвѣстно. Лѣтописецъ подъ 1219 годомъ говоритъ: «Бѣгающимъ же Угромъ и Ляхомъ избіено бысть множество отъ нихъ и ятъ бысть величавый Филя парубкомъ Доброниномъ». Парубокъ на мѣстномъ нарѣчіи означаетъ старшаго въ домѣ работника, наемника—наймета, а также и молодого человѣка—парня.

Для созванія народа на рать, или для составленія войска равно для предваренія о приближеніи войска употреблялись трубы: такъ Изяславъ Мстиславичъ «трубою созва полки, пошелъ на Владимірка галицкаго» [6]). «И такъ полци пріѣхавше къ мосту, кликнувше и трубою встрибиша» [7]).

Въ военное время князья брали контребацію съ непріятельскихъ городовъ. Въ 1150 году Владимірко галицкій, узнавъ, что Изяславъ уже въ Кіевѣ, воротился съ р. Уши и по дорогѣ потребовалъ отъ жителей города Мичсека извѣстное количество денегъ, подъ угрозою, что, въ случаѣ сопротивленія, воз-

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 011. [2]) Тамъ же, стр. 158. [3]) Тамъ же, стр. 158 и 67. [4]) Тамъ же, стр. 21. [5]) Тамъ же, стр. 141. [6]) Тамъ же, стр. 55. [7]) Тамъ же, стр. 56.

метъ городъ на щитъ. Поелику горожане неимѣли требуемаго количества денегъ, то вынуждены были поснимать все серебро изъ шей и ушей своихъ, слить оное и отдать Владимірку, который, взявши серебро, пошелъ по другимъ городамъ за такою же данью—и такъ до самой волости своей [1]). Въ 1140 г. онъ самъ заплатилъ Всеволоду 1400 грошей. Брали также въ плѣнъ людей, скотъ и хозяйственную прислугу: такъ подъ 1225 годомъ читаемъ: «Васильку же князю многи плѣны пріемше стада конска и кобылья» [2]).

Подъ 1257 годомъ: «Данило съ братомъ пойде къ Ззяглю въ силѣ тяжцѣ и люде изведе и вдаетъ и на подѣлъ, ово же Шварнови» [3]) Плѣнные большею частію выкупались наличными деньгами: такъ въ 1220 году Святославъ Мстиславичъ, Ярославъ Игоровичъ, Владиміръ и Константинъ, захваченные въ плѣнъ поляками, искупились золотомъ [4]). За выкупъ плененнаго поляками Василька Володарь заплатилъ 20000 гривенъ сереб. [5]). Ярославъ Луцкій на выкупъ жены своей и дитяти, захваченныхъ въ плѣнъ черниговскимъ княземъ Святославомъ, наложилъ дань на кіевлянъ: на игуменовъ, монаховъ, монахинь, гостей, латинъ и другихъ» [6]). Но встрѣчается читать въ лѣписи, что простыхъ воиновъ и жителей убивали на мѣстѣ: Такъ подъ 1219 годомъ: «Бѣгающимъ угромъ и ляхомъ избіено бѣсть множество ихъ [7]). Данилу же пріѣхавшу ко Мстиславу, бысть радость великая: вси бо угры и ляхи избіени быша» [8]). Подъ 1097 годомъ: «Приде пакы Володарь и Василько на Давыда Игоровича и Вселожъ градъ доставше, сожгоша и люди побиша» [9]).

Предъ походами князья собирали дань на военныя издержки: Подъ 1018 годомъ видимъ, что Константинъ Добрыничъ «собраша дани многи и послаша по Варази за море» [10]).

Въ битвѣ князья не столько жалѣли воиновъ своихъ сколько дружины, что можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства:

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 56. [2]) Тамъ же, стр. 165. [3]) Тамъ же, стр. 195. [4]) Тамъ же, стр. 334. [5]) Тамъ же, стр. 263. [6]) Тамъ же, стр. 62. [7]) Тамъ же, стр. 162. [8]) Тамъ же, стр. 162. [9]) Тамъ же, стр. 263, [10] Тамъ же, стр. 265.

Въ 1023 году была страшная битва между Мстиславомъ и Ярославомъ; на слѣдующій день пришелъ Мстиславъ на мѣсто побоища и видя, что все мѣсто укрыто одними почти варягами и сѣверянами, сказалъ: «Какъ не радоваться! брань это была самаая жестокая, а побиты одни только варяги и сѣверяне, дружина же моя и Ярослава цѣла» [1]).

Волынскіе полки участвовали въ походахъ великихъ князей: такъ подъ 1147 годомъ читаемъ—«Изяславъ же совокупи свои силы и отъ Вячеслава приде ему помощъ и изъ Владимера полкъ приде, и пойде съ полкы своимы въ Переяславль«. И въ слѣдующемъ году:» Изяславъ совокупи вои многи и посла полкъ у Стрыя и Владимерскій полкъ приведе, и иде къ Чернову» [2]).

Поелику войска составлялись временно изъ горожанъ и сельчанъ, то и носили названіе смердовъ: «Данилу же бысть радость великая вси бо угры и ляхи избіени быша, иніи же яти быша, иніи истопаша друзіи, же смерды избіени быша».

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) П. С. Р. Л. Т. II стр. 165.

[2]) Тамъ же, стр. 35—37.

III.

По поводу письма г. Н. Костомарова къ г. редактору и издателю газеты «ДЕНЬ» (1863 г., № 29).

Г. Костомаровъ, въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ 29 № газеты *День*, благодаритъ издателя этой газеты за напечатаніе протеста его противъ *Московскихъ Вѣдомостей* и за примѣчаніе на этотъ протестъ, но прибавляетъ, что нѣкоторыми мыслями изъ этого примѣчанія онъ не совсѣмъ доволенъ. Мы, малороссы, несочувствующіе дѣлу г. Костомарова (распространенію малороссійской литературы и изданію книгъ на этомъ нарѣчіи для народнаго обученія), съ своей стороны благодаримъ г. редактора и издателя *Дня* именно за тѣ примѣчанія, которыми г. Костомаровъ остался недоволенъ (разумѣемъ намекъ на теорію федарализма и на цѣль и побужденія изданія малороссійскихъ книгъ), потому-что эти-то именно замѣчанія г. редактора *Дня* особенно важны и вполнѣ справедливы. Не знаемъ, въ какой степени останется доволенъ г. Костомаровъ новыми примѣчаніями г. редактора и издателя *Дня*, на объясненіе г. Костомарова, въ помянутомъ письмѣ, значенія его сочиненія о федеративномъ началѣ Руси, и увѣреніе, что г. Костомарову неизвѣстны побужденія и цѣли распространенія его сотрудниками малороссійской грамотности; но мы и этимъ примѣчаніямъ г. редактора *Дня* тоже вполнѣ сочувствуемъ, потому-что они также и мѣтки и вѣрны. За то, признаемся откровенно, мы не можемъ сочувствовать тому именно изъ замѣчанія г. редактора *Дня* на протестъ г. Костомарова Моск. Вѣдомостямъ, за что г. Костомаровъ, въ помянутомъ письмѣ своемъ къ нему, *отъ всей души* благодаритъ его.

Это, какъ выражается г. Костомаровъ въ своемъ письмѣ, его (редактора *Дня*) «*разумное слово* о предоставленіи *полной свободы* ихъ украинофильскому (хохломанскому) дѣлу.» Какъ это понимать намъ *полную свободу*, которую думаетъ предоставить себѣ г. Костомаровъ на основаніи словъ г. редактора *Дня?* Ужели такъ, что г. Костомаровъ можетъ продолжать свое нехорошее дѣло, сколько ему угодно, а общество должно молчать и только, сложа руки, смотрѣть? Примѣрно сказать: мы очень ясно видимъ, что злые люди хотятъ насъ зажечь или отравить, но, чтобъ эти люди не сочли насъ стѣснителями своей судьбы, мы не будемъ останавливать руки ни зажигателя, ни отравителя, хотя бы тутъ дѣло шло о жизни и счастіи даже не одного человѣка, а цѣлаго народа?...

Г. Костомаровъ желаетъ успокоить насъ тѣмъ, что «*только опытъ* можетъ показать, сколько въ его дѣлѣ правды и естественности, и сколько лжи, увлеченія и искусственности.» Но какихъ-же это еще *опытовъ* и для чего ждать намъ, по желанію г. Костомарова, когда дѣло его, и по теоріи и по практикѣ, давнымъ давно совершенно для насъ ясно? Какихъ и для чего ждать намъ еще опытовъ, когда мы давнымъ-давно уже видимъ плоды его трудовъ: порчу чистаго общерусскаго языка вообще и правописанія въ частности; ропотъ всѣхъ разсудительныхъ и благомыслящихъ русскихъ людей, а малороссійскаго простонародья, отбивающагося всѣми силами отъ малороссійскихъ книжекъ, въ-особенности; и, наконецъ, цѣлыя толпы праздношатающихся у насъ (въ свиткахъ, синихъ шароварахъ и сивыхъ шапкахъ) молодыхъ людей, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ хлопомановъ, усердно принимающихся за обученіе нашего простонародья по малороссійскимъ (изданія г. Кулиша) книгамъ, и вмѣстѣ съ симъ проповѣдующихъ самыя дикія и сумасбродныя идеи? Вѣдь все это давнымъ-давно г. Костомарову и его компаніи было предсказано, и давнымъ-давно все сбылось и сбывается теперь во очію нашею? Все это ясно указано г. Костомарову и въ примѣчаніяхъ редактора *Дня* на его письмо. Г. Костомаровъ увѣряетъ насъ, что между нимъ и этими господами, о которыхъ мы здѣсь говоримъ и о которыхъ упомянула газета *День*, нѣтъ ничего общаго; а мы, непосредственно наблюдающіе этихъ господъ здѣсь на мѣстѣ, достовѣрно знаемъ, что все это прямые ученики и послѣдова-

тели гг. Кулиша и Костомарова, *Основы* и ея сотрудников. Они сами въ этомъ сознаются.. Или мало еще г. Костомарову, что онъ сбилъ уже съ-толку цѣлые десятки у насъ молодыхъ людей, онъ хочетъ совратить ихъ еще цѣлыя сотни и тысячи? Но чѣмъ-же, скажите, можетъ отвѣчать г. Костомаровъ, съ своими сообщниками, передъ родителями, воспитателями, обществомъ и государствомъ за вредъ, который онъ намъ уже сдѣлалъ и еще, пожалуй, если позволимъ, сдѣлаетъ, — чѣмъ, кромѣ обыкновенныхъ въ такомъ случаѣ словъ извѣстныхъ людей: «мы не предполагали, мы не думали, мы не желали?..»

Г. Костомаровъ жалуется на *выходки*, правильнѣе сказать—на *протесты*, противъ него *Московскихъ Вѣдомостей*, *Кіевскаго Телеграфа* и *Вѣстника Говорскаго*. Только?... А *Современная Лѣтопись*, *Русскій Вѣстникъ*, *Русское слово*, *Библіотека для чтенія*, *Время*, газета *День* и отдѣльныя брошюры о хохломаніи, развѣ говорятъ въ пользу дѣла г. Костомарова?... А *Труды кіевской духовной академіи*, *Руководство для сельскихъ пастырей*, *Университетскія* (кіевскія) *извѣстія*, *Сіонъ*,— мѣстные органы юго-западной Россіи, подобно Кіев. Телеграфу и Вѣстнику Говорскаго,— развѣ выражаютъ сочувствіе дѣлу г. Костомарова?... Такъ это-жъ уже цѣлый облакъ свидѣтелей противъ дѣла г. Костомарова. Не ясно ли опять, *каково* это дѣло, и какъ слѣдуетъ поступить съ нимъ г. Костомарову?...

Г. Костомаровъ обыкновенно любитъ морочить головы людей своими, часто необыкновенно странными, софизмами. Таковъ онъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ; таковъ въ упомянутомъ протестѣ своемъ противъ Моск. Вѣдомостей; таковъ и въ указанномъ нами послѣднемъ письмѣ своемъ въ редакцію *Дня*. Такъ, на-примѣръ, чтобъ убѣдить насъ въ томъ, что онъ долженъ продолжать свое дѣло, а мы не должны мѣшать ему, онъ намекаетъ намъ на извѣстный случай, бывшій съ апостолами, и ставитъ намъ въ примѣръ извѣстное сужденіе по этому случаю фарисейскаго законоучителя Гамаліила. Но вѣдь вся эта исторія говоритъ на самомъ дѣлѣ вовсе не въ пользу дѣла г. Костомарова. Во первыхъ, тамъ было дѣло *святыхъ апостоловъ*, а здѣсь дѣло гг. Кулиша и Костомарова съ сотрудниками... Тамъ дѣло шло о христіанствѣ, совершеннѣй-

шей истинѣ, а здѣсь дѣло идетъ о хохломаніи, очевиднѣйшей лжи и неправдѣ. Тамъ истину ученія апостоловъ доказывало, между прочимъ, множество чудесныхъ благодѣяній, совершенныхъ руками апостоловъ; здѣсь ложность ученія хлопоманскаго подтверждается, между прочимъ, множествомъ вредныхъ явленій, порожденныхъ этимъ ученіемъ. Тамъ христіанство встрѣчалось по этому всеобщимъ народнымъ сочувствіемъ, а здѣсь хохломанія встрѣчается всеобщимъ негодованіемъ. Тамъ Гамаліилъ высказалъ извѣстное сужденіе свое о христіанствѣ, какъ лицо, въ извѣстномъ смыслѣ, правительственное, какъ членъ синедріона, и сказалъ свое мнѣніе тоже лицамъ правительственнымъ, членамъ синедріона; а мы позволяемъ себѣ судить о хохломаніи, какъ члены общества, а не правительства, и передаемъ свое мнѣніе тоже на обсужденіе общества. Тамъ Гамаліилъ, какъ разсудительный человѣкъ, прислушиваясь къ ученію апостоловъ и присматриваясь къ дѣламъ, которыми оно сопровождалось, имѣлъ очевидное основаніе, въ качествѣ члена синедріона, подать свой голосъ въ пользу дѣла апостоловъ; здѣсь, каждый здравомыслящій человѣкъ, поставленный на мѣстѣ Гамаліила, присматриваясь къ характеру ученія нашего новѣйшаго украинофильства и дѣламъ, которыми оно сопровождается, подастъ свой голосъ непремѣнно противъ него... Если ужъ брать примѣры изъ св. писанія и безпокоить Гамаліила, то мы словами тогоже Гамаліила укажемъ г. Костомарову на другую исторію, съ которою дѣло г. Костомарова дѣйствительно имѣетъ сходство; — тогда виднѣе будетъ и истинное значеніе, указанныхъ намъ г. Костомаровымъ въ примѣръ, словъ Гамаліила. «Не долго предъ симъ,» говоритъ Гамаліилъ, защищая апостоловъ, «явился было *Ѳевда*, выдавая себя за кого-то великаго, и къ нему пристало около четырехъ-сотъ человѣкъ; но онъ убитъ, и всѣ, которые вѣрили ему, разсѣялись и изчезли. Послѣ сего явился *Іуда Галеліанинъ* и привелъ къ себѣ довольно народа, но онъ погибъ, и всѣ, которые вѣрили ему, разсыпались.» (*Дѣян.* гл. V. ст. 36—37.) Затѣмъ Гамаліилъ прибавляетъ: «если и это дѣло (т. е. дѣло апостоловъ) отъ человѣковъ, то оно также разрушится.» Мы находимъ, что здѣсь словами Гамаліила не только не воспрещается общественное мнѣніе и рѣшеніе объ извѣстномъ дѣлѣ, но что, напротивъ, придается этому рѣшенію необыкновенно важное значеніе. Мы нахо-

димъ, что Гамаліилъ указываетъ здѣсь на общественное мнѣніе и рѣшеніе, на судъ народа, какъ на судъ Божій. Какъ можетъ разрушиться дѣло, котораго никто разрушать не станетъ? Какъ разрушилось бы дѣло Ѳевды и Іуды Галилеянина и сами они могли погибнуть, еслибъ они встрѣтили всеобщее сочувствіе, еслибъ имъ не противодѣйствовалъ народъ и общество? Въ этомъ-то именно содѣйствіи или противодѣйствіи общества христіанству Гамаліилъ и думалъ видѣть указаніе свыше, отъ человѣковъ, дѣло апостоловъ. Примѣняя всю эту исторію къ дѣлу г. Костомарова и его сотрудниковъ по хохломаніи, мы ясно видимъ, что дѣло ихъ вовсе не отъ Бога, и что самой основѣ этого давно пора разрушиться.

Странно слышать отъ г. Костомарова, что свободное выраженіе мнѣній, противныхъ его образу мыслей, есть стѣсненіе его свободы, или, какъ онъ выражается, *крайнее насиліе*. Еще страннѣе видѣть, что г. Костомаровъ, желая своему дѣлу полной свободы, въ то же время можетъ желать полнаго стѣсненія свободы другихъ. Позволяя себѣ продолжать вредное для русскаго народа и общества дѣло, онъ требуетъ притомъ, чтобъ ни народъ, ни общество ему не противодѣйствовали и вреднаго дѣла его не разрушали!!...

Скажемъ въ заключеніе, что мы вовсе не боимся того, чѣмъ думаетъ г. Костомаровъ застращать насъ. Онъ говоритъ: «многіе, прочитавши выходки противъ насъ Московскихъ Вѣдомостей, Кіевскаго Телеграфа и Вѣстника Говорскаго, и увидѣвши, что наше дѣло считаютъ государственнымъ преступленіемъ, *отъ страха, а не отъ убѣжденія*, побоятся идти съ нами рука объ-руку. Иные, можетъ быть, и по убѣжденію отвернутся отъ насъ, а мы будемъ думать, что тутъ дѣйствуетъ страхъ, сами станемъ обольщаться и другихъ обольщать.» Отвѣчаемъ: оставитъ ли г. Костомаровъ и сообщники его нехорошее украинофильское дѣло отъ *страха*, увидѣвши, что его считаютъ государственнымъ преступленіемъ, или *по убѣжденію*, для насъ рѣшительно все равно, было-бы только оно оставлено. Мы не слишкомъ будемъ огорчаться, что не всѣ оставятъ это дѣло по убѣжденію. Мы знаемъ, что не всѣ по убѣжтенію и взялись за него. На убѣжденіе всѣхъ людей претендовать мы не можемъ. Чтобъ убѣждаться, необходимо быть до извѣстной степени развитымъ и добросовѣст-

нымъ; но мы, по-крайней мѣрѣ о многихъ послѣдователяхъ г. Костомарова, достовѣрно знаемъ, что они далеко не таковы; слѣд. пускай себѣ оставляютъ это дѣло изъ страха, тѣмъ болые, что оно дѣйствительно пахнетъ государственнымъ преступленіемъ.

Мы думаемъ, никто не станетъ удивляться тому, что такъ называемое украинофильство, въ этомъ новомъ и безобразномъ его видѣ, нигдѣ не встѣчается съ такимъ всеобщимъ и единодушнымъ негодованіемъ всѣми благомыслящими и разсудительными людьми, какъ въ Малороссіи. Причина понятна: никому она не дѣлаетъ такого важнаго и существеннаго вреда, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ малоросеамъ.

А. Д.

25-го августа, 1863 года.

Нѣжинъ.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ВМѢШАТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ ДѢЛО ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Душа русскаго патріота не разъ кипѣла негодованіемъ, когда онъ слѣдилъ за тѣми продѣлками, къ которымъ прибѣгала и прибѣгаетъ Европа, чтобы помочь настоящимъ врагамъ Россіи морально и физически. Не имѣя законной причины объявить Россіи открытую войну и опасаясь за ея результаты, западная Европа тѣмъ не менѣе ведетъ съ нами уже, около 8 мѣсяцевъ, войну скрытую, коварную, выходящую не только изъ принятыхъ формъ политики, но и стоящую внѣ законовъ чести и условій международныхъ отношеній. Во всѣхъ почти сосѣднихъ Россіи націяхъ производится открытая вербовка рукъ, нужныхъ для усиленія и поддержанія польскаго бунта; вездѣ безпрепятственно фабрикуется оружіе для взбунтовавшихся противъ законнаго правительства подданныхъ; во многихъ столицахъ сгрупировались скопища польскихъ демагоговъ, извѣстныя подъ именемъ революціонныхъ комитетовъ. Въ одномъ мѣстѣ этому скопищу усвоенъ почти оффиціальный характеръ; оно дѣйствуетъ открыто, гарантируется правительствомъ; ему позволяютъ заниматься сборомъ денегъ и заготовленіемъ всего нужнаго для польской революціи; съ членами его находятся въ интимныхъ отношеніяхъ даже принцы крови, ихъ руководитъ въ дѣлѣ возстанія даже глава націи, позволяющій себѣ награждать членовъ этой націи, участвующихъ въ польскомъ мятежѣ, знаками отличія, усвоенными доблести. Заграничная пресса словно взяла подрядъ на обнародованье самыхъ гнусныхъ и невѣроятныхъ лжей и клеветъ, до какихъ можетъ унизиться только перо поляка, какія можетъ сочинить его только уродливая фантазія и безчестная совѣсть. А между тѣмъ эти лжи и клеветы достигаютъ своей цѣли: вводятъ въ обманъ

незнающихъ и легковѣрныхъ; установляются симпатіи къ людямъ, которыхъ презирать даже стыдно; воспламеняются страсти; на народныхъ сборищахъ трактуютъ объ угнетеніи благородной, невинной жертвы, о варварствѣ Россіи, кричатъ о необходимости вырвать первую изъ когтей послѣдней,—вездѣ интригуютъ, скрипятъ перьями, наушничаютъ, резонируютъ, ну словомъ приводятъ въ исполненіе проэктъ одного господина—«поставить Европу въ такомъ отношеніи къ Россіи, чтобы, не объявляя войны, первая сражалась съ послѣдней.»

Не говоримъ о безчестности и незаконности этихъ отношеній,—онѣ даже нелогичны. Чѣмъ заслужили поляки симпатію Европы, что оздобило ее противъ Россіи и дало ей право—заявить такую массу фактовъ враждебнаго характера? Всѣмъ извѣстно, что качества ума и сердца поляковъ далеко не такъ привлекательны, чтобы къ нимъ могла установиться постоянная и законная привязанность. Это народъ, портящійся уже болѣе двухъ столѣтій. Политическое его разложеніе и гражданская дисгармонія провели на челѣ его огненными буквами вѣщія слова: «мени, фекелъ, фаресъ.» Онъ живетъ теперь только воспоминаніями, принявшими баснословный характеръ отъ давности фактовъ, взводимыхъ прихотливою фантазіею до значенія эпическихъ доблестей. Угнетенія Россіею поляковъ такъ воображаемы, что ихъ странно было бы сравнивать съ извѣстными намъ угнетеніями Европой слабѣйшихъ и невиннѣйшихъ собратій, что, внимая безстыднымъ тирадамъ объ этихъ угнетеніяхъ Европы, мы не можемъ не повторить ей словъ Спасителя: *что ты смотришь на соринку въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть соринку изъ глаза брата твоего!* Героизмъ поляковъ, который такъ неутомимо воспѣваетъ Европа, не болѣе мятежа, разбоя, грабежа и всевозможныхъ самыхъ варварскихъ насилій, совершаемыхъ во имя свободы. Страсти, на которыя, обыкновенно, сваливаютъ вину за всѣ эти низости, не такъ обязательны для существа, имѣющаго разумъ и волю, законы божескіе и человѣческіе, чтобъ ими можно было извинять всякое злодѣяніе. Никто не имѣетъ права сказать предъ лицемъ закона: меня не должно судить, потому что я занимаюсь воровствомъ по страсти, что я убилъ чело—

вѣка по ненависти къ нему. Бьютъ и животное, которое въ злости ударитъ (не говоримъ убьетъ) или укуситъ человѣка. Всеобщность возстанія, которымъ Европа хочетъ узаконить и освятить гнусность возмущенія поляковъ, существуетъ только въ воображеніи легковѣрныхъ западниковъ, принимающихъ ложь и клевету, небывалыя побѣды и посполитыя рушенья, проповѣдуемыя наглостью и безстыдствомъ польскихъ демагоговъ, за факты,—и нисколько не дѣлаетъ возмущенія законнѣе. Нужно отказаться отъ здраваго смысла, чтобъ узаконить такое положеніе: качество грабежа, разбоя извиняется большимъ количествомъ грабителей, разбойниковъ. Здоровая логика думаетъ, что чѣмъ болѣе бунтующихъ, тѣмъ болѣе въ ихъ буйствѣ того, что обыкновенно называется бунтомъ и что требуетъ болѣе серьознаго вниманія и энергичнаго обузданія,—чѣмъ болѣе преступниковъ, тѣмъ преступленіе вѣтвистѣй, опаснѣй и требуетъ сильныхъ мѣръ къ пресѣченію зла, къ гарантіи закона. Да и какъ это Европа убѣдилась въ поголовности возстанія поляковъ? Видно Европа сдѣлалась старою сплетницей, когда не хочетъ видѣть фактовъ, вѣрить добросовѣстной русской прессѣ, слѣпо подчиняетъ движенія своего ума и сердца сплетнямъ людей, утратившихъ честь и совѣсть, смыслъ и чувство. Вѣдь Европа весьма легко могла провѣрить тѣ факты, что съ нами рѣжется значительное меньшинство поляковъ, что, не смотря на всѣ инквизиціонные пріемы терроризма, даже въ самой Польшѣ народъ не на сторонѣ бунтующихъ, что онъ составляетъ сельскія ополченія, сотнями присоединяется къ русскимъ отрядамъ и вмѣстѣ съ ними громитъ мятежниковъ, что не только русскіе обитатели Литвы, Бѣлоруси, особенно Малороссіи, на сколько могутъ, способствуютъ къ подавленію бунта, но даже католическая—до фанатизма—Жмудь вооружилась противъ бунтовщиковъ, что сосѣдніе къ Литвѣ жители Польши просятъ генералъ-губернатора М. Н. Муравьева принять ихъ подъ свою защиту и покровительство, что огромныя массы мирныхъ дворянъ польскихъ наводняютъ Кіевъ, Вильно, Варшаву—вообще мѣста, гдѣ они безопаснѣй отъ дѣйствій подземнаго «народнаго правительства,» съ его жандармами и гдѣ крѣпче гарантирована ихъ свобода и имущество, что около 3000 помѣщиковъ виленской и ковенской губерніи поднесли адресъ, съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и мыслей, что еврей-

ское народонаселеніе Польши, особенно западнаго края Россіи, рѣшительно на сторонѣ ея, на сторонѣ порядка,—что въ настоящемъ ксендзо-шляхетскомъ бунтѣ изъ 5 милльоновъ поляковъ-католиковъ, подданныхъ Россіи, едвали и $^{1}/_{20}$ принимаетъ *дѣятельное* участіе въ настоящемъ бунтѣ, что не будь, наконецъ, за границей резервуаровъ, изъ которыхъ польская демагогія черпаетъ разнообразныя средства къ продолженію своего буйства, оно давно было бы подавлено и что только авантюристы и демагоги всего земнаго шара восполняютъ пока странную убыль повстанцевъ. А Европа все еще не видитъ или прикидывается невидящею этихъ фактовъ,—этого сраженія *своего* съ Россіей, и пренаивно восклицаетъ: «если бы въ Польшѣ дралось меньшинство, борьба его съ Россіей не могла бы длиться 8 мѣсяцевъ.» Какъ будто Европа не знаетъ, что вся военная команда ея кліентовъ ограничивается однимъ воинственнымъ кличемъ: do lasu!, что не разъ малымъ сотнямъ русскихъ случалось разбивать на голову тысячи разнаго сброду польскаго и непольскаго, что любимцы Европы не смѣютъ и носа показать изъ лѣсу, болотъ, топей и заваловъ, что русскимъ съ большимъ трудомъ приходится отыскивать этихъ героевъ, завоевывавшихъ доселѣ одни лѣса, что только въ числѣ 5000, подъ прикрытіемъ лѣса, они могутъ отважиться на битву [1]) съ 2 ротами, и то подъ обаяніемъ казнокрадства, что однажды 6 козаковъ разбило на голову 80 польскихъ вояковъ, а одинъ крестьянинъ перебилъ, переранилъ, и перевязалъ ихъ болѣе дюжины, что пырнуть кинжаломъ, геройствовать надъ

---

[1]) Отступленіе Лявданскаго или неудачу нашу въ жижринскомъ лѣсу мы считаемъ такою побѣдою нашего героя, подобныхъ которой весьма немного можно найти въ военной исторіи. Дыханіе стѣсняется въ груди, когда читаешь описаніе 4 часовой, безпримѣрной битвы горсточки русскихъ съ 5000 отрядомъ мятежниковъ, прикрытыхъ лѣсомъ. Слеза пробивается на глазахъ отъ разнородныхъ ощущеній, когда станешь мысленно среди небольшой группы героевъ, пустившихъ послѣдній зарядъ и, на протяженіи 3 верстъ, очищающихъ себѣ дорогу штыками, среди тучи непріятелей. Да, Лявданскій, Никольскій и ихъ сподвижники никогда не умрутъ въ памяти русскихъ.

безоружнымъ надъ трупомъ, вѣшать беззащитнаго, честнаго гражданина—составляло доселѣ всѣ побѣды мятежныхъ поляковъ, всѣ доблести *ржонда*,—подвиги ихъ патріотовъ. Вотъ *герои*, сражающіеся за свою свободу и сулящіе ее другимъ; вотъ логика Европы, ея совѣсть, ея правда; вотъ основанія ея симпатій и вмѣшательства въ наше семейное дѣло!

Быть можетъ Европа отчасти видѣла и неосновательность своихъ симпатій, и нелогичность своихъ къ Россіи отношеній, и варварство своихъ протеже, и потому хотѣла прикрыть свои дѣйствія тогой дипломатіи, доказать трактатами *свои* права на вмѣшательство въ наши дѣла. Европа теперь основываетъ свои притязанія къ Россіи на вѣнскомъ трактатѣ 1815 г. Этотъ трактатъ имѣлъ въ виду гарантировать спокойствіе Европы. Главнѣйшею задачею членовъ вѣнскаго конгреса было обузданіе военнаго деспотизма, воплотившагося въ лицѣ Наполеона I, низложеніе безсердаго честолюбца, потрясшаго всѣ почти престолы, посадившаго на нихъ своихъ родныхъ и сподвижниковъ, залившаго міръ кровью, истребившаго около 5 милльоновъ человѣчества,—и возвращеніе націямъ своихъ границъ и владѣтелямъ ихъ престоловъ. Дѣло Польши вошло въ вѣнскій трактатъ, какъ капля въ море и ограничилось двумя параграфами. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай цитовать статью вѣнскаго трактата, касающуюся судебъ Польши; мы уже нѣсколько разъ анатомировали эту статью по суставамъ [1]) и такъ наглядно доказали, что Россія не злоупотребила своихъ правъ, дарованныхъ ей на Польшу этою статьею, что нужно не имѣть ни смысла, ни совѣсти, чтобъ искать въ неисполненіи ея Россіей причинъ къ польскому возмущенію и вмѣшательству въ настоящія польско-русскія отношенія Европы. По смыслу этой статьи, Россія могла дать Польшѣ «такую форму политическаго бытія, какую она признаетъ (конечно для себя) удобною и приличною,» а она хотѣла дать такую, какую находила для себя удобною и приличною Польша и непремѣнно дала бы, если бы польская революція не затормозила окончательнаго осуществленія гуманныхъ въ отношеніи къ Польшѣ предначертаній великодушнаго русскаго Монарха,—такъ что на

---

[1]) См. 5 книж. Вѣстн. отд. IV, статью: „Два-три слова о сочувствіи“ и проч, стр. 137, 138, и друг.

эту революцію нужно смотрѣть, какъ на взрывъ демагогіи, вызванный не угнетеніемъ, а гуманностью,—какъ на реакцію ксендзо-шляхетскаго варварства и буйства прогрессивнымъ началамъ порядка и вѣрнымъ задаткамъ истинной цивилизаціи,—жажды угнетенія и самоправства—народной свободѣ, легкому и благому игу закона и прочному, мирному счастію народа.

Понятно, что мнимое неисполненіе вѣнскаго трактата послужило для Европы только уловкой или точнѣе придиркой къ дипломатическому резонерству съ Россіей о дѣлахъ польскихъ. Если, послѣ 31 г., Россія и вынуждена была уничтожить своевольную конституцію 15 г., *вовсе не входившую въ планы вѣнскаго конгресса*, едва другой разъ не поработившую русскихъ областей Польшѣ; то она только исполнила статью вѣнскаго трактата и дала Польшѣ *такую форму политическаго бытія, какую нашла удобною и приличною* въ отношеніи къ себѣ и взбунтовавшимся подданнымъ, поднятіемъ оружія противъ законной власти, фактически отказавшимся отъ прежнихъ обязательствъ и отношеній и предоставившимъ Россіи самое законное право смотрѣть на Польшу, какъ на страну завоеванную, и даже зачеркнуть на картѣ Европы торчащую доселѣ, въ ущербъ ея логикѣ и спокойствію, фразу: «Царство польское.» Хотя одинъ Лордъ и назвалъ эту «логику недобросовѣстною,» но это потому, что эта логика непобѣдима и что критическія отношенія къ ней дипломатовъ могутъ только унизить ихъ до безсильной злости, до презрѣнія законовъ вѣжливости, обязательныхъ для языка европейской дипломатіи, до голословной брани истины, противъ которой сказать нечего,—но не возвысить до возможности опроверженія. И странное дѣло! Отъ чего же это Европа (равно какъ и поляки) безстрастно и безмолвно относилась къ Россіи тогда, какъ она уничтожала Польшу—и физически и нравственно, подѣлила ее на губерніи, уничтожила границу, польское войско, законодательство, администрацію, свободу, польскій языкъ въ школѣ и юриспруденціи,—и придралась къ Россіи за нарушеніе вѣнскаго трактата чрезъ 30 лѣтъ послѣ всего этого—и именно въ тотъ моментъ, когда все это (за исключеніемъ войска) больше, чѣмъ на половину возвращено Польшѣ и возвратилось бы окончательно, даже въ большихъ размѣрахъ, нежели тѣ, какіе указаны пресловутыми 6 пунктами, безъ бунта ксендзовъ и шляхты, безъ

сторонняго вмѣшательства? Отъ чего это Европа не заявила своего протеста ни дѣломъ ни словомъ тогда, когда здѣсь и тамъ дѣлались капитальныя ломки вѣнскаго трактата, когда вольныя области обращались въ невольныя, когда изъ одного общества, посредствомъ революцій, подстрекаемыхъ со внѣ, дѣлалось два, и изъ 4—одно, а главное, когда на одинъ изъ лучшихъ престоловъ Европы шагнулъ прямо изъ тюрьмы такой авантюристъ, низверженіе династіи котораго составляло иниціативу и главную задачу вѣнскаго конгресса? Отъ чего это Европа бездушно смотрѣла, когда рѣзали сирійцевъ, черногорцевъ, герцеговинцевъ, а ощетинилась на Россію тогда, когда противъ нее взбунтовалась Польша и проявила свое буйство безпримѣрно-варварскимъ методомъ разбойничества и насилія? При такой эластичной политикѣ западной Европы въ отношеніи къ другимъ, къ чему указанія на трактаты, когда одна Россія только и держится ихъ такъ, какъ велитъ честь народная и совѣсть христіанская? Какъ это премудрая Европа не пойметъ того, что на вѣнскомъ трактатѣ въ лицѣ своихъ представителей, подписались 8 державъ не для того, чтобы гарантировать благополучіе растерзанной тогда на клочки Польши, а для того, чтобъ установить законный порядокъ дѣлъ, нарушенный честолюбіемъ одного человѣка во всѣхъ этихъ 8 державахъ и защитить Европу отъ подобнаго рода экспериментовъ на будущее время? Къ чему же теперь заявили свой протестъ въ пользу Польши и такія нація, которымъ отъ роду только 4 года, и такія, которымъ Россія въ 15 году даровала почти новое бытіе, которыя занимаютъ укромные уголки на оконечностяхъ Европы и которыя меньше имѣютъ правъ вмѣшиваться въ дѣла Польши, нежели Россія въ дѣла Мексики, Японіи, Америки и проч.? Отъ того, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, подсказанныхъ изъ Тюльери импровизованнымъ друзьямъ, какая пестрота въ честной компаніи мнимыхъ друзей Польши, какая разноголосица въ содержаніи ихъ протестовъ, какая индивидуальность въ причинахъ симпатій и антипатій, въ побужденіяхъ къ протестаціи! Одинъ, прокричавъ въ сенатѣ, чрезъ кого слѣдуетъ, что «трактаты 15 года—варварски, ветхи—очень ветхи,» проходитъ ихъ благоразумнымъ молчаніемъ, какъ будто ихъ никогда и не существовало; другой кричитъ: я симпатизирую полякамъ, третій, четвертый:

я подписался на вѣнскомъ трактатѣ; пятый, шестой и т. далѣе: и я тоже; даже почтенный османны очутился въ средѣ друзей католической Польши и затянулъ что-то чуть ли не изъ Корана. Да знаете ли, друзья, что вы подписали на вѣнскомъ, «очень ветхомъ» трактатѣ? Неужели вы узаконили тамъ польскіе бунты противъ умиротворительницы Европы, самобытность вами же растерзанной и, по великодушію только Александра I, не затертой на картѣ Польши? Какъ это вы не видите, что этотъ трактатъ узаконилъ на вѣчное время низверженіе корсиканской династіи, возстановленіе царствъ и престоловъ, низвергнутыхъ и перетасованныхъ «исполиномъ браней,»— а не возстановленіе Польши,—что вы подписывали только *статьи общія*, касающіяся васъ, а не Польши, что судьба сей послѣдней порѣшилась трактатомъ *сепаратнымъ* трехъ раздѣлившихъ Польшу державъ, *до котораго вамъ ровно нѣтъ никакого дѣла* и что полторы статьи, касающіяся покойной Польши и почти случайно вошедшія въ общеевропейскій вѣнскій трактатъ имѣютъ въ виду интересы Россіи, Пруссіи и Австріи; а не мертвой Польши, гарантируютъ свободу дѣйствій первыхъ въ отношеніи къ послѣдней, а не на оборотъ? Оставляемъ, наконецъ, вопросы и думы (по безчисленности ихъ), возбуждаемыя въ умѣ и сердцѣ дипломатическимъ вмѣшательствомъ Европы въ польско-русское дѣло и посмотримъ на содержаніе самаго вмѣшательства или точнѣе на извѣстныхъ 6 пунктовъ, съ придачею перемирія и конференціи 8 державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ.

Мы считаемъ безполезнымъ слѣдить критическимъ взглядомъ за каждымъ порознь изъ этихъ 6 пунктовъ: они разобраны по суставамъ нашей и заграничною прессою, да они и не превышали мѣръ великодушія русскаго Монарха. Большая половина желаній Европы, выраженныхъ въ этихъ пунктахъ исполнена болѣе, нежели на половину назадъ тому около 2 лѣтъ и 31 марта настоящаго года. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы польскіе демагоги—и туземные и заграничные—не испугались наступленія эры порядка въ царствѣ польскомъ, несогласной съ ихъ принципами и тенденціями и, бывъ подстрекаемы извнѣ, не взялись за ножи,—великодушіе и гуманность Освободителя, Просвѣтителя и Умиротворителя земли русской, дали бы Польшѣ далеко болѣе того, о чемъ хлопочетъ Европа. Но теперь

теченіе дѣлъ приняло обратный порядокъ, и взглядъ на нихъ Россіи и ея Повелителя рѣшительно видоизмѣнился. Того, что могла дать Польшѣ Россія *свободно*, великодушно, не можетъ дать *по принужденію*, не унижая своей свободы и великодушія, величія и здраваго смысла. Того, что могла дать Россія Польшѣ *мирной*, дружелюбной, не можетъ дать Польшѣ *мятежной*, клятвопреступной, не обижая народнаго чувства, не насилуя законовъ правды и не заохочивая поляковъ къ новымъ злодѣяніямъ; теперь настало время суда надъ преступниками, пора правосудія надъ людьми, отвергшими милость.

Но, считая безполезною трактацію о 6 пунктахъ, мы не можемъ пройдти молчаніемъ того лукавства Европы, которое виднѣется въ ея идеѣ о территоріи Польши. Самозванный rząd narodowy хлопочетъ о возстановленіи Польши въ *древнихъ* границахъ ея 1772 г. Особенно симпатизирующая Польшѣ Франція, кажется, обводитъ Польшу тѣми же границами. Границы эти противны исторіи, трактатамъ и народности областей русскихъ, посредствомъ захвата, подпавшихъ было на время подъ власть Рѣчи-посполитой. Трактовать теперь о возстановленіи этихъ границъ совершенно тоже, что трактовать о возстановленіи границъ римской имперіи, границъ имперіи Карла V,—Татаріи и проч. Австрія тоже, кажется, не прочь отъ отвода Польшѣ этихъ же границъ, съ небольшою выемкою съ востока около Галиціи, panowie которой объяснились въ любви своей къ Австріи и обѣщались сидѣть тихо и не думать (*пока*) объ отдѣленіи отъ нея, подъ условіемъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ дѣло возстановленія остальной Польши. Безъ этого толкованія Европой границъ Польши, останутся слишкомъ необъяснимыми и странными нѣкоторыя желанія, заявленныя Франціей и Австріей въ 6 пунктахъ. Къ чему, напр., была бы трактація о господствѣ католической религіи въ Польшѣ, когда она никогда не переставала быть въ Царствѣ польскомъ въ полномъ смыслѣ господствующею? Къ чему желаніе, чтобы польскій языкъ былъ преподаваемъ въ школѣ, употребляемъ въ судахъ, когда онъ пользовался этими правами, безъ всякаго указанія мнимыхъ друзей Польши? Къ чему распинаться за самоуправленіе Польши, когда это противно трактатамъ, а главное— когда во всемъ Царствѣ польскомъ въ 62 году было только 8 высшихъ русскихъ чиновниковъ, тогда какъ въ Галиціи не

было ни одного чиновника изъ поляковъ? Если западныя державы не знали этихъ фактовъ, то поступили не логично, трактуя о томъ, чего они не знаютъ; если же знали, то что сказать объ ихъ національной совѣсти? Даже осторожная и разумная Англія не совсѣмъ ясно обозначила въ своей нотѣ эластичныя границы Польши и не совсѣмъ логично уклонилась отъ указанія непримѣнимости нѣкоторыхъ пунктовъ въ областяхъ русскихъ и осуществленія ихъ Россіей въ Царствѣ польскомъ. Какъ бы то ни было, только премудрой Европѣ не мѣшало бы на будущее время говорить съ нами яснѣе и указывать границы покровительствуемой ими Польши опредѣленнѣе. Тогда бы мы знали, стоитъ ли говорить съ ея патронами или нѣтъ; тогда бы мы сказали этимъ патронамъ: если вы подъ именемъ Польши понимаете Царство польское, то мы сдѣлали для него болѣе нежели половину того, чего вамъ хочется и сдѣлаемъ далеко больше, когда вы перестанете мѣшаться въ наши дѣла; еслиже вы въ объемъ Польши включаете и наши родныя, древнія области русскія, временно стонавшія подъ гнетомъ давно умершей Рѣчи-посполитой, то прежде чѣмъ навязывать имъ чуждый языкъ и религію, ополячивать ихъ и окатоличивать,— придите, возмите и отдайте ихъ Польшѣ. Да, господа, придите и возмите!.. .

Поставляя на первомъ планѣ своихъ знаменитыхъ 6 пунктовъ, въ которыхъ заявлены желанія болѣе или менѣе законныя, хоть и запоздалыя,—нѣкоторыя союзницы какъ бы мимоходомъ, въ постскриптумъ, пихнули сентенцію о перемиріи и конференціи изъ 8 державъ. Наши, дескать, желанія собственно выражены въ 6 пунктахъ, а перемиріе и конференція это такъ-себѣ-пустяки, ничтожныя прибавленія. Подумали ль вы, господа, когда предлагали намъ эти пустяки, что вы говорите? Если подумали, то съ какою цѣлію осмѣлились явиться предъ нами съ подобными предложеніями? Съ тѣмъ, чтобы оскорбить наше чувство правды, унизить наше народное достоинство, возбудить негодованіе? Вы, точно, достигли всѣхъ этихъ цѣлей. Честь вамъ, вы слишкомъ знаменитые художники наносить оскорбленія, вы составили слишкомъ преувеличенное понятіе о незлобіи и терпѣніи, внушаемыхъ Россіи ея православіемъ! Вы требуете перемирія! съ кѣмъ? съ бунтовщиками, клятвопреступниками, самыми верварскими душегуб-

цами, казнокрадами, съ людьми безъ всякой чести и совѣсти, съ несуществующимъ ржондомъ, съ жандармами-вѣшателями, съ рѣзниками, извѣстными подъ именемъ польскихъ ксендзовъ? Образумьтесь, господа; иначе мы будемъ имѣть полное право повторить вамъ слова св. писанія: мудріи вѣка сего обьюродѣша. Но вы хотите, чтобы мы сперва признали поляковъ «воюющею стороною,» а потомъ уже заключила съ ними перемиріе. Признавайте, если хотите; а мы, слава Богу, не выжили еще изъ ума, чтобы считать всѣхъ недавно названныхъ господъ воюющею стороною. Сколько бы ни натуживали наше воображеніе, мы можемъ видѣть въ нихъ только сторону бунтующую, а не воюющую,—крадущую, разбойничащую, а не сражающуюся. И гдѣ намъ отыскивать эту воюющую сторону, когда, при первой встрѣчѣ съ нами, она бѣжитъ до lasu, въ воду, болота, бѣжитъ куда глаза глядятъ, забывая отъ ужаса все, устилая путь своего *геройскаго* отступленія оружіемъ, всѣмъ—до рубашки, и храбрясь въ такомъ только случаѣ, когда 20 лѣсныхъ вояковъ приходится на одного русскаго, или 45 козаковъ на 2000 польскихъ героевъ, засѣвшихъ въ домахъ? Ужели вступаютъ въ перемиріе съ людьми, которые съ ножемъ будутъ лѣзть ночью въ окно нашего дома, съ людьми, которые мучатъ, рѣжутъ, вѣшаютъ плѣнныхъ, женщинъ, дѣтей, старцевъ, священниковъ? Вы представляете образчики разныхъ перемирій, которыя были дарованы нѣкоторыми націями бунтующей сторонѣ? Но эти образчики намъ не указъ, и мы нисколько не намѣрены подражать этимъ націямъ. Прежде всего-пріемы «воюющей польской стороны» не находятъ себѣ образчиковъ въ исторіи новѣйшихъ европейскихъ войнъ; далѣе-всякая нація, объявившая перемиріе взбунтовавшимся подданнымъ, вынуждена была къ этому несчастію насиліемъ чуждаго вмѣшательства; наконецъ, въ результатѣ всѣхъ этихъ перемиріи являлось обособленіе взбунтовавшихся національностей. Что оставалось дѣлать Турціи, когда на нее устремилось оружіе трехъ громадныхъ сосѣдокъ, какъ не покориться необходимости? Что оставалось дѣлать и Голландіи когда она была поставлена въ подобныхъ же обстоятельствахъ? Но Россія-не Турція, не Голландія (даже съ Бельгіей), а потому она считаетъ безчестнымъ унизиться до признанія польскихъ демагоговъ воюющею стороною, до заключенія съ ними

перемирія, она можетъ отстоять цѣлость своихъ владѣній. Безъ перемирія рѣзали разныя гуманныя націи и своихъ и чужихъ подданныхъ, безъ перемирія оторвана Ломбардія отъ Австріи, безъ перемирія растерзана Мексика, безъ перемирія усмиренъ Али-Паша, мятежная Польша въ 31 году и Венгрія въ 48. Отъ чегожъ Европа не видитъ этихъ примѣровъ и отъ чего она не навязалась Россіи съ перемиріемъ въ 30 году, когда Польша, по методу войны, походила нѣсколько на воюющую сторону? Теперь мы даже не видимъ тѣхъ, съ которыми могли бы говорить Ужъ не обратиться ли намъ съ прошеніемъ перемирія въ Парижъ, къ пану Чарторижскому, не просить ли намъ пощады у какого-то ржонда народовего, у жандармовъ вѣшателей.

Конференція изъ 8 державъ есть такая дипломатическая уловка, которой цѣль, характеръ и несообразность съ существомъ дѣла мы видимъ яснѣе, нежели какъ думаетъ объ этомъ Европа. Мы очень хорошо знаемъ, что въ случаѣ этой конференціи на сторонѣ западныхъ державъ, на сторонѣ Польши, было бы двойное и несомнѣнное большинство голосовъ, мы очень хорошо знаемъ, что дѣло Польши такъ относится въ вѣнскому трактату, какъ 1:100, и что не всѣ западныя державы, подписавшія его, имѣютъ право вмѣшательства въ дѣла польскія; что у этихъ державъ на столько же никто не отнимаетъ права имѣть объ этихъ дѣлахъ свое сужденіе, являться предъ Россіею съ своими совѣтами, насколько Россія имѣетъ право отрицать у этихъ державъ право законодательства, логичность упорства, при отказѣ Россіи,—насколько сія послѣдняя имѣетъ право не слушаться невыгодныхъ для нея совѣтовъ, видѣть несостоятельность и коварство разсужденій. Всѣ эти нелогичности Европы весьма искусно подмѣтилъ и съ неподражаемою ловкостью поставилъ ей на видъ въ своихъ отвѣтныхъ нотахъ нашъ незабвенный вице-канцлеръ, князь Горчаковъ. Когда онъ предоставлялъ право сужденія о польскихъ дѣлахъ кому бы оно ни было, онъ оказывалъ снисхожденіе съ примѣсью самой благородной, едва замѣтной ироніи, на которую ему давало право наше честное отношеніе къ Польшѣ, Европѣ и трактатамъ. Онъ не проронилъ той истины, что о реформахъ и претензіяхъ польскихъ могутъ разсуждать серьозно и компетентно только тѣ націи, въ составъ которыхъ вошла раздроб-

ленная на вѣнскомъ конгрессѣ Польша и которыя имѣютъ на этотъ предметъ сепаратный трактатъ, и что рѣшенія конференціи, составленной изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, могутъ быть заявлены только *нѣкоторымъ* державамъ, *для пріобщенія къ свѣдѣнію*. Хоть Австрія и выступила довольно запальчиво и торопливо противъ этой законной конференціи или соглашенія, но ея выходка не дѣлаетъ чести ни ея логикѣ, ни совѣсти, ни храбрости. Доводы ея ноты болѣе спѣсивы. нежели честны и логичны. Князь Горчаковъ вовсе не приглашалъ Австріи на конференцію, а далъ замѣтить Англіи и Франціи, что одна Пруссія и Австрія имѣютъ законное право войдти въ соглашеніе, еслибъ это оказалось необходимымъ, съ Россіей на счетъ такихъ или другихъ мѣръ къ улучшенію быта царства Польскаго, а *всеобщая* союзница стала на ходули, пустилась въ любовныя изъясненія предъ импровизированными союзницами, въ панегирики своей молоденькой конституціи, благополучія Галиціи. «Галиція, дескать, не то что Царство польское! Мы народъ конституціонный, а вы что? Хоть у насъ и существуетъ правило не принимать въ Галиціи на коронную службу поляковъ, но за то они имѣютъ полное право болтать рейхсратѣ обо всемъ, о чемъ *имъ* угодно, а мы имѣемъ право пропускать мимо ушей ихъ болтовню, если она безразлична или полезна для поляковъ и сажать въ тюрьму, если они проболтаются. У насъ, вѣдь, существуютъ сеймы, предъ открытіемъ которыхъ министръ *приказываетъ* народнымъ представителямъ *точно и безусловно* выполнять *предписанія*, выраженныя въ существующей на этотъ предметъ *инструкціи*. Если же народные депутаты начнутъ трактовать объ интересахъ своей области, объ удержаніи своей національности, о гнетѣ ея метрополіей и австрійскою конституціей, мы, помимо протестовъ народа, отводимъ для нихъ *казенныя квартиры*, какъ это мы сдѣлали недавно съ четырьмя хорватскими представителями. Мы не доведемъ гуманными мѣрами поляковъ до бунта, хорошимъ не возбудимъ въ немъ жажды лучшаго, не наводнимъ Галиціи польскими чиновниками и, при первомъ враждебномъ движеніи пановъ, шепнемъ нашимъ мужичкамъ, чтобъ они перерѣзали имъ горло. Мы вѣдь нація конституціонная!»

Что же мы скажемъ объ этихъ дипломатическихъ жмуркахъ, объ этихъ задушевныхъ союзницахъ? Несостоятельность и придирчивость европейскихъ нотъ—осязательна, уничтоженіе ихъ нотами князя Горчакова признано даже самими получателями ихъ. Въ школѣ дипломатіи, *варварская* Россія видимо помѣнялась съ сосѣдями мѣстомъ, и изъ роли ученицы перешла въ роль учителя. Честь и вѣчная, *всероссійская* признательность учителю! Западнымъ державамъ хотѣлось быть волкомъ, обвинявшимъ ягненка въ томъ, что онъ помутилъ ему-волку воду, да Россіи не захотѣлось быть ягненкомъ. *Дорогія* союзницы хотѣли натравить Россію другъ другомъ, да всякая изъ нихъ себѣ на умѣ. Ату ее, ату ее, кричатъ онѣ въ перегонку, а каждая — ни съ мѣста, а всѣ вмѣстѣ и не думаютъ бросаться на дичь не по силамъ, а Россія смотритъ себѣ направо и налѣво, скалитъ зубы, щетинится, да ухмыляется. Чтожъ это, господа? Аль—зелено—не по зубамъ? Умора и только! А дѣло-то объясняется очень просто. Между союзницами нѣтъ союза. *Вѣчный миръ*, въ переводѣ на нашу простодушную рѣчь, значитъ *безконечная и безпредѣльная вражда*. Однихъ мучитъ Ватерлоо, островъ св. Елены, Гудзонъ-Лоу, другихъ Сильферино, третьихъ Римъ, Венеція и тому подобныя мѣста, лица и событія, и выходитъ, что у всякой союзницы, подъ сочиненной улыбкой дружбы, лежитъ за пазухой камешокъ для друга,—лежитъ въ тайникѣ души враждебная мысль либо чувство, которыя пріятно было бы примѣнить къ дѣлу. Подвернулось кстати неразуміе поляковъ, и трое друзей разомъ воскликнули: «Ἕυρηκα, напустились на Россію, экзальтируя другъ друга, чѣмъ кто могъ, и говоря про себя: кто-то кого надуетъ! Этотъ конкурсъ надувательства чрезвычайно поучителенъ для насъ! Мы часто видѣли, какъ дружба человѣческая непрочна, а политическая—паутинна. Мы несомнѣнно убѣждены въ томъ, что лишь только одинъ изъ друзей зашелъ бы такъ далеко, что поворотъ назадъ сдѣлался бы невозможенъ,—онъ остался бы одинъ, комбинаціи видоизмѣнились бы съ быстротою перемѣны театральной декораціи, недавніе друзья сдѣлались бы врагами, и наоборотъ. Мы ясно видимъ, что каждому изъ друзей пріятно было бы втянуть друга въ столкновеніе съ сѣвернымъ колоссомъ и послѣ потирать руки отъ самодовольства, при видѣ ушибовъ друга, при видѣ рыбы поймавшейся на удочку.

Въ этой игрѣ въ дружбу всего болѣе изумилъ насъ своимъ искуствомъ старый сынъ Альбіона. Онъ самъ, его Morning Post интриговалъ такъ ловко, прикидывался такимъ задушевнымъ, такимъ страстнымъ, такимъ враждебнымъ Россіи, влюбленнымъ въ Польшу, что даже Молчальникъ подумалъ было однажды: «кажется, онъ натураленъ; кажется, на Англію я могу положиться.» Надувайте, друзья, другъ друга: это доставляетъ развлеченіе и вамъ, и намъ.

Но нельзя не видѣть, что, кромѣ тайной вражды и недовѣрія союзницъ другъ къ другу, у нихъ, особенно у двухъ, есть порядочная доза ненависти и къ Россіи, а у одной—и симпатіи къ Польшѣ. Сѣверный колоссъ всегда пугалъ воображеніе Запада своею громадностью. Нѣсколько разъ сосѣди обнаруживали сильное желаніе остановить его ростъ, ослабить его силы. Кромѣ двухъ-трехъ случаевъ открытой и совокупной съ нимъ борьбы, мы свѣжо помнимъ, какъ въ теченіи 3 (1805, 6 и 7) лѣтъ, три союзницы Россіи, которыхъ честь и цѣлость отстаивала она своей грудью, три раза измѣняли ей въ самомъ разгарѣ событій, три раза заплатили ей за важную услугу рѣдкою неблагодарностью. Въ Россіи все какъ-то не по вкусу Европѣ: и ея посильное отстраненіе отъ европейской цивилизаціи, и ея православіе, и индивидуальность духа народнаго, и ея самодержавіе, и славянство. Европа не можетъ простить Россіи ни ея громадности, ни ея строя гражданскаго, ни невозможности навязать ей свой языкъ, свою религію, свою конституцію, подчинить ее галло-германскому элементу, отбросить въ Азію, Теперь, когда къ нашему росту внѣшнему присоединилась сила внутренняя, когда, посредствомъ благодѣтельныхъ реформъ, Россія обновилась, переродилась, стала на пути къ величію нравственному, когда тѣснимыя чуждыми народностями славянскія племена начали чаще и пристальнѣй устремлять свой взоръ просительный на единоплеменную Россію,—Европѣ было отъ чего призадуматься: къ чувству зависти присоединилось чувство опасенія,—она начала трепетать за Востокъ, пугать себя панславянизмомъ, будущими завоевательными планами Россіи. Все это позволяетъ намъ думать, что польское движеніе было европейскимъ движеніемъ противъ Россіи, что Европа была въ заговорѣ противъ нея съ Польшей, что польскіе революціонеры были передовыми, застрѣльщиками Европы, католицизма, анти-

славянства, что, при всемъ своемъ легкомысліи, Польша безъ стороннихъ подущеній не могла бъ обезумѣть до такой степени, чтобы затѣять столкновеніе ни больше ни меньше какъ съ той самой Россіею, которой не рѣшается объявить войну Европа.

Отъ чего жъ она не рѣшается? На счетъ ея желанія мы не сомнѣваемся ни на одну минуту; фразы ея о сохраненіи мира нужно понимать въ смыслѣ неудобства объявить войну; выраженіе: «имперія—это миръ» перестало даже быть смѣшнымъ; отъ чего же, повторимъ снова, Европа не рѣшается объявить войну Россіи? Причины этой нерѣшительности довольно сложны. Прежде всего нужно замѣтить, что Европа была вовлечена въ самый непростительный обманъ па счетъ Россіи. Польскіе лгуны и клеветники пустили по всей Европѣ утку, что, эмансипація крестьянъ возбудила неудовольствіе всѣхъ сословій, что либеральныя идеи волнуютъ умы всѣхъ русскихъ, что полякамъ сочувствуетъ и народъ, и всѣ передовые Россіи, что, словомъ, россія стоитъ на волканѣ, что въ ней всякую минуту готова вспыхнуть революція. Кое-какія отрывочныя выходки выродковъ Россіи, кое-какія шероховатости недоучившейся, легкомысленной молодежи, извѣстной подъ именемъ «молодой россіи,» придали этой лжи нѣкоторую вѣроятность и тѣмъ закрѣпили ее въ убѣжденіи Европы. Она думала, что, при такомъ настроеніи умовъ въ Россіи, довольно будетъ натравить ее поляками, усилить ряды мятежниковъ своими авантюристами и демагогами, покровительствовать изъ подъ руки засѣвшія въ разныхъ ея столицахъ шайки польскихъ революціонеровъ, подсылать на поле битвы разныя военныя субсидіи, заявить предъ Россіей свои симпатіи къ полякамъ, напугать ее военнымъ вмѣшательствомъ, прокричать о немъ съ ораторской трибуны, съ типографскаго станка,—чтобы Россія сказала Европѣ и Польшѣ: padam do nóg. Но событія скоро и неумолимо разсѣяли миражъ, созданный воображеніемъ Польши и Европы. Европа увидѣла, что всѣ сыны Россіи безъ различія возраста, народностей, и вѣроисповѣданій—составили сплошную, громадную, неодолимую стѣну вокругъ престола обожаемаго Монарха, что всѣ они, отъ мала до велика, готовы въ минуту опасности сложить у ногъ Его и достояніе и жизнь, что наши семейныя дрязги были мгновенно забыты, при видѣ

стороннихъ незаконныхъ посягательствъ на цѣлость и спокойствіе Россіи, что негодованіе наше къ людямъ, позволившимъ себѣ *указывать* намъ пріемы семейной нашей управы, униженіе предъ мятежниками,—было поголовно, невыразимо. Вслѣдъ за тѣмъ Европа впала въ раздумье, начала провѣрять свои данныя и нашла ихъ не такими, какъ онѣ заявлены поляками: она увидѣла, что Польша не такъ была угнетена, какъ она о томъ вопила, что варварство на сторонѣ поляковъ, что поляки неспособны къ самоуправленію, что они ни чѣмъ удовлетворены быть не могутъ и проч. и проч Вслѣдъ за тѣмъ стало замѣтнымъ охлажденіе между друзьями. Болѣе отдаленные—совершенно отстали отъ тріумвирата; самъ тріумвиратъ, не успѣвъ окончательно втянуть кого нибудь изъ друзей въ столкновеніе съ Россіей, началъ потихоньку пятиться назадъ и замкнулся въ невинной и безопасной сферѣ дипломатіи, понижая ее тонъ за тономъ и постоянно сводя на замолчаніе.

Едва ли нужно и говорить, что одною изъ главныхъ причинъ охлажденія разнородныхъ ощущеній Европы къ Польшѣ и Россіи, была сама Россія, ея величіе, единодушіе, ея спокойный, свѣтлый и непоколебимый взглядъ на кавалерійскія аттаки европейской прессы и дипломатіи, ея честное и прямодушное отношеніе къ софизмамъ и парадоксамъ Европы. Она увидѣла, что битва на полѣ дипломатіи проиграна, что quasi доводы извѣстныхъ европейскихъ нотъ разметаны по воздуху истиной и логикой, воплотившихся въ незабвенныхъ нотахъ князя Горчакова, что, послѣ его доводовъ, союзницамъ осталось одно изъ двухъ— или продолжать жалкую роль женскаго упрямства, или взяться за оружіе. Европа нашла пока удобнѣйшимъ первое, особенно когда къ доводамъ русскихъ нотъ теоретическимъ присоединились такіе аргументы практическіе, каковы округленіе двухъмилльонной цифры войска русскаго посредствомъ рекрутскаго набора, образованіе милиціи и неудержимое желаніе народа вооружиться поголовно въ случаѣ опасности со внѣ. Европа поступила если не храбро, то практично: она смекнула, что «плетью не перебьешъ обуха,» метала громы на бумагѣ и «родила мышь.» Оно и безопасно и неубыточно Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаешь съ варварами, съ которыми ничего не возмешь ни логикой, ни штыкомъ, которые могутъ противопоставить утлымъ, разнокалибернымъ силамъ союзницъ 10

милльоновъ людей, неодолимыхъ своимъ мужествомъ и единодушіемъ! А если такъ думаетъ Европа, смутно лишь гадающая о качествѣ и количествѣ силы русской, то что скажемъ о ней мы, чующіе эту силу въ себѣ, вокругъ себя, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи? Мы скажемъ о ней то, что покореніе Россіи—не взятіе Севастополя, что въ 12 году со сту тысячами прискакавшихъ съ битвы воинами и другими сту тысячами, сформированными наскоро, мы прогнали Европу, пришедшую къ намъ подъ предводительствомъ величайшаго въ мірѣ полководца, что Россію покорить также легко какъ луну, что она (повторимъ сказанное прежде)—океанъ безъ дна и береговъ, котораго и прибрежный прибой грозенъ, а въ срединѣ его всегда найдутъ гибель отважные аргонавты. Это не близорукій оптимизмъ, а непоколебимое убѣжденіе русскаго духа, чудодѣйственная вѣра нашего сердца, быть можетъ, недалекая отъ осуществленія на дѣлѣ.

На пассивное отношеніе къ Россіи союзницъ не мало вліяетъ и озабоченность каждой изъ нихъ личными дѣлами и опасеніями. Эти дѣла и опасенія такъ знакомы всякому слѣдившему за международными отношеніями европейскихъ державъ, что мы можемъ избавить нашихъ читателей отъ разглагольствія о нихъ. Дѣло въ томъ, что всякая изъ державъ, въ душѣ или на словахъ симпатизирующая Польшѣ и ненавидящая Россію, связана по рукамъ и ногамъ цѣпями разныхъ, неблагопріятныхъ для самодѣятельности, отношеній. Одна изъ нихъ не дастъ и шиллинга за всю Польшу и только развѣ для провода *вѣчнаго союзника* готова выслать въ Балтійское море 20—30 кораблей, которые чрезъ годъ нужно было бы исключить изъ списковъ за ветхостью; другая такъ и рвется къ бою, да боится пуститься въ далекій, невѣдомый путь одна, опасается, какъ бы ея друзья, въ одно прескверное утро, не очутились въ непріятельскомъ лагерѣ и не повторили разныхъ трагикомедій 12—15 годовъ; послѣдняя наконецъ такъ запуталась въ объединеніи разныхъ народностей, составляющихъ венигретъ ея владѣній, въ удержаніи за собою угловъ, готовыхъ отвалиться отъ ветхаго зданія, что не знаетъ, какъ управиться съ собою, какія сочинить комбинаціи и федераціи для отсрочки своего распаденія, или сокращенія. А тутъ, какъ бѣльмо на глазу, сидитъ среди Европы эта честная, твердая,

вѣрная въ дружбѣ, страшная въ непріязни, Пруссія, парализующая разныя комбинаціи, конгрессы, затѣи своихъ сосѣдей. Не говоримъ о другихъ націяхъ, исправлявшихъ въ польско-русскомъ дѣлѣ должность эха, или примкнувшихъ къ тріумвирату для счета, для компаніи; не преподавать же намъ тутъ курса европейской географіи.

Стало быть войны не будетъ? Да, быть можетъ, и не будетъ теперь, пока существуютъ разныя недоразумѣнія между недоброжелателями Россіи, разныя помѣхи и опасенія между союзницами. Но къ веснѣ многіе изъ этихъ препятствій могутъ устраниться, разныя коалиціи могутъ видоизмѣниться; въ случаѣ упорства Австріи, можетъ быть кое-кому обѣщана Венеція, самостоятельность Венгріи, отмежеваніе къ Польшѣ Галиціи, могутъ быть выведены французскія войска изъ Рима, комбинаціи могутъ сгрупироваться окончательно и начало 64 года можетъ застать Европу объятую во многихъ мѣстахъ заревомъ войны. Пусть будетъ, что Богу угодно! Говоримъ, положа руку на сердце, что мы не боимся войны, потому что мы сильны, мы къ ней готовы, потому что мы правы, а за правымъ—Провидѣнье, никогда не оставлявшее насъ въ годину напасти. Мы не искали войны, мы ее не объявимъ, и не отвѣчаемъ за ея результаты; а уклониться отъ нея, купить миръ безчестіемъ и униженіемъ нашей честной, великой націи—для насъ хуже смерти. Мы знаемъ, что—рано ли поздо ли—намъ нужно помѣрять свои силы съ непріязненнымъ, католическимъ Западомъ; мы уже такъ давно этого не дѣлали. Мы даже увѣрены, что, чѣмъ скорѣе будетъ объявлена намъ война, тѣмъ лучше. Теперь силы нашего непріятеля разрознены, парализованы разными недоумѣніями, а наши—не початыя—сконцентрированы въ нераздѣльное, громадное и неодолимое цѣлое. Къ намъ скоро явится на подмогу нашъ родной союзникъ—русскій морозъ. Выгнанные имъ изъ лѣсовъ польскіе бродяги [1])

[1]) Недавно окончившая свои дѣйствія слѣдственная коммисія, назначенная по поводу неаполитанскаго разбойничества, ясно убѣдила насъ, что между польскими и неаполитанскими разбойниками существуетъ поразительнее сходство—и въ пріемахъ столкновенія съ властью и войсками, и въ преображеніи, въ минуту

начнутъ уполномочивать разныхъ пановъ [1]) на заявленіе нашему Монарху вѣрноподданническихъ адрессовъ, начнутъ являться съ повинною головою къ начальникамъ нашихъ отрядовъ, что бы сберечь свои силы и упрятать свои мятежные замыслы до весны, до новаго бунта. Мы съ трудомъ повѣримъ искренности этихъ метаморфозовъ, вызванныхъ необходимостью и не ослабимъ ни на минуту нашей осторожности и дѣятельности, ни на минуту не спустимъ глазъ съ нашихъ нежданныхъ—негаданныхъ *пріятелей*. Да, зима принесетъ намъ подмогу со всѣхъ сторонъ—и на сушѣ и на морѣ. Мы, конечно, знаемъ, что война потребуетъ у насъ не мало жертвъ, мы не скроемъ отъ себя опасностей, которымъ могутъ подвергнуться оконечности нашей громадной отчизны; но увѣрены и въ томъ, что охота и средства къ этимъ жертвамъ у Россіи—необъятны, что эти жертвы ничто въ сравненіи съ тѣмъ униженіемъ и посягательствами, какими угрожаетъ намъ Западъ и какія достанутся намъ въ удѣлъ въ случаѣ скупости съ нашей стороны на эти жертвы,—и съ тѣми результатами, которые принесетъ намъ геройскій отпоръ нашихъ заносчивыхъ и недружелюбныхъ сосѣдей и однажды на всегда отобьетъ у нихъ охоту къ самозваннымъ указаніямъ, какъ намъ жить на свѣтѣ и управлять подвластными Россіи народами.

Но кто же наши союзники? Главный и неодолимый союзникъ нашъ Тотъ, Который возводитъ царей и низводитъ, созидаетъ царства и уничтожаетъ. Онъ никогда не оставлялъ православной Россіи безъ Своей всесильной помощи въ годину опасности, Онъ не оставитъ ее и теперь. Доколѣ вѣра наша въ Его помощь будетъ непоколебима, молитва къ Нему сыновъ Россіи—всеобща, дотолѣ мы не боимся никакой силы человѣческой, никакого искусства браннаго, потому что съ нами будетъ *сильный во браиѣхъ Господь;* а съ кѣмъ Онъ, на сто-

---

опасности, разбойниковъ въ поселянъ, и въ экзальтаціи ихъ духовенствомъ и проч.

[1]) Отъ чего виленскіе и ковенскіе дворяне уполномочивали только предводителей на подачу адрессовъ, а не подписались на нихъ сами, какъ это принято во всѣхъ другихъ, дѣйствительно, вѣрноподданническихъ адрессахъ?

ронѣ того и несомнѣнная побѣда. Пусть себѣ Европа кощунствуетъ надъ этою вѣрою, глумится надъ нашими надеждами и молитвою, а мы *не убоимся ниже смутимся*; мы будемъ вѣрить, и, *по вѣрѣ нашей, будетъ намъ*, и враги наши *постыдятся, усрамятся и расточатся*.

Другой нашъ союзникъ—наша собственная сила громадная, наше единодушіе неодолимое, наши военныя средства необъятныя. По врожденной намъ скромности и недовѣрчивости къ себѣ, мы, быть можетъ, слабо сознаемъ теперь эти силы и средства, а онѣ такъ колоссальны, какъ Россія, такъ неодолимы, какъ 70 милльоновъ крѣпкихъ людей, проникнутыхъ одною мыслію, движимыхъ однимъ чувствомъ. Столкновеніе съ этими силами хрупкаго, изъѣденнаго нравственными недугами, одряхлѣвшаго Запада будетъ похоже на выстрѣлъ горохомъ въ стѣну гранитную. Вѣрь, Россія и Европа, что это не близорукій оптимизмъ самомнительности, а такая аксіома, на сторонѣ которой и разумъ, и исторія, и предопредѣленіе. Если какая нибудь Польша въсостояніи (хотя съ горемъ по поламъ) бороться 8 мѣсяцовъ съ Россіей, то что сказать о борьбѣ съ Россіей кого бы то ни было! Не задѣвай же, Европа, сильнаго, пока онъ спокоенъ и тебя не задѣваетъ! Иди себѣ своей дорогой и не мѣшай намъ идти своею! Угодно тебѣ оставить Россію *изолированною*, мы тужить не станемъ, мы даже скажемъ тебѣ сердечное спасибо за услугу: ты только сдѣлаешь съ нами то, что давно пора бы сдѣлать намъ самимъ. У насъ такъ мало общаго съ тобою, что мы ровно ничего не потеряемъ отъ разъединенія съ тобою. Даже наша народность, наше православіе, народное богатство сдѣлаются прочнѣе, чище, шире, если онѣ не будутъ ослабляемы, оскверняемы, расточаемы вліяніемъ твоего космополитизма, индеферентизма и суетности. У насъ, благодаря провидѣнію, такъ много всего *необходимаго* на потребу человѣка, что крупицами, падающими отъ трапезы нашей, мы можемъ продовольствовать полміра. Россія—это міръ. Въ ней вы найдете всѣ климаты, всѣ народности. Къ стопамъ ея обитателей природа слагаетъ всѣ свои произведенія, нужныя для полнаго и самобытнаго наслажденія жизнію. Мы были бы во сто кратъ счастливѣе, если бы между вами и нами стояла такая стѣна, которой не сокрушило бы никакое орудіе, не перелетѣла бы птица. Мы доселѣ

получали отъ васъ только дѣтскія игрушки жизни, парадоксы, растлѣніе нравственное и физическое. Мы начинаемъ жить, вы умираете; вы это чувствуете, и вамъ досадно, и вамъ страшно, и вы не знаете, что дѣлать съ нами и съ собою....

Но, если Верховному Союзнику нашему будетъ угодно подвергнуть наше единодушіе и наши силы испытанію, мы вѣримъ несомнѣнно, что Онъ пошлетъ намъ и внѣшнихъ союзниковъ, что міръ не на столько еще развратился, что бы въ немъ вовсе изсякло чувство истины, чуткость совѣсти, чтобъ онъ не могъ оцѣнить правоты нашего дѣла, честности нашихъ между-народныхъ отношеній, безопасности союза съ нами. Мы увѣрены, что прямодушная и энергичная Пруссія не измѣнитъ намъ ни въ союзѣ оборонительномъ, ни въ наступательномъ, а одна такая союзница стоитъ добрыхъ трехъ. Мы увѣрены, что, въ случаѣ нужды, намъ не откажетъ въ своей помощи и та благородная нація, которая уже предлагала намъ свои услуги въ 53 году, но отъ которыхъ мы отказались немножко горделиво. Мы думаемъ, что, въ случаѣ крайности, а особенно, въ случаѣ враждебныхъ къ намъ отношеній двухъ сосѣдокъ нашихъ съ запада и юга, мы можемъ разсчитывать на активное къ намъ сочувствіе со стороны единоплеменныхъ, а особенно единовѣрныхъ съ нами, національностей, имѣющихъ свои счеты съ этими сосѣдками, и такимъ образомъ поставить ихъ между двумя огнями. Съ доброй инициативы Австріи, развѣ мы не можемъ состряпать гдѣ нибудь конгрессъ изъ представителей разныхъ племенъ славянскихъ, для заключенія съ ними федеративнаго союза? По примѣру католиковъ, развѣ мы не можемъ созвать гдѣ либо соборъ православный, для обсужденія дѣлъ религіи и объединенія нѣкоторыхъ разнорѣчій? Вообще надежды наши на союзниковъ несравненно прочнѣе, нежели надежды нашихъ антагонистовъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ,—съ пожертвованіемъ даже личностью святаго отца, у нихъ очутятся въ союзѣ Франція, Италія, быть можетъ, Швеція, и только. Не думаемъ, чтобы хитрая Австрія сочинила что либо кромѣ непріязненнаго нейтралитета, а ея бездѣйствіе, конечно, парализуетъ и безсильную злость Турціи, иначе она очутится уже не между двухъ, а трехъ огней.... Такой союзъ враговъ Россіи для насъ менѣе чѣмъ не страшенъ. Они могутъ явиться къ намъ—много-много—въ числѣ около 400,000, то есть—

въ количествѣ равняющемся менѣе нежели $1/3$ средней величины нашей губерніи. Этихъ ли враговъ пугаться громадной, единодушной, могучей Россіи!

Но вотъ открылась война; вотъ окончились всѣ ея случайности и неслучайности; дымящіяся развалины виднѣются на мѣстѣ прекрасныхъ городовъ, счастливыхъ селъ; человѣчество сократилось милльономъ,—чтожъ ожидаетъ насъ послѣ этой бури? Ничего, кромѣ лучшаго! Человѣчество очистится отъ накопившихся въ немъ нравственныхъ нечистотъ, подобно тому, какъ воздухъ, послѣ бури, очищается отъ удушливыхъ и вредныхъ міазмовъ, нормальнѣе сгрупируются разныя народности, быть можетъ, затрутся отжившія свой вѣкъ, правда восторжествуетъ, зло нравственное и своеволіе обуздаются. Не нужно быть ни пиѳіей, ни сивиллой, чтобы видѣть теперь поразительное сближеніе именъ и событій. Вотъ прошло полвѣка со времени 12 года. Тогда сидѣлъ на престолѣ русскомъ Александръ I, теперь сидитъ на немъ Александръ II. Тогда управлялъ Франціей самозванный ея повелитель Наполеонъ I, теперь управляетъ ею Наполеонъ II [1]. И тотъ и другой не довольствуются случайнымъ счастіемъ—владѣть одною изъ лучшихъ націй, а простираютъ свои гордыя замыслы на преобладаніе цѣлой Европой, на заправленіе дѣлами всѣхъ сосѣдей и несосѣдей. И тотъ и другой симпатизируютъ по своему полякамъ и не жалѣютъ ихъ крови, и тотъ и другой идутъ однимъ путемъ, бредятъ Востокомъ, изучаютъ исторію *всемірнаго* римскаго Кесаря, подъ видомъ дружбы, строятъ ковы противъ Россіи, ищутъ себѣ, для столкновенія съ нею, союзниковъ, выбиваются изъ силъ, чтобъ ослабить силу Англіи, держатъ въ плѣну святаго отца и проч и проч. И, кто знаетъ,—можетъ быть это сходство лицъ и событій, это генеологическое сходство теорій и наклонностей двухъ Наполеоновъ, поведетъ къ гармоніи въ результатахъ.... Быть можетъ, въ свое время, повторится и Бородино и Ватерлоо, воспроиз-

[1]) Напрасно онъ титулуетъ себя III. Это, быть можетъ, пугливое переименованіе нисколько не измѣняетъ существа дѣла. Едва ли нужно доказывать, что Наполеонъ II (котораго подразумѣваетъ настоящій Наполеонъ) никогда не былъ даже de jure, не только de facto на французскомъ престолѣ.

ведутся сцены Фонтенебло, острова св. Елены; быть можетъ, Царство польское окончательно затрется на картѣ Европы!..... Все это очень легко можетъ случиться и повториться, если одинъ человѣкъ не вдумается своимъ великимъ умомъ въ это сближеніе лицъ и явленій и не защититъ себя отъ повторенія зловѣщихъ результатовъ [1]).

---

[1]) Хотя одинъ изъ нашихъ двуличныхъ органовъ думаетъ, что въ случаѣ войны Россія останется безъ союзниковъ, что въ такомъ случаѣ ея униженіе, отмежеваніе къ Польшѣ ея областей — несомнѣнное; хотя этотъ органъ свои коварныя опасенія позволяетъ себѣ основывать на примѣрѣ Австріи въ 59 г.; но въ этихъ предательскихъ опасеніяхъ мы видимъ что то отличное отъ невиннаго пессимизма и аргументъ a là Австрія считаемъ обиднымъ для Россіи и возмутительнымъ для нашего духа. Ужели честь Россіи и Австріи можетъ быть поставлена на одну доску, ужели горсть нѣмцевъ, боровшихся съ цѣлой Италіей и Франціей, равняется 70 милліонной (безъ Польши) Россіи и ужели результаты ихъ изолированности могутъ быть одинаковы?

IV.

СВЯТАЯ РУСЬ.

«Святая Русь! отечество! я твой!...»

Пушкинъ.

Имперія, занимающая шестую часть всего материка земнаго шара, 14 тысячъ верстъ въ длину и 4 тысячи верстъ въ ширину,—имперія вдвое обширнѣе Европы и въ два раза съ половиною больше Австраліи, имѣющая 70 милліоновъ жителей, т. е. почти третью часть населенія всей Европы... что же это такое, если не самая почетнѣйшая часть свѣта?... Какъ она составилась, возрасла и возмужала до такго объема? Откуда этотъ колосъ? Для чего онъ? Какое его назначеніе?... Та ли это дикая Московія, которой даже настоящее имя (Россія) мало было извѣстно въ Европѣ за двѣсти лѣтъ предъ симъ?

Исторія не представляетъ соперницъ для Россіи–по пространству ея владѣній. Богатство русской земли, ея производительность и матеріальная сила далеко выше тѣхъ, какія заявляетъ статистика. А внутреннія, духовныя силы, на которыхъ опирается величіе Россіи и отъ которыхъ зависитъ ея будущность, такъ страшны для ея враговъ, что они давно уже поставили для себя задачею—(*подкапываться подъ эти твердыни и ослаблять ихъ*) задача, достойная *просвѣщенной* Европы!

Настоящее есть плодъ прошедшаго; а прошедшее Россіи нераздѣльно съ судьбою всего славянскаго племени. Ученый Колларъ говоритъ, что между 220 милліонами жителей Европы числится славянъ болѣе 70 милліоновъ,—въ томъ числѣ 50 милліоновъ русскихъ. Сколько же было славянъ въ Европѣ тогда, когда еще чужія національности не дѣлали набѣговъ на сла-

вянскую почву и не похищали славянъ въ гречество, туречество и германство?..

Славянское племя еще ожидаетъ своей исторіи.

Есть укоренившіяся, но тѣмъ не менѣе справедливыя мнѣнія, которыя не прежде будутъ отвергнуты какъ тогда, когда все поле исторіи будетъ расчищено руками трудолюбивыми и благонамѣренными. Къ числу такихъ мнѣній принадлежитъ и то заблужденіе или недоброжелательство, по которому исторія славянъ, исторія Болгаріи, Сербіи, Богеміи, Босніи, Иллиріи, Черногоріи и другихъ славянскихъ земель почти исключена изъ всеобщей исторіи. Даже о крошечной республикѣ Санъ-Марино историки говорятъ гораздо больше въ своихъ курсахъ, нежели о славянахъ. Къ такому же заблужденію принадлежитъ и то обстоятельство, что историки, сперва нѣмецкіе, а потомъ и другіе, хотятъ увѣрить цѣлое поколѣніе славянское, *болгаръ*, что они непремѣнно происходятъ отъ турковъ, или татаръ! болгары всегда сами себя почитали и называли славянами, всегда говорили славянскимъ языкомъ, который ближе всѣхъ славянскихъ нарѣчій къ переводу священнаго писанія; но историки силятся увѣрить этихъ славянъ, что они происходятъ отъ турковъ!—Еслибъ это было не на нашихъ глазахъ, трудно было бы повѣрить такой странности. Впрочемъ какже и не повѣрить, когда въ наше время ученые нѣмцы продолжаютъ еще увѣрять природныхъ грековъ, что они, греки, не умѣютъ читать по-гречески! Къ числу такихъ же явленій принадлежитъ и то убѣжденіе, что исторія Россіи начинается только съ Рюрика. «Явился Рюрикъ, — явилась и Россія.» А до Рюрика гдѣ же она была? и что такое дѣлалось съ нею?—Ужели Рюрикъ сотворилъ ее изъ ничего?!..

Спора нѣтъ, что до рюриковская исторія Россіи состоитъ доселѣ изъ отрывочныхъ только свѣдѣній, находимыхъ въ писаніяхъ древнихъ грековъ и римлянъ, и что эти извѣстія не очищены еще критикой, и въ нѣкоторыхъ частяхъ похожи на баснословіе. Греки и римляне по-своему смотрѣли на всѣхъ такъ-называемыхъ «варваровъ,» по-своему произносили и записывали доходившія до ихъ слуха слова и имена славяно-русскія, такъ что теперь славянину трудно признать въ этихъ словахъ свои родные звуки. Въ позднѣйшее время, ученые нѣмцы, трудясь въ пользу германскаго элемента Европы, едва

ли не на всѣхъ остаткахъ славяно-русской древности наложили клеймо германизма.

Не смотря на такія два неудобства доискаться дорогой намъ истины, все-же надобно желать, чтобы *дѣло о славянахъ* было когда-нибудь разобрано и изслѣдовано, и чтобы древняя исторія славянъ была выведена на свѣтъ съ такими ясными доказательствами, противъ которыхъ никто не смѣлъ бы возражать.

Историки всѣхъ школъ единогласно называютъ славянъ аборигенами Европы, и причисляютъ ихъ къ кавказскому племени. Вотъ порядокъ главнѣйшихъ родовыхъ именъ, подъ которыми въ исторіи мелькаютъ племена на славяно-русской территоріи послѣ того, какъ они вышли изъ общей колыбели послѣпотопнаго человѣчества—съ вершинъ и ущелій Кавказа: азы, гипербореи, киммеріане и тавры, массагеты, скиѳы и сарматы, венды или венеты, готѳы, гунны, обри, болгары, и наконецъ общее имя—славяне.

Границы древне-славянскаго пространства въ Европѣ были слѣдующія: Понтъ Евксинскій и Азовское море, Кавказскія горы, Каспійское море, Волга, Уральскія горы, Бѣлое море, Балтійское море, южныя берега Нѣмецкаго моря, рѣка Эльба, Дунай, Адріатическое море, и Карпатскія горы.

На этомъ обширномъ пространствѣ, за 1000 лѣтъ предъ Рождествомъ Христовымъ, или—что все равно—чрезъ 1500 лѣтъ послѣ исторической извѣстности первыхъ политическихъ обществъ въ свѣтѣ, начало волноваться огромное народонаселеніе, которое раздѣлялось на разныя поколѣнія, съ разными именами. Доселѣ еще не доказано, къ одному ли племени (расѣ) принадлежали всѣ тѣ поколѣнія, или—это были разныя племена съ разнымъ языкомъ и разными названіями. Между тѣми поколѣніями происходила постоянная борьба: одно поколѣніе тѣснило другое и занимало его мѣсто; притѣсненное поколѣніе или разсыпалось и терялось между побѣдителями, или уходило на другое мѣсто. Въ послѣдствіи времени поколѣнія славяно-русскаго пространства начали соединяться въ *Союзы*, которые имѣли одну цѣль: громить и разрушать Римскую имперію.

Поколѣнія, волновавшіяся въ древности по славяно-русскому пространству такъ были сходны между собою въ нра-

вахъ и обычаяхъ, что это сходство даже теперь еще примѣтно въ отдаленномъ потомствѣ. По описанію очевидца, *Приска*, нравы и обычаи гунновъ Аттилы суть чисто—обычаи и нравы славянскіе; самыя имена гуновъ (Владъ, Борисъ, Скотанъ, Душанъ, Горданъ, Всеславъ, Рѣкана...) совершенно славянскія. Образъ сраженія у гуновъ и скиѳовъ, по описанію историковъ, былъ тотъ же самый, что у нашихъ донцовъ.

Имя славянъ, восторжествовавшее надъ прочими имѣнами поколѣній было еще со 2-го вѣка нашей эры употребляемо иногда въ сказаніяхъ грековъ, а въ 6-мъ вѣкѣ оно рѣшительно замѣнило уже всѣ имена, которыми прежде греки щедро надѣляли жителей славяно-русскаго пространства. Около 527 года, въ царствованіе Юстиніана, греки начали называть всѣ орды этого пространства славянами—Σκλαβηνοι.

Откуда же и когда произошло имя *Руси* или *Россіи*?

Одни утверждаютъ, что Русь (имя земли и народа) пришла отъ Чернаго моря; другіе ведутъ ее изъ Скандинавіи; третіе—изъ Балтійскаго поморья, четвертые—изъ Финляндіи. Въ настоящее время большая часть ученыхъ людей согласились вѣрить, что имя Руси пришло въ Новгородъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ изъ Скандинавіи. На всякое противное сему мнѣніе теперь смотрятъ съ улыбкою сожалѣнія, не доумѣвая, какъ можно сомнѣваться въ скандинавскомъ происхожденіи Руси.

Но, въ писаніяхъ византійцевъ, начиная съ VI вѣка, славяне и Русь были синонимы. Задолго до призванія Рюрика, Русь на югѣ была наслѣдіемъ болгарской династіи *Кубрата*. Ѳеофанъ историкъ подъ 774 годомъ—слѣдовательно прежде Рюрика—расказываетъ, что *русскій флотъ* (ρουσια χελάνδια) изъ 2000 небольшихъ судовъ, нападалъ на Византію, но былъ разбитъ императоромъ Константиномъ Копронимомъ. Все это видимо подрываетъ гипотезу о скандинавскомъ происхожденіи Руси.

Что же касается до *Варяговъ*, пришедшихъ съ Рюрикомъ къ новгородскимъ славянамъ, то по всѣмъ розысканіямъ оказывается, что отечество этихъ варяговъ было на поморьи отъ Ютландіи до рѣки Варты, гдѣ и Тацитъ (cap. XL.) полагаетъ народъ Warinos i Wartones. Преподобный Несторъ (Лаврентьев. спис.) говоритъ, что варази сидятъ по варяжскому морю къ западу: это именно и была *Померанія*, т. е. страна примор-

ская, населенная славянами, которые прежде назывались венедами. Слѣдовательно, варяги были никто другой, какъ поморскіе славяне, и *Рюрикъ былъ славянинъ!*—Иначе нельзя изъяснить этого непонятнаго самоотверженія, съ которымъ новгородскіе славяне рѣшились бы просить къ себѣ на княжество *не однаплеменнаго и неоднаязычнаго* князя, но какого-то *нѣмца*, или скандинава. *Да и какъ Рюрикъ съ своею дружиною управлялъ бы славянами, если бы онъ не зналъ ихъ языка?* А если онъ умѣлъ говорить по-славянски, то не скорѣе ли потому умѣлъ, что самъ былъ славяниномъ, нежели потому, что могъ самъ выучиться этому языку?

Россія есть общая мать всѣхъ славянскихъ поколѣній. Изъ Россіи славяне разсѣялись по всюду: путями ихъ были берега Днѣпра, Днѣстра, Буга, и берега Балтійскаго моря. Изъ сѣверной Россіи славяне заселяли берега Балтики, откуда послѣ и призванъ былъ въ Новгородъ славянинъ Рюрикъ; изъ средней Россіи заселили Польшу; а къ Дунаю перешли изъ всѣхъ концовъ славянщины (т. е. Руси), особенно изъ южной Россіи и Галиціи. Не даромъ же византійцы всѣхъ славянъ называли еще иначе *спорами*, или разсѣянными по землѣ (отъ слова (σποροι). Слѣды этого древняго общаго прозвища славянъ нѣкоторые польскіе писатели видятъ въ имени *Россіи*, почитая имя *Россіянъ* (разсѣянныхъ по землѣ) за общее имя, приличное всѣмъ славянскимъ поколѣніямъ. [1]) Не смотря на враждебныя противодѣйствія разныхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, къ Россіи всегда льнули и льнутъ славянскія сердца. Въ Россіи всякій славянинъ—какъ у себя дома: здѣсь его отечество. Святая Русь, русскій бѣлый ЦАРЬ — эти слова священны для всякаго славянина. Только ренегатка-Польша, отвергшаяся своего славянства, къ своей погибели, не любитъ Россіи. Въ самую эпоху водворенія въ Россіи варяжскаго, т. е. славяно-поморскаго владычества, крестились въ «православную вѣру» сербы и болгары. Апостоломъ ихъ былъ св. Меѳодій. За ними обратились къ истинной вѣрѣ другіе славяне, а въ 988 году крестилась и Россія. Ученый славянинъ Мацѣевскій уже доказалъ, что между *всѣми* славянскими по-

---

[1]) Dzieje królewstwa Polskiego przez J. S. Bandtke. 1820. Tom I. страниц. 43, 44, 45.

колѣніями не исключая и Польши, Божественная вѣра была первоначально введена по ученію и обрядамъ православной восточной церкви, и богослуженіе во всѣхъ славянскихъ земляхъ было совершаемо на славянскомъ языкѣ; но паписты изгнали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ славянской церкви православіе съ славянскимъ языкомъ, и замѣнили его латинью. Папа Іоаннъ XIII, буллою 968 года запретилъ не только употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи, но даже и употребленіе славянскихъ буквъ, и повелѣлъ жечь славянскія рукописи и церковныя; славянскія книги. Такое гоненіе славянскаго языка было слѣдствіемъ ненависти папъ къ восточному, т. е. вселенскому православію и слѣдствіемъ желанія ихъ съ единствомъ богослужебнаго латинскаго языка утвердить единство своей власти надъ всею церковію. Отдѣлившись отъ вселенской православной церкви, папы старались увлечь славянъ подъ свое главенство, и, къ сожаленію, многихъ увлекли.

Славяне, увлеченные подъ главенство папы, сиротливо примкнули къ западной Европѣ, и, на перекоръ славянской натурѣ, приняли формы западно-римскаго образованія въ языкѣ, въ правленіи, домашнемъ, гражданскомъ и церковномъ быту. Такая неестественность и насильственность западныхъ формъ видна даже въ латинскомъ алфавитѣ, который папы навязали нѣкоторымъ славянамъ. Цѣлая, напримѣръ, фаланга латинскихъ буквъ (sz cz) собрана для того, чтобъ замѣнить одну славянскую букву (щ): воліющіе насиліе! Такъ же точно было и съ другими формами образованія. Скоро послѣ того настала для славянъ пора новой борьбы за свою самобытность: надобно было бороться съ двумя національностями, съ нѣмецкою и турецко-татарскою.

Византійская имперія оканчивала свою страдальческую жизнь, и представительность православнаго востока, со всѣми сокровищами праотеческихъ христіанскихъ преданій, со всею первообразною чистотою вѣры, преемственно перешла на обширнѣйшую изъ славянскихъ державъ—на Россію! Отъ вліянія германскихъ элементовъ Россія была безопасна, и всякаго иноземца клеймила именемъ *нѣмца*. Духовный владыка запада такъ же напрасно старался породнить Россію съ западомъ: святая Русь не слушала ватиканскаго краснорѣчія. Оставался только дикій исламизмъ, съ которымъ татары 200 лѣтъ свирѣпство-

вали въ Россіи; но русскіе, плавая въ собственной своей крови, остались вѣрны православной вѣрѣ. Изъ среды удѣльныхъ смутъ и татарскаго порабощенія возвысилась колоссъ—держава, православная Россія, этотъ востокъ и сѣверъ Европы, отъ котораго долженъ былъ возсіять истинный свѣтъ на весь западъ. Находясь въ удаленіи отъ перемѣнъ, реформъ и тревогъ запада, эта держава медленно, но вѣрно возрастила свой особенный характеръ, свою отдѣльную народность, которая теперь видимо опредѣляетъ ея значеніе въ семействѣ европейскихъ народовъ.

Были всегда и теперь есть на западѣ люди, которые, не потрудясь даже узнать Россію, не любятъ ее и клевещутъ на нее: сперва честили русскихъ именемъ схизматиковъ, потомъ называли ихъ сѣверными варварами, а теперь сожалѣютъ, что Россія не только сама не принимаетъ европейской цивилизаціи, но еще препятствуетъ и въ Турціи развитію этой цивилизаціи, да сверхъ того будто бы она угнетаетъ породнившуюся съ западомъ Польшу.

Самый непріятный для запада предметъ—православіе Россіи. Не пріятно оно и въ религіозномъ отношеніи и въ политическомъ.

Нѣтъ сильнѣе вражды, какъ вражда религіозная. Хотя бы ужѣ и не было религіи въ сердцѣ, но вражда, начавшаяся за религіею, очень долго продолжается. Многіе нелюбящіе Россію за ея православіе, готовы, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлаться ренегатами-магометанами, но не любятъ православную Россію по преданію той вражды, которую возбуждалъ къ ней католицизмъ.

Причину этой вражды, какъ равно и всѣхъ безпорядковъ религіозныхъ, происшедшихъ отъ раздѣленія церквей, должно искать на престолѣ папы. Объявивши себя единственнымъ намѣстникомъ Господа, папа забылъ слова Господни, что царство Его не отъ міра сего, и захотѣлъ быть царемъ мірскимъ. Этою мало. Папа не остановился на римскомъ княжествѣ, но объявилъ себя государемъ всей христіанской церкви, т. е. захотѣлъ подчинить себѣ престолы не только всѣхъ епископовъ, но и всѣхъ государей. Покушеніе дерзкое, гордое, противное духу евангелія; впрочемъ казалось, будто эта дерзость не посягаетъ еще на чистоту вѣры. Но папа и на этомъ не

остановился: будучи грѣшникомъ, подобно всѣмъ людямъ, онъ своею личною властью дерзнулъ измѣнить вселенскій символъ христіанской вѣры и узаконилъ новые догматы—о своей непогрѣшимости и о своемъ главенствѣ надъ всею церквію.

Пропаганда римская, разсѣявшись по свѣту, *уже проповѣдывала не одного Спасителя, но и папу*. Слѣдствіемъ такого догмата была исключительность католицизма, не допускавшая въ небесное царство никого, кто не католикъ. За однимъ слѣдствіемъ вовлеклись другія; исключительность латинскаго языка при богослуженіи, безбрачіе священниковъ, инструментальная музыка при богослуженіи, оскудѣніе христіанской любви, индульгенціи, нетерпимость и инквизиція съ ея кострами... Распространенію этихъ злоупотребленій на западѣ много способствовало всеобщее тамошнее духовно-церковное невѣжество. Не понимая богослужебнаго языка, тамошніе христіане не могли ничему научиться въ своей церкви изъ ея пѣснопѣній и чтеній. Предъ ихъ глазами—какая то мимика священнодѣйствія съ возгласами на непонятномъ языкѣ; а чтобъ они не скучали непонятностью богослуженія, въ церкви гремитъ музыка!—Спора нѣтъ, что не смотря ни на какія злоупотребленія, на западѣ всегда были и есть святыя единицы,—люди благочестивые и здравомыслящіе, но здѣсь говорится не о святости нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а вообще о направленіи католицизма.

Крестовые походы, имѣвшіе первоначальную цѣль освобожденіе Святой земли изъ рукъ невѣрныхъ, кончились завоеваніемъ восточныхъ епископскихъ престоловъ для западнаго духовенства. Когда святыя мѣста, попущеніемъ Божіимъ, опять подпали подъ власть мусулманъ, папы даже и теперь продолжаютъ посвящать въ тѣ мѣста епископовъ—хоть титулярныхъ, подъ именемъ in partibus infidelium. При такомъ стремленіи католицизма къ всемірному господству, можетъ ли онъ равнодушно смотрѣть на восточно-православную церковь, не подчиняющуюся Риму, и на Россію—представительницу и защитницу православія?

Протестанты, отвергшіеся папы, не обратились къ вселенской восточной церкви, но основали человѣческими усиліями особую церковь, и хотя не имѣютъ католической ненависти къ православію, но почитаютъ обязанностью проповѣдывать свое

протестантство православнымъ христіанамъ на Востокѣ, — и миссіонеры ихъ, подобно католическимъ, подкапываются тамъ подъ православную церковь, совращая православныхъ людей въ свое исповѣданіе. Противъ восточнаго православія всѣ: и мусульмане, и католики, и протестанты. Колеблемая со всѣхъ сторонъ восточная церковь нашла себѣ подпору только въ православной Россіи; могутъ ли послѣ сего любить Россію западные европейцы? И удивительно ли, что двѣ католическія державы и одна протестантская соединяли не давно свои знамена съ мусульманскими, свой крестъ съ луною, и возставали противъ Россіи? Такъ называемый «восточный вопросъ», и послѣдняя крымская война возникли именно за православіе. Нельзя отвергать ни политическихъ, ни коммерческихъ причинъ этого кровопролитія; но религіозный интересъ глубоко, и даже не всегда вѣдомо для самихъ дѣйствователей, скрывался въ этой запутанности парламентскихъ рѣчей и споровъ на счетъ военныхъ дѣйствій противъ Россіи. Страшно подумать, но мысль невольно вытекаетъ изъ прошедшихъ, печальныхъ событій; что католицизмъ и протестантизмъ какъ будто утратили для враговъ Россіи обязательную силу христіанства, и эти враги только въ восточномъ православіи видятъ грозное историческое обличеніе своего нечестія, а потому и вооружились общими силами противъ православія....

И въ мирное время война запада противъ православія никогда не прекращается; только вмѣсто бомбъ, картечь и конгревовыхъ ракетъ дѣйствуетъ тогда западная *образованность*, силящаяся подкопаться подъ догматическую и нравственную часть своего противника. Подъ именемъ *образованности* западной разумѣется складъ тамошнихъ мыслей и убѣжденій, и образъ жизни семейной, общественной и государственной; но отнюдь не успѣхи въ наукахъ и искусствахъ, которыхъ православіе никогда не чуждалось, и за которые западная Европа достойна всякой благодарности.

При всемъ усиліи запада, свѣтская (laica, pagana) образованность его коснулась только высшихъ слоевъ православнаго народонаселенія Россіи, а низшіе слои остаются еще, слава Богу, при православно-церковномъ образованіи, наслѣдованномъ ими отъ благочестивыхъ предковъ. Да и въ высшихъ слояхъ западная образованность имѣетъ непрочные успѣхи: недавно

еще два великіе поэта русскіе *), стоявши у дверей гроба— слѣдовательно говоря по глубокому, предсмертному убѣжденію— исповѣдали, что *внѣ православной церкви нѣтъ истиннаго просвѣщенія и образованности.*

Національная русская образованность всегда имѣла характеръ церковный. Первою наставницею и образовательницею русскаго человѣка всегда была православная церковь. Посредствомъ своихъ богослуженій, съ приличными чтеніями и пѣніемъ, православная церковь, на понятномъ языкѣ, преподаетъ своимъ дѣтямъ высочайшія правила мудрости и нравствеенности и всю священную исторію, съ великими и знаменательными событіями ея; а въ божественныхъ таинствахъ своихъ она предлагаетъ такія освящающія средства, о коихъ и понятія неимѣетъ образованность по стихіямъ міра сего. Православная церковь *образуетъ* и приготовляетъ *людей святыхъ.* Число и имена ихъ извѣстны Богу; и нѣтъ ни одного столѣтія, чтобы Богъ не явилъ и не прославилъ нѣсколько своихъ угодниковъ между земными соотечественниками ихъ въ благословенной Россіи. Не даромъ Русь называется *святою,* такъ какъ Франція называется—прекрасною (la belle France), Германія—ученою, а Англія—промышленной. *Святость*—вотъ цѣль русской образованности, цѣль высокая и прекрасная! Самые простые и неграмотные на Руси люди, но прибѣжные къ церкви, всегда поучались въ ней тому, что нужно для честной жизни на землѣ и для блаженства на небѣ. Грамотные люди, сверхъ изустнаго поученія въ православной церкви, всегда прилежны къ чтенію священнаго писанія и отеческихъ книгъ. Русскій — грамотный простолюдинъ не скоро возмется за свѣтскую книгу, зная, что есть много книгъ полезнѣйшихъ духовно-церковнаго содержанія. И къ обученію грамотѣ въ Россіи приводятъ отроковъ съ молитвою и благословеніемъ церкви, смотря на *письмо и типъ,* какъ на даръ Божій, который должно употреблять во славу Божію и въ назиданіе ближняго, а не для празднаго препровожденія времени. Русскій народъ не читаетъ романовъ, не имѣетъ понятія о французскихъ водевиляхъ, не усвояетъ себѣ западныхъ обычаевъ, не согласныхъ съ

---

*) Жуковскій въ письмахъ своихъ къ Стурдзѣ, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ“, и Гоголь въ „Перепискѣ съ друзьями.“

установленіями православной церкви, и даже чуждается западнаго костюма, не сообразнаго съ русскимъ климатомъ и преданіями.

Науки, художества, ремесла русскій человѣкъ охотно перенимаетъ у иностранцевъ; но образа иностранной жизни, иностранныхъ убѣжденій, вѣрованій и обычаевъ онъ не торопится усвоять себѣ, и остается своеобычнымъ, самобытнымъ *русскимъ человѣкомъ*, съ своимъ собственнымъ, православнымъ взглядомъ на предметы. Такая національная русская образованность не сходится съ западною образованностью. Одно изъ двухъ: западная образованность или должно преклониться предъ русскою, или ненавидѣть ее и враждовать противъ нея. А какъ послѣднее гораздо легче, то-вотъ западные европейцы и называютъ русскихъ «варварами», и клевещутъ на нихъ, и хотѣли бы даже развратить ихъ... Но силенъ Богъ, и сильна Его помощью Россія! Святые ангелы хранители берегутъ сей кивотъ православія отъ западно-европейской образованности по стихіямъ міра сего. Одинокое положеніе Россіи въ семействѣ европейскихъ народовъ: не принадлежать ей къ этому семейству не можно,—совершенно сродниться съ нимъ не слѣдуетъ. Какъ бы вы ни старались подражать Европѣ, она все-таки не признаетъ Россію своею! А если бы признала, то это могло-бы случиться только тогда, когда Россія перестала бы быть Россіей,—отъ чего да сохранитъ ее Богъ!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КІЕВСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

«Вотъ—вотъ она, вотъ русская *столица!*» Вотъ *древняя* столица русской державы и *всегдашняя* столица русскаго православія! Привѣтствую тебя, мать градовъ россійскихъ— древній нашъ Кіевъ! О православія «родина святая! Какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя»?. Кто, приближаясь къ тебѣ, не вдохновлялся до слезъ и до поэзіи? На чьихъ устахъ не трепетала молитва при взглядѣ на твои горы и удолія, заселенныя святыми храмами? Въ чьей душѣ иногда не пробуждалась умилительная мысль: въ Кіевѣ жить бы и умереть!?.

Подъѣзжая къ Кіеву съ черниговской стороны, за 25 верстъ уже видишь на синевѣ неба силуэтъ лаврской колокольни и другихъ кіевскихъ церквей. Съ каждымъ шагомъ ближе и ближе, силуэты постепенно превращаются въ выпуклые образы,—картина развертывается, нетерпѣніе увеличивается,— вотъ такъ и летѣлъ бы на печерскую гору, или къ Андрею Первозванному!

Въ Броварахъ сходятся двѣ главныя дороги, *черниговская* изъ Бѣлорусіи, с.-Петербурга и Москвы съ прилежащими къ ней губерніями, и *полтавская* изъ Украйны, Дона и Кавказа. Обѣ дороги усѣяны богомольцами, идущими въ Кіевъ и изъ Кіева. На двадцати верстахъ отъ Броваровъ до Кіева, *ни одной минуты* (буквально) не проходитъ безъ того, чтобъ не встрѣтить или не перегнать пиллигримовъ: это похоже какъ будто на какой-нибудь праздникъ, на который одни спѣшатъ и съ котораго другіе возвращаются,—и этотъ благочестивый праздникъ повторяется здѣсь ежедневно, за исключеніемъ зим-

нихъ мѣсяцевъ. Идутъ и молятся, — молятся и идутъ. Ни одинъ богомолецъ и ни одна богомолка не проситъ подаянія, потому что вмѣстѣ съ постояннымъ молитвеннымъ настроеніемъ духа, они, во время своего пиллигримства, содержатъ и строгій постъ. У каждаго и у каждой изъ нихъ есть въ котомкѣ запасенные изъ дому сухари, а вода вездѣ не купленная, — вотъ для нихъ и не надо ничего болѣе. Многіе идутъ за двѣ тысячи и болѣе верстъ; нѣкоторые до того ослабѣли въ силахъ, что для поддержанія ихъ уже мало одной палки, — кромѣ палки въ правой рукѣ, они и лѣвою опираются на палку. Рядомъ съ одною крестьянкою, шедшею изъ Кіева при помощи двухъ палокъ, — смотрю, — идетъ крестьянинъ и предъ собою несетъ какой-то продолговатый сколоченный изъ лубковъ ящикъ, перевѣшенный на веревкахъ чрезъ шею. По разспросамъ оказалось, что это — братъ богомолки, идущей на двухъ палкахъ, а въ лубочномъ ящикѣ онъ несетъ дитя сестры, своего племянника, котораго мать уже не въ силахъ нести, подбивши ноги. «Откуда, кормильцы»? — Изъ тульской губерніи, ефремовскаго уѣзда, батюшка.

Одинъ богомолецъ, не имѣя ногъ, отмороженныхъ и отрѣзанныхъ, шелъ въ Кіевъ ползкомъ на коленкахъ... угадайте, откуда? Изъ орловской губерніи!... Болѣе 300 верстъ ползетъ на коленяхъ!... Если бы вы спросили этого необыкновеннаго *пѣшехода:* зачѣмъ тонъ *идетъ* въ Кіевъ? «*Помолиться, батюшка*» — онъ отвѣтитъ вамъ, и... заставитъ васъ призадуматься, какъ бы вы ни легко смотрѣли на *дѣло молитвы*, какъ бы ни вѣтренно и легкомысленно относились вы къ настоящей и будущей жизни. — Да, надобно признаться, что нашъ простой народъ далеко благочестивѣе и (нечего таить грѣха) далеко умнѣе насъ, людей образованныхъ и просвѣщенныхъ. Мы доселѣ, къ сожалѣнію, увѣрены, что просвѣщеніе добывается *только* путемъ ума изъ книгъ. Но есть другое просвѣщеніе, гораздо прочнѣе научнаго, достигаемое путемъ духа и сердца, и неограничивающееся мертвою буквою, но проникающее несравненно далѣе, по слову: *духовный судитъ обо всемъ, а о немъ судить никто не можетъ: ибо кто позналъ умъ Господень, ктобы могъ наставлять его?* Этотъ-то духъ подкрѣпляетъ нашихъ странниковъ въ ихъ немощахъ, и *самъ ходатайствуетъ за нихъ воздыханіями неизреченными*

*).—Вразумляемые и просвѣщаемые этимъ духомъ, люди, конечно, не всѣ и невсегда, но весьма многіе и непремѣнно въ благопотребное время, не изучавши ни Пиѳогора, ни Платона, Аристотеля и Цицерона и, изъ новѣйшихъ знаменитостей не читавши ни Адама Смита, ни Маколея, всесильнымъ именемъ Спасителя изгоняютъ бѣсовъ, говорятъ новыми языками, берутъ руками змѣй, и, хотя выпьютъ что смертоносное, не повредитъ имъ, возлагаютъ руки на больныхъ, и тѣ выздоравливаютъ **).—Братъ, несшій въ коробкѣ дитя слабой своей сестры—богомолки, на мое сожалѣніе о болѣзненномъ состояніи сестры его, отвѣчалъ такъ: «э, батюшка, теперя она ничего,—хоть на палочкахъ ходитъ, а прежде такъ была больна, что безъ всякаго движенія лежала, какъ колода; Святый Тихонъ поднялъ ее на ноги,—вотъ она, получивши у св. Тихона исцѣленіе, дала обѣтъ сходить въ Кіевъ, вотъ—слава Богу—и сходила,—теперь возвращаемся домой, въ Ефремовъ».

Пріиди и виждь, хотѣлъ бы я сказать всякому невѣрующему.

Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* грамотность, о которой въ послѣднее время поднялось столько хлопотъ?...

Современные намъ евреи всѣ до одного, обоихъ половъ, умѣютъ читать, но на ихъ умѣ *лежитъ покрывало*, и они коснѣютъ въ достиженіи *истиннаго просвѣщенія*.

Наши раскольники, почти всѣ, умѣютъ читать, но—остаются раскольниками!...

А извѣстная личность, боящаяся ладану, умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую, едвали даже не онъ и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводить въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *вѣруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой, этого колосальнаго дьявольскаго просвѣщенія?...

И такъ не благоразумнѣе ли и не ближе ли къ цѣли будетъ—начать намъ *образованіе* нашего народа путемъ церковнымъ, путемъ Вѣры, путемъ благочестія, которое на все пригодно и полезно? И, слѣдовательно, не полезнѣе ли будетъ

---

*) I Кор. II. 15, 16. Рим. VIII, 26.
**) Марк. XVI. 17, 18.

распространять преимущественно *грамотность церковнославянскую*, нежели *свѣтскую?* Вѣдь наши простолюдины не прочь отъ того, чтобъ имъ читать что либо *божественное*; а чтеніе нашихъ романовъ и повѣстей, нашихъ комедій и водевилей, и, вообще говоря, наша свѣтская литература непремѣнно погубила бы въ нихъ прародительское ихъ благочестіе. Извѣстная эпиграмма на стихотворенія покойнаго гр. Хвостова — «*прочелъ Хвостова я, и мыслю сокрушился, зачѣмъ читать учился*» — какъ-разъ пригодна ко всей нашей свѣтской литературѣ, если бы познакомить съ нею нашихъ простолюдиновъ.

И послѣ всего этого — можно ли еще спорить о томъ, что распространеніе грамотности между нашимъ простымъ народомъ должно принадлежать исключительно нашему православному духовенству, и что грамотность народа должна быть преимущественно церковнославянская?... Слабости, недостатки, даже злоупотребленія — всѣ эти дрязги общечеловѣческія — будутъ непремѣнно въ нашихъ сельскихъ школахъ и даже при управленіи ихъ нашимъ духовенствомъ, — все это неизбѣжно въ дѣлахъ человѣческихъ, къ какому вѣдомству ни принадлежали бы заправители и руководители народнаго образованія; но поручивши это дѣло Церкви и ея служителямъ, вы можете быть совершенно увѣрены, что великое дѣло находится, вообще говоря, въ вѣрныхъ и надежныхъ рукахъ. Вотъ только чего недостаетъ: *дайте духовенству, въ вознагражденіе за его труды по сельскимъ школамъ, хоть половину тѣхъ денегъ, которыя предположено было расходовать ежегодно на свѣтскихъ директоровъ и инспекторовъ съ ихъ канцеляріями и разъѣздами и на проэктированныхъ свѣтскихъ сельскихъ учителей:* духовенство будетъ довольно *этою половиной*, и непремѣнно устроитъ сельскія школы самымъ удовлетворительнымъ образомъ Сдѣлайте по крайней мѣрѣ *пробу*, удастся ли? Во имя здраваго смысла можно напередъ отвѣчать: *непремѣнно удастся превосходнѣйшимъ образомъ!* — Нѣтъ ничего легче (и несправедливѣе), какъ обвинять духовенство въ плохомъ веденіи сельско-школьнаго дѣла — *не давая ему для этого дѣла ни копѣйки денегъ*. А ежели еще къ этому прибавить нѣсколько продѣлокъ прямой и положительной оппозиціи, то — естественно — *дѣло не пойдетъ на ладъ*. Надобно еще удивляться: какъ сущес-

твуютъ и доселѣ еще не разстроились эти тысячи сельско-приходскихъ школъ, открытыхъ духовенствомъ *безъ всякихъ средствъ*—даже большею частію *безъ удобнаго и приличнаго помѣщенія*... Предметъ, въ высшей степени заслуживающій размышленія и заботы.

Въ такихъ мысляхъ приблизился я къ *Николаевскому мосту* чрезъ нашъ слоутый Днѣпръ. Мостъ достоинъ украшаться именемъ *Императора Николая*,—такой же грандіозный, какъ и всѣ прочія дѣла его. Доблестный Николай любилъ Кіевъ, и почти каждый годъ посѣщалъ его Кромѣ моста чрезъ Днѣпръ, Николай I украсилъ древнюю столицу Россіи университетомъ св. Владиміра, зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, кадетскимъ корпусомъ и памятникомъ святому Владиміру: подобныхъ зданій и подобныхъ памятниковъ мало въ Европѣ.—Еще при жизни покойнаго Императора начали устроять, прямо къ мосту съ печерской горы, теперь—уже оконченный, *панкратьевскій спускъ*, чтобъ не дѣлать длиннаго объѣзда по шоссе на Подолъ, потомъ, чрезъ Крещатикъ, уже на Печерскъ. Подъемъ съ моста на печерскую гору чрезвычайно удобный и—величественный, какъ и все въ Кіевѣ величественно! Для пѣшеходовъ, прямо съ мосту, сдѣлана на гору удобная лѣстница съ уступами и диванами для отдохновенія: здѣсь равно пріятно—и трудиться до усталости, восходя на гору, и отдыхать отъ усталости: виды вокругъ очаровательные! Не хочется оторваться отъ нихъ; цѣлый бы вѣкъ чувствовать такую пріятную усталость и такъ пріятно отдыхать отъ усталости! Подъемъ на гору круто поворачиваетъ на лѣво около *Аскольдовой Могилы*. Похоронивши своего перваго князя Аскольда на этой горѣ, древніе кіевляне возлѣ его могилы (къ сожалѣнію, теперь неизвѣстной) начали погребать своихъ покойниковъ,—вотъ и составилось первое въ Кіевѣ христіанское кладбище съ церковью св. Николая, построенною тамъ гражданиномъ *Ольмою*. Теперь значительная часть кладбища вошла въ пространство *панкратіевскаго спуска*. Осталось нѣсколько могилъ и памятниковъ вокругъ уцѣлѣвшей каменной церкви. На этомъ ли мѣстѣ стояла древняя церковь св. Николая, бывшая надъ гробомъ Аскольда? И—гдѣ мѣсто этой могилы?.. Отъ вопросовъ, касающихся древности, невольный и непримѣтный переходъ къ *современнымъ вопросамъ*. Ежели поляки такъ усильно до-

казываютъ свои національныя права на Кіевъ, то—какъ же это они до сихъ поръ не догадались доказывать предъ всею *просвѣщенною* Европою, что Аскольдъ и Диръ были поляки, непремѣнно поляки?! Вѣдь послѣ публичнаго воровства четырехъ милліоновъ рублей въ варшавскомъ государственномъ казначействѣ, теперь они, *не стыдясь*, могутъ говорить, писать, и дѣлать, что угодно,—и просвѣщенная Европа во всемъ повѣритъ имъ, и на все благословитъ ихъ!!! Куражъ, панове! Аскольдъ и Диръ непремѣнно были польскіе шляхтичи.

Вотъ и подобная небеси Лавра.—«Все упованіе мое на Тя возлагалъ и возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ.» Я и пріютился подъ этимъ кровомъ, въ *лаврской гостинницѣ*.

Обширный дворъ гостинницы съ ея домами, сараями навѣсами, и съ страннопріимною трапезою, подобно большому улью, безпрестанно наполненъ странниками, то вновь-прибывающими то оставляющими это мирное и святое пристанище. Здѣсь все начинается, исполняется, оканчивается крестомъ и молитвою. Даже сторожъ, подметающій коридоры въ сумракѣ ранняго утра, и тотъ дѣлаетъ свое дѣло, напѣвая въ полголоса слова Псалтыри: «благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіямъ твоимъ.» Вмѣсто обыкновенныхъ привѣтствій — «здравствуйте, прощайте»— говорятъ: «спаси, Господи, и помилуй.»—Привратникъ, неимѣющій, кажется, ни одной свободной минуты, по причинѣ безпрестанно-относящихся къ нему вопросовъ отъ странниковъ, смиренно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, и между тѣмъ тихонько читаетъ по книгѣ свое монашеское *правило*. Бѣдныхъ странниковъ нетолько принимаютъ въ гостинницу безплатно, но еще и кормятъ ихъ; для останавливающихся въ *номерахъ* такъ же не положена ни какая такса въ сутки,—всякъ пріѣзжающій живетъ, сколько хочетъ, требуетъ чего хочетъ, и при выѣздѣ изъ гостинницы платитъ (или по тамошнему выраженію, *жертвуетъ*)— что хочетъ, по своему собственному усмотрѣнію.

Въ два часа ночи начинаютъ на лаврской колокольнѣ звонить къ заутренѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по всѣмъ коридорамъ гостинницы, приходитъ послушникъ съ маленькимъ звонкомъ, тихо возвѣщая для желающихъ о времени утренней молитвы. Ворота гостинноприимнаго улья уже на стежъ, и странники въ

сумракѣ ночи, подобно пчеламъ, прилежно стремятся изъ своего улья за *добычею* молитвы — кто къ ближнимъ пещерамъ, кто къ дальнимъ, а другіе въ больничную церковь или въ большую соборную. Всѣ лаврскія церкви всегда полны молящимися; и во всѣхъ ежедневно богослуженіе совершается съ такою торжественностью, какой не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ въ самые великіе праздники.

Лѣтомъ, въ четыре часа утра, по окончаніи заутрени, начинается молитвенное хожденіе *по пещерамъ*, которыя весьма справедливо названы въ домашней Бесѣдѣ [1]) *университетомъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ*. Позволяемъ себѣ выписать изъ Бесѣды нѣсколько словъ объ этомъ дивномъ *университетѣ*.

«Въ Кіевѣ, кромѣ университета св. Владиміра, есть еще другое высшее училище — преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ печерскихъ чудотворцевъ. Этотъ святой университетъ — въ пещерахъ кіевскихъ. Сюда ежегодно стекаются многіе десятки тысячъ слушателей со всѣхъ концевъ Россіи. Здѣсь они получаютъ и просвѣщеніе и исцѣленіе не только отъ тѣлесныхъ недуговъ, врачеваніемъ которыхъ занимается и клиника университета св. Владиміра, но и отъ душевныхъ, для уврачеванія которыхъ безсильна ученая медицина. Просвѣщеніе, пріобрѣтенное въ училищѣ св. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, имѣетъ свой особенный характеръ, которымъ не можетъ похвалиться научное просвѣщеніе, получаемое въ другихъ школахъ. Этотъ особенный характеръ состоитъ во всеобщей примѣнимости этого просвѣщенія ко всѣмъ состояніямъ и случаямъ жизни, по слову великаго учителя народовъ: *благочестіе на все полезно, имущее въ себѣ обѣтованіе живота вѣчнаго*. Наставники печерскаго университета, возлежа на своихъ каѳедрахъ во глубинѣ пещеръ, нетлѣніемъ своихъ мощей поучаютъ многому такому, чего нельзя вычитать ни въ одной книгѣ, кромѣ божественной книги Евангелія. Самый воздухъ пещерныхъ аудиторій благоухаетъ святынею. Здѣсь можно изучить полный курсъ богословія и философіи, да философіи не гегелевской, играющей отрицаніями, но гораздо высшей, положительной, преобразующей весь складъ нашего ума и

[1]) Дом. Бесѣда. Выпускъ 18, мая 4, 1868 года.

нашихъ нравственныхъ дѣйствій. Здѣсь же, въ пещерахъ, родилась и русская исторія. Первый наставникъ ея, преподобный Несторъ, получилъ даже отъ общества исторіи и древностей бронзовый дипломъ, который и блеститъ надъ его гробомъ. Здѣсь же, въ пещерахъ, самымъ лучшимъ образомъ рѣшается давнишній международный вопросъ о приднѣпровской сторонѣ, о чемъ теперь такъ много пишутъ и трактуютъ. И другой рѣшается здѣсь современный вопросъ — религіозно-политическій (легко ли сказать!) даже о главенствѣ и земномъ владычествѣ папы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, кіевскія пещеры могутъ даже помочь современной Италіи въ ея стремленіи освободиться отъ жестокаго владычества римскаго епископа.»

«Современные польскіе публицисты хотятъ доказать, что кіевская сторона, Волынь и Подолія, населены полянами и по своей національности составляютъ часть древней Польши. Шановные панове! докажите сперва, что преподобные Антоній и Ѳеодосій, со всѣмъ ликомъ печерскихъ угодниковъ, были поляки и католики, — тогда уже (такъ и быть!) мы отдадимъ вамъ и Кіевъ, и Волынь, и Подолію. Но прежде Днѣпръ возвратится назадъ и потечетъ вверхъ, нежели вы докажете это. Слѣдовательно, этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ ясно и совершенно удовлетворительно. Полно вамъ, господа, ребячиться съ вашими смѣшными притязаніями на приднѣпровскую сторону: actum est!»

«Главенство папы и исключительность католичества совершенно уничтожаются при самомъ входѣ въ кіевскія пещеры. Ежели внѣ римско-католической церкви нѣтъ спасенія (какъ учатъ католицизмъ), ежели только папа есть единственный намѣстникъ Господа Іисуса Христа, и одинъ онъ имѣетъ, преемственно отъ апостола Петра, ключи царствія небеснаго; то какимъ же образомъ спаслись и вошли въ царствіе небесное наши печерскіе святые, подвизавшіеся внѣ римской церкви и не признавшіе папу? Рѣшите этотъ вопросъ, не прибѣгая къ іезуитской увертливости, но просто и добросовѣстно. Въ рѣшеніи этого вопроса вы самымъ разумнымъ способомъ дойдете до той очевидной истины, что папа не болѣе нуженъ для христіанства, какъ столько же, сколько и всякій другой епископъ въ своей епархіи; и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости быть ему королемъ и простирать свое господ-

ство на всѣ епархіи христіанскаго міра, дабы такимъ образомъ, къ соблазну истинновѣрующихъ, не смѣшивать sacra profanis, священное съ свѣтскимъ.»

«Любители истиннаго просвѣщенія! Приходите въ это святое училище учиться истинной мудрости. Изъ университета св. Владиміра приходите и въ университетъ св. Антонія и Θеодосія: одно другому не помѣшаетъ, было бы только истинное желаніе учиться и любовь къ истинному знанію.»

Кстати — нѣсколько словъ о «Домашней Бесѣдѣ.» Безъ всякаго пристрастія, и даже (признаюсь) съ нѣкоторымъ, маленькимъ предубѣжденіемъ противъ издателя ея, наблюдая и изучая противниковъ этой газеты, я убѣдился фактически, что большая изъ нихъ (чуть-чуть не всѣ) *бранятъ Бесѣду не читавши ее!!* Одинъ господинъ, весьма ученый и даже превосходительный, недавно въ одномъ большомъ учебномъ собраніи изволилъ выразиться такъ: «прежде я соглашусь умерѣть, нежели унизиться до того, чтобъ читать домашнюю Бесѣду.»

— Стало быть, ваше пр-во не читаете ее? За что же вы ее браните? Спросилъ я, сперва надобно знать ее, а потомъ уже бранить.

— «Да что объ ней говорить. «Искра» и другіе журналы? развѣ вы незнаете?» отвѣчалъ врагъ «Бесѣды.»

— Нашли же вы авторитетъ! сказалъ я, и — прекратилъ споръ.

По средамъ, въ соборной лаврской церкви, утромъ, предъ литургіей, служится акаѳистъ *Успѣнію Божіей Матери.* Я имѣлъ счастіе быть на этомъ акаѳистѣ, и почитаю это время однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Странно сказать, *о комъ* я думалъ во время акаѳиста... я думалъ о Герценѣ, Бакунинѣ, Огаревѣ и о другихъ нашихъ апостатахъ. Придите сюда, думалъ я, несчастные вѣроотступники, и посморите на молящуюся святую Русь. Со всѣхъ концевъ Россіи собрался народъ къ чудотворному образу Богоматери,— стоятъ предъ нею, какъ предъ видимо-существующею, плачутъ, повергаются въ ноги ей,—нѣкоторые, не умѣя таить своего душевнаго вопля, тутъ же громко взываютъ къ ней: «Матушка Ты наша, Царица Небесная, помилуй насъ!» Все собраніе молящихся—какъ одна душа; здѣсь видимо совершается общеніе двухъ міровъ, видимаго съ духовнымъ... «И вѣрится,

и плачется, и на душѣ легко, легко»...... Царица Небесная внемлетъ этимъ мольбамъ, видитъ эти вздохи и слезы, и всегда помогаетъ прибѣгающимъ къ ней за помощью. Если бы писать подробно о всѣхъ чудесныхъ изцѣленіяхъ и о всѣхъ милостяхъ, видимо совершающихся въ русскомъ народѣ благодатію и заступничествомъ Богоматери, «то и самому міру, думаю, не вмѣстить бы написанныхъ книгъ.» Надобно быть идіотомъ, чтобъ, видя все это, остаться невѣрующимъ Если же наши отступники не идіоты, такъ всего вѣроятнѣе, что они съ юныхъ лѣтъ лишены были случая видѣть торжество и силу вѣры, постоянно совершающіяся въ святилищахъ православной церкви. Если сердца ихъ еще не дошли до сатанинскаго, злораднаго самоубійства въ себѣ всякаго нравственнаго чувства, то еще можно сказать имъ словами церкви: *пріидите, вкусите, и видите, яко благъ Господь!* Если же они неспособны уже внимать этому призванію, то... они для насъ уже *яко мытари и язычники.*

Слава Богу, что лаврское духовенство умѣетъ цѣнить высокость своего призванія и достойнымъ образомъ совершаетъ свое великое служеніе. Ежедненныя службы здѣсь идутъ такъ чинно, такъ торжественно и съ такимъ искреннимъ, задушевнымъ благоговѣніемъ, какъ будто совершающіе ихъ нарочито и долго приготовлялись къ давно-ожиданному и рѣдко-бывающему торжеству. О лаврскомъ пѣніи надобно сказать то, что послы Владиміровы, возвратившись изъ Греціи, говорили вообще о православномъ богослуженіи: это пѣніе не просто земное, оно непремѣнно позаимствовано изъ неба! Въ нынѣшнее *время всевозможныхъ нелѣпостей*, нашлись же въ Европѣ публицисты, которые за поляками повторяютъ, что *Кіевъ— польскій городъ*. Придите и посмотрите. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, ежели, окружаясь и проникаясь святынею кіевской, забудешь о животной половинѣ своего существа, забудешь о пищѣ и нечувствуешь голода. По крайней мѣрѣ я, пробывши нѣсколько дней въ Кіевѣ, безъ всякаго особаго обѣта поста и воздержанія, но просто *отъ недостатка времени* не обѣдалъ нѣсколько дней сряду; перехватишь одинъ— другой стаканъ чаю съ хлѣбомъ, да и довольно, — ни голоду не чувствовалъ я, ни усталости, а еще сдѣлался здоровѣе. Мы не понимаемъ, кажется, нашей духовной природы, не знаемъ

собственныхъ нашихъ силъ и привычки, подобно животнымъ, только просить: хлѣба! хлѣба!, А человѣкъ можетъ живъ быть *не о единомъ хлѣбѣ*.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе мы — съ позволенія сказать — дураки! [1]) Безпріютнымъ сиротамъ, непомнящимъ своего родства, вдругъ открывается отецъ ихъ, предлагаетъ имъ свою любовь, права состоянія и богатое наслѣдство; а эти сироты... отвергаютъ все это!.. Развѣ это не безуміе?.. Отецъ посылаетъ къ этимъ несчастнымъ сына своего, который называетъ ихъ *своими братьями*, учитъ ихъ, лечитъ ихъ отъ всѣхъ болѣзней, кормитъ ихъ, уплачиваетъ всѣ долги ихъ, и наконецъ даже умираетъ за нихъ, и... что же? Безумцы непонимаютъ всего величія жертвы, принесенной за нихъ, не хотятъ пользоваться предоставленными имъ правами усыновленія и наслѣдствомъ, — какъ будто еще торгуются о томъ, будетъ ли что нибудь заплачено имъ *за то, что они согласятся быть счастливыми*.... Вѣдь это мы!..

Ахъ, въ какое же безотрадное и безотвѣтное положеніе ставятъ себя несчастные скептики и гордые теоретики, нехотящіе уразумѣть силу Божію и вѣровать въ Бога *даже за дѣла, которыя Онъ творитъ!!* Посредствомъ анализа и теоріи они не далеко уйдутъ, и не остановятся ни на одной религіи, ибо *не знающій Сына не знаетъ и Отца*, и, увы... они никогда не успокоятся ни на какомъ самодѣльномъ боговѣдѣніи. *Царствіе Божіе внутри васъ*, въ вашемъ сердцѣ; оно не въ спорныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ благодати и силѣ. Несчастные, васъ Христосъ призываетъ къ обоженію и обѣщаетъ вамъ свою божественную силу и могущество; а вы сами отказываетесь отъ божества, и... постыдно сказать... *уподобляетесь скотамъ несмысленнымъ*...... Господи помилуй насъ, и имиже вѣси судьбами, спаси насъ, — аще хощемъ или не хощемъ, — спаси!

---

[1]) Извиняюсь въ этомъ словѣ: не прибралъ учтивѣйшаго выраженія... Впрочемъ, лучше всякій предметъ называть собственнымъ его именемъ. Авторъ.

Къ прежнимъ, давно уже извѣстнымъ, достопримѣчательностямъ Кіева недавно прибавилась новая: садъ А. Н. Муравьева. Противъ церкви св. Андрея Первозваннаго искони лежали впустѣ три десятины городской земли, называемой *провалье*, неспособной ни къ какому употребленію. Бугоръ на бугрѣ; то кусокъ горы, то глубокая долина, то щебень и муссоръ изъ древняго фундамента бывшей на горѣ Десятинной церкви, построенной Равноапостольнымъ Владиміромъ. А. Н. Муравьевъ купилъ это мѣсто, выровнялъ его, сколько было можно, отрывки горъ соединилъ висячими мостиками, провелъ дорожки по скатамъ горъ и по долинамъ, засадилъ все пространство деревьями, развелъ цвѣтники, и—устроилъ садъ, безъ преувеличеній можно сказать, *первый въ свѣтѣ* по красотѣ своего мѣстоположенія!... Изъ этого сада вы, à vol d'oiseau, видите подъ собою всю часть Кіева, называемую Подоломъ, видите Днѣпръ и заднѣпровье, а надъ вами съ одной стороны возвышается Андрей Первозванный, съ другой—Десятинная церковь. Съ каждымъ шагомъ виды измѣняются, и одинъ другаго лучше! «*Царское мѣсто!*» невольно сказалъ одинъ путешественникъ, гуляя по этомъ саду; и дѣйствительно—*царское*, потому что мы, русскіе, все прекрасное и величественное не умѣемъ иначе назвать, какъ *царскимъ*. На одной площадкѣ своего прекраснаго сада А. Н. выстроилъ для себя образцовую *русскую избу*, и живетъ въ ней. Подобную же красивую избу видѣлъ я въ Москвѣ на дѣвичьемъ полѣ у М. П. Погодина. Нашъ ученый проффессоръ и нашъ благочестивый паломникъ изрестили своими путешествіями Европу и Азію, послѣдній былъ, кажется и въ Африкѣ; видѣли они и палаццы, и кіоски, и пагоды и разнаго рода виллы; но тотъ и другой, для отдохновенія себѣ на старость, устроили—просто *русскую избу*: обстоятельство, кажется, самое обыкновенное и нестоющее замѣчанія; но въ выборѣ *избы* предпочтительно предъ всѣми прочими зданіями, громко и прекрасно высказался просвѣщенный, умный русскій человѣкъ. Далъ бы намъ Богъ побольше такихъ соотечественниковъ. Еслибы хозяева этихъ двухъ избъ позволили мнѣ, то и въ Москвѣ и въ Кіевѣ, надъ ихъ избами, сдѣлалъ бы слѣдующую русскую надпись: «*въ гостяхъ хороша, но дома лучше*».

На Подолѣ, около Братскаго монастыря съ его знамени-

тою академіей, пріютилась «*Редакція Вѣстника Югоза*-«*падной и Западной Россіи*». Это—такъ же не послѣдняя достопримѣчательность Кіева *). Откуда редакція набрала такихъ неутомимыхъ и такихъ умныхъ сотрудниковъ? Ну, можно ли было ожидать, чтобы въ провинціальномъ городѣ, въ Кіевѣ, нашлись такіе писатели, которыми могъ бы гордиться любой столичный журналъ? Кто читалъ юго-западный Вѣстникъ, тотъ помнитъ имена *Воронина, Саковича, Новицкаго, Синицкаго, Эремича, Юзефовича, Ступишина, Доктора Штуки, прот. Крамарева, И......ъ, Еремѣева, Волынянина* ипроч. ипроч. Жаль, что неизвѣстно, кому принадлежатъ двѣ прекрасныя статьи «*О крестномъ ходѣ на Крещатикѣ*» и «*О памятникѣ Богдану Хмельницкому*». Справедливо замѣтилъ *г. Бѣляевъ* въ газетѣ «День», что въ юго-западномъ Вѣстникѣ нѣтъ балласту, но все читается съ удовольствіемъ и пользою—отъ первой строки до послѣдней. Одинъ только недостатокъ въ Вѣстникѣ: зачѣмъ онъ издается не въ столицѣ, но въ провинціальномъ городѣ? **) Противъ провинціальныхъ городовъ существуетъ закоренѣлый предразсудокъ, что въ нихъ не можетъ быть издаваемъ хорошій журналъ, и что только столицы наши присвоили себѣ монополію журналистики: изъ столицъ—изволите видѣть—«*и моды къ намъ идутъ, и чепчики, и музы*»—какъ выразился незабвенный Фамусовъ. Юго-западный Вѣстникъ вырываетъ этотъ старый предразсудокъ съ корнемъ вонъ. Доброжелателей Вѣстникъ имѣетъ много; не знаю, есть ли у него враги. ***) По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что всѣ придирки хохломановъ къ Вѣстнику болѣе смѣшны своею нелѣпостью, нежели вредны на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, нашлись такіе наивные люди,

---

*) Покорнѣйше прошу редакцію не вычеркивать ни одного слова изъ того, что я скажу объ ней. *Странникъ*.

**) Впрочемъ, издаваясь въ столицѣ, онъ не былъ бы уже *Югозападнымъ*.

***) Есть-и премного: это поляки, хохломаны, нигилисты, полонофилы неразумные гуманисты и вообще всѣ враги цѣлости Россіи и православія, которыми, къ сожалѣнію, полна земля русская. Ред.

которые хотѣли пустить въ ходъ слѣдующую мысль, *что Вѣстникъ, нападая на тенденціи хохломановъ, яко бы этимъ самымъ обнаруживаетъ свое сочувствіе къ полякамъ.* Подобное нелѣпое обвиненіе смахиваетъ на слѣдующую исторію:

Были себѣ два извѣстные человѣка, ***Иванъ Никифоровичъ*** и ***Иванъ Ивановичъ***. Они находились въ смертельной враждѣ между собою и не могли терпѣть одинъ другаго. Ежели разобрать дѣло, то ***Иванъ Ивановичъ*** былъ кругомъ виноватъ, съ него начало вражды, отъ него одного всѣ кляузы,—однимъ словомъ: онъ обидчикъ, а Иванъ Никифоровичъ обиженный. Судья, разбирая дѣло, и подписавши уже приговоръ о томъ, что обидчикъ Иванъ Ивановичъ *должень быть наказанъ безщадно, чтобъ другимъ не было повадно*, по-дружески замѣтилъ Ивану Никифоровичу, что и ему пора бы оставить свои странности.

«Какія странности?»—Закричалъ Иванъ Никифоровичъ.

—Да вотъ какія: вы, будучи русскимъ человѣкомъ, доселѣ не умѣете или не хочете говорить по-русски, но пробавляетесь какимъ-то кухоннымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, и завели у себя, или только хочете завести школу для обученія дѣтей не русскому и не церковно-славянкому языку, но кухонному малороссійскому нарѣчію, и собираете деньги для изданія книгъ на этомъ искалеченномъ нарѣчіи. Ну, къ чему это?

—«Э! Такъ вотъ какъ! Такъ вы противъ меня?! Такъ значитъ—вы пріятель моему супостату Ивану Ивановичу?! Такъ вы—злоумышленникъ?! Хорошо же! Я донесу на васъ!

—Доносите, кому угодно; но ежели я подписалъ приговоръ противъ вашего супостата Ивана Ивановича, такъ изъ этого не видно, что я пріятель ему. Онъ достоинъ казни; а вы все-таки не правы съ вашими сепаративными тенденціями: я говорю правду.

«Знаю я вашу правду! Знаю, знаю«.. и расходился Иванъ Никифоровичъ.... Вѣдь, правда, подобныя обвиненія Ивановъ Никифоровичей и всѣхъ «Ничипоровъ»—ужасно нелѣпы?

Прощай, Кіевъ! прощай, святый городъ!

Странникъ.

Кое что о славянахъ и православіи въ Германіи.

(Отъ корреспондента.)

1.

Geheime Geschichte der Oesterreichischen Regierung seit Ferdinand II bis auf unsere Zeit. Erste geschichte Oesterreichs nach authent. Actenstücken von Alfr. Michiels. Gotha. 1863. (Тайная исторія австрійскаго правительства со времени Фридриха II до нашего времени. Первая исторія Австріи по подлиннымъ документамъ.) — По заглавію эта книга въ высшей степени заманчива для занимающихся исторіею земель, подчиненныхъ Австріи. «Тайная» исторія Австріи, политика которой всегда хитра, скрытна и богата событіями, не терпящими дневнаго свѣта, «первая» исторія по «подлиннымъ актамъ»— все это—эпитеты, которыми обставлено заглавіе книги,—такого рода, что невольно предполагается встрѣтить въ книгѣ много новаго, доселѣ неизвѣстнаго, новаго несомнѣннаго, но объясняющаго внутреннія пружины австрійской машины, сдавливающей милліоны славянскихъ народовъ. — Но, по прочтеніи самой книги, оказывается, что для насъ—русскихъ и вообще всѣхъ славянъ новаго-то здѣсь ничего нѣтъ. Для нѣмцевъ, которые тщеславятся все стороннимъ превосходствомъ своимъ предъ славянами, есть еще въ этой книгѣ интересное и даже новое для нѣкоторыхъ, особенно для тѣхъ, которые (и ихъ цѣлая, почти безъ исключенія, южная германія) въ Австріи видятъ представительницу нѣмецкой силы, способной держать въ желѣзныхъ цѣпяхъ чуждыя ей національности. Для Габсбурскаго дома всегда служили и теперь служатъ лозунгомъ слова: Austriae est imperare Orbi universo! (Австріи свойственно господствовать надъ всей вселенной!) Впрочемъ и для приверженцевъ Австріи новаго въ этой книгѣ не то, что Австрія вѣчно стремится къ насильному господству надъ чуждыми ей народами, но то, что здѣсь довольно ярко, хотя не полно, не всесторонно и не со всѣми пріемами научнаго историческаго раскрытія представлено общее начало австрійской политики въ ея господствѣ надъ народами. Мы думаемъ, что авторъ при составленіи своей книги, и не руководился мыслію—представить научную ис-

торію своего предмета. Разсматривая съ этой стороны, книга заключаетъ бездну недостатковъ. По всей вѣроятности, она составлена какъ назиданіе для южно-германскихъ нѣмцевъ, которые въ настоящее время всегда и при всякомъ случаѣ выражають на зло Пруссіи свое расположеніе къ Австріи. Кѣмъ то, съ назидательною цѣлью, и раскрывается въ этой книгѣ, что «главный мотивъ» австрійскаго управленія есть «вѣчная неразрывная связь его съ латинской религіей...» «Австрійское правительство осуществляетъ на дѣлѣ политическія начала іезуитской латинской политики, всегда желающей держать подвластныхъ въ тупомъ, страдательномъ подчиненіи» (гл. I.) Поэтому «инквизиторскіе статуты, составленные іезуитами составляютъ законодательство Австріи (гл. XVIII.) Вотъ-мысли, которыя прохотятъ чрезъ всю книгу, мысли, не новыя для насъ, но назидательныя для нѣмцевъ, которыя довольны австрійскимъ господствомъ надъ славянами. Весьма мало показывается, какъ эти мысли выражались въ политикѣ Австріи по отношенію къ отдѣльнымъ славянскимъ народамъ. Но представте яркое очертаніе общей австрійской политики къ подданнымъ, заправляемой іезуитами, можно догадаться, что славянскіе народы, не принадлежащіе къ латинству, должны страдать отъ пота и крови, подъ двойною не выносимо грузною тяжестью иноземнаго и иновѣрнаго ига іезуитовъ и нѣмцевъ. Эта догадка, которая чувствуется въ продолженіи чтенія всей книги, становится полнымъ убѣжденіемъ тамъ, гдѣ дѣло касается славянъ. Въ II, III, и IV главахъ описывается тотъ, исполненной трагическихъ сценъ, моментъ богемской исторіи, когда у чешскаго народа, облитаго кровью и [illegible] въ его собственной крови, отнимали со всею свирѣпостію и безопасностью іезуитскаго монаха и австрійскаго солдата всѣ политическія, національныя и религіозныя права,— когда Фердинандъ II, одержавъ знаменитую побѣду надъ чехами при Бѣлой горѣ, старался въ прахъ обратить все чешское-національное. Въ это время погибли самые лучшіе люди богемской націи своего времени,—но богемскій народъ не умеръ и послѣ.. Описаніе этого момента въ политикѣ Австріи убѣждаетъ читателя въ своей безнравственности, жестокости и несправедливости ея къ богемцамъ: но эта политика австрійская увѣряетъ авторъ не измѣнилась и до настоящаго времени, какъ убѣждаетъ въ томъ послѣдній конкордатъ, заключенный

между австрійскимъ императоромъ и папой, неизмѣнилась она и ко всемъ прочимъ славанскимъ племенамъ (въ 1850 г.) — Доказательствомъ этому служитъ XXXIII глава, въ которой показывается отношеніе Австріи къ Дунайскимъ княжествамъ.

«Обыкновенно удивляются, говоритъ авторъ, что Австрія перекрещиваетъ всѣ желанія Валахо-молдаванъ и противодѣйствуетъ всѣмъ мѣрамъ, которыя могутъ вести къ возвышенію ихъ силы и благосостоянія; какъ удивлялись напр. въ 1856 году упорству ея, съ которымъ она держала свои войска въ землѣ Валахо-молдаванъ и тайно увеличивала ихъ, не смотря на требованія Франціи и Англіи уменьшать ихъ. Австрія заняла тогда дунайскія провинціи подъ предлогомъ защиты ихъ противъ Россіи, но секретно стремилась къ тому, чтобы остаться ей самой здѣсь навсегда. Открытое нарушеніе парижскаго мира съ ея стороны позволяло сомнѣваться въ ея честности, и невольно думалось, что въ ея увертках скрывались тайные планы. Съ начала войны, повидимому, все у нея направлено было къ одной цѣли—къ соединенію дунайскихъ княжествъ. Но, если прослѣдить и разобрать всѣ ея дѣйствія и если вникнуть въ исторію австрійскаго дома; то подозрѣніе въ дѣятельности его въ пользу этой цѣли очень справедливо. Она и доселѣ не хочетъ, чтобы въ этихъ странахъ былъ миръ, счастіе и благосостояніе; потому что въ такомъ случаѣ ихъ существованіе укрепится и общеевропейскія желанія—дать имъ полную независимость—тогда придутъ къ окончательному осуществленію. Между тѣмъ вѣнскій дворъ всегда ищетъ жертвы своему властолюбію и горячо желаетъ подчинить румыновъ своему отеческому попечительству, которое такъ тяжело лежало на Италіи до 1859 года.

«Желаніе обладанія Дунайскими княжествами не новая уже мысль въ планахъ австрійской политики. Что еще за 80 лѣтъ до настоящаго времени существовалъ у Австріи планъ завладѣнія ею этими землями, въ этомъ не позволяетъ никому сомнѣваться существованіе одного оффиціальнаго документа, сущность котораго мы сообщимъ. Когда въ 1771 году вступили русскіе въ дунайскія княжества, Марія Терезія заняла тогда округъ Молдавіи—Буковину. Это было только начало, а храбрая императрица никогда не хотѣла довольствоваться малымъ. Она сейчасъ же нарядила на лѣвый берегъ Дуная

экспедицію, которая имѣла порученіе обслѣдовать землю и сообразить о выгодахъ пріобрѣтенія ея. Члены экспедиціи были офицеры штаба. Уже изъ этого состава экспедиціи можно догадываться, къ чему должны быть направлены ея работы. Имъ поставлено было на видъ *пять* вопросовъ. Первые два изъ нихъ касались пути, которымъ Австрія могла пройти къ занятію ею этихъ провинцій. Остальные уже показываютъ опредѣленно расчеты ея въ томъ случаѣ если Австрія будетъ обладательницею провинціи, потому приведемъ ихъ буквально. Третій вопросъ: поелику Австрія, при помощи Божіей, надѣется тѣмъ или другимъ путемъ, смотря потому, который изъ нихъ будетъ представленъ болѣе выгоднымъ, присоединить къ себѣ эти провинціи; то слѣдуетъ точно разъузнать все касающееся пространства, народонаселенія и качества почвы земли. Слѣдуетъ перевести все это на цѣнность денегъ, чтобы узнать такимъ образомъ, сколько можно пожертвовать капитала для пріобрѣтенія провинцій.

Четвертый вопросъ: принявъ, что Австрія, послѣ надлежащихъ изслѣдованій, рѣшится взять означенныя провинціи въ свое владѣніе, коммиссія имѣетъ изслѣдовать—означенное пріобрѣтеніе принесетъ ли оно выгоды всей монархіи или только одной провинціи, и въ чемъ будутъ состоять эти выгоды.

Пятый вопросъ: какой вредъ нанесетъ потеря этой провинціи Россіи и Турціи, если принудить держава отказаться отъ нихъ. Наконецъ вывѣдать расположеніе народонаселенія—склонно ли оно имѣть привязанность къ Австріи или оказывать ей противодѣйствіе?

Вопросы ясны; не менѣе ясны и отвѣты, данные правительству коммиссіей. Тѣ и другіе въ первый разъ отпечаталъ Шлёцеръ въ первой тетради его «Staatsanzeigen». Мирабо перевелъ ихъ и обнародовалъ въ 6 книгѣ своего сочиненія о прусскомъ государствѣ въ царствованіе Фридриха Великаго. Сочиненіе знаменитаго оратора отпечатано было въ Лондонѣ въ 1788. Достойно замѣчанія здѣсь то, что онъ тогда же обратилъ общественное европейское вниманіе на замыслы Австріи въ дѣлахъ славянскихъ княжествъ. Едва ли можно сомнѣваться, что, благодаря ему, съ этого времени европейская политика стала внимательнѣе къ противодѣйствію властолюбивымъ замысламъ Австріи по отношенію къ славянскимъ землямъ, Но тѣмъ не

менѣе Австрія не отступила отъ своей политики, хотя стала хитрѣе держать себя въ дѣлахъ придунайскихъ. Отвѣты означенной коммиссіи какъ нельзя яснѣе обнаруживаютъ ея политику. Потому мы представимъ существенное содержаніе ихъ.

Оцѣнка коммиссіею земли касалась не только пространства Молдавіи и Валахіи, но и Бессарабіи до Днѣстра; слѣдовательно властолюбивые замыслы Австріи простирались и на Бессарабію. Что касается самой цѣнности земли, то коммиссія нашла плодоносною землею лишь третью часть всего пространства; остатокъ же по ея донесенію состоитъ изъ горъ, болотъ и пространствъ, зимою покрываемыхъ водою. Доходовъ земля можетъ приносить до двадцати милліоновъ гульденовъ. «Если, продолжаетъ доношеніе коммиссіи, оцѣнить деньгами народонаселеніе, то среднимъ числомъ на каждое семейство можно положить 50 гульденовъ, то есть такую цѣну, которая полагается за крѣпостныхъ въ Седмиградіи. Отсюда получается сумма въ 21,500,000 гульденовъ». — Выгоды, которыя Австрія могла бы получить отъ присоединенія къ себѣ княжествъ, доношеніе коммиссіи раздѣляетъ на три класса: военныя, финансовыя и торговыя. Поелику агенты были военные, то они по преимуществу обратили вниманіе на стратегическое положеніе Молдавіи и Валахіи для защиты Австріи съ востока. Въ этомъ направленіи, по ихъ доношенію, австрійскія границы раздѣляются горами семиградскими на двѣ части. Австрія владѣетъ только западнымъ склономъ, остальная восточная часть принадлежитъ туркамъ. Такое положеніе, по ихъ словамъ, очень невыгодно для Австріи въ военномъ отношеніи. Войско, стоящее при подошвѣ или на склонѣ горы и занимающее гребень ея своими форъ-постами, не можетъ удержать врага отъ перехода чрезъ горы. Самые патрули не принесутъ надлежащей пользы. Всегда непріятели найдутъ ущелія и долины пробраться чрезъ горы не замѣтно для австрійцевъ. Такимъ образомъ, чтобы Австріи совершенно укрѣпиться съ востока, надобно овладѣть ей и западнымъ склономъ горы. Онъ всегда будетъ защитительнымъ пунктомъ для австрійскаго войска и въ случаѣ пораженія облегчитъ отступленіе. Съ высоты горъ всегда можно наблюдать за движеніями непріятеля и имѣть выгоды сраженія съ нимъ. Если обратное отступленіе сдѣлалось бы необходимымъ, то можно до послѣдней минуты неудачнаго

положенія войска оставаться по ту сторону настоящихъ австрійскихъ границъ; Молдавія и Валахія—въ состояніи достаточно удовлетворить потребностямъ войскъ. Но этой выгоды не представляютъ горы, на которыхъ имѣть жизненные припасы въ достаточномъ количествѣ стоило бы значительныхъ издержекъ. Поэтому монархіи необходимо, продолжаютъ ея агенты, распространить свои границы къ востоку. Если эта необходимость сознается, то лучше бы какъ можно скорѣе перенести границы мирнымъ договоромъ или другимъ образомъ, чѣмъ дожидаться крайняго случая. Особенно владѣніе Молдавіею было бы важно. Она ставитъ въ непосредственную связь вновь пріобрѣтенныя провинціи Галиціи, Лодомиріи съ Седмиградіемъ. Войска могутъ перейти изъ одной области въ другую короткимъ и легкимъ путемъ, а нѣкоторыя ущелія очень не трудно сдѣлать удобными для перевоза пушекъ и для перехода тяжелой артиллеріи. Туземные солдаты могутъ съ удобствами служить въ подобнаго рода движеніяхъ прикрытіемъ всего войска.

Въ торговомъ отношеніи Молдавія и Валахія могутъ доставлять значительныя выгоды. Всѣ торговыя сношенія Турціи съ Польшей, Украиной, Россіей и Германіей идутъ чрезъ Бухарестъ и Яссы. Провозы товаровъ чрезъ Седмиградія сдѣлались бы легче и быстрѣе; Бухарестъ могъ бы быть на будущее время складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго бы отправлялись чрезъ Терцбургъ, Кронштатдъ и Быстрицы, или чрезъ Германиштадтъ, Черновичи и Сыатинъ.—Кромѣ того, Молдавія и Валахія богаты мѣдными промыслами. Мѣдяныя жилы и доселѣ еще не истощены. Если они не разрабатываются теперь и даже умалчиваютъ о нихъ; то это потому, чтобы не привлечь къ нимъ вниманія турокъ. Дунайскія княжества владѣютъ также соляными источниками. Ими богаты низовыя графства Брацловскаго, часть очаковской области, почти вся Молдавія, Валахія и Болгарія. Нѣкоторые округи могутъ доставлять хорошее вино; въ плодоносныхъ странахъ пасутся большія стада хорошей породы скота. Торговыя выгоды, мѣдяные и соляные промыслы могутъ обратить на себя вниманіе правительства.

Въ случаѣ пріобрѣтенія означенныхъ странъ, Австрія не только можетъ прекрасно защитить себя съ восточной стороны и пріобрѣсть значительныя выгоды, но и стремиться къ значительнѣйшему расширѣнію своихъ предѣловъ. Поелику Россія,

по мнѣнію австрійскихъ агентовъ, имѣетъ виды на покореніе Турецкой имперіи; то и Австрія можетъ имѣть случай расширить свои владѣнія вдоль Дуная отъ Орсовы до Силистріи. Если же отсюда стремиться къ Варнѣ къ берегу Чернаго моря и отъ впаденія Подгорцы въ Днѣстръ къ устью и по теченью рѣки выше; то оказывается возможнымъ для насъ и пріобрѣтеніе западнаго берега Чернаго моря.

Послѣ этого коммиссія разсматриваетъ убытки, которые могутъ понести Турція и Россія въ слѣдствіе предположеннаго пріобрѣтенія Австріею придунайскихъ земель и берега Чернаго моря.

Въ отчетѣ о расположеніи жителей придунайскихъ княжествъ къ сосѣдямъ агенты коммиссіи раздѣляютъ жителей на три класса: духовенство, дворянство или боярство и крестьянство. Въ духовенствѣ они предполагаютъ въ высшей степени живое нерасположеніе къ императорскому владычеству Австріи. Различіе вѣроисповѣданія, опасеніе за свое имущества, боязнь потерять вліяніе на народъ суть причины этого нерасположенія.

Бояре боятся и желаютъ австрійскаго господства. Они отчасти раздѣляютъ пристрастія и предразсудки духовенства. Въ нихъ уже не замѣчается старанія—держать народъ въ безусловномъ подчиненіи себѣ, хотя народъ еще сильно страдаетъ отъ нихъ. Но, съ другой стороны, страхъ предъ русскими заставляетъ ихъ отдавать предпочтеніе австрійскому владычеству, предъ русскимъ.

«Крестьяне, по доношенію коммиссіи, болѣе другихъ расположены къ намъ. Предъ настоящей войной они не несли правильныхъ налоговъ, часто не знали куда жаловаться на дурное положеніе свое, нерѣдко не могли расчитывать на спокойствіе и безопасное пользованіе плодами своихъ работъ. Въ слѣдствіе такого состоянія они желали прихода къ нимъ русскихъ, потому что отъ нихъ они ожидали улучшенія своего жребія. Но теперь, говорятъ агенты, когда крестьяне не получили отъ русскихъ исполненія своихъ ожиданій, они отступаютъ отъ своего прежняго расположенія къ русскимъ и, не смотря на противодѣйствіе духовенства, они обращаютъ взоры надежды на австрійскій домъ; такъ какъ отъ своихъ сосѣдей они слышатъ, что у насъ крестьянъ защищаютъ, налоги съ

нихъ умѣренные, живутъ они покойно и во всѣхъ отношеніяхъ къ нимъ обращаются по справедливости».

«Мы думаемъ, заключаютъ агенты, что есть возможность объясненіями и основательными доводами привести духовенство къ лучшему расположенію по отношенію къ намъ. Бояръ также можно расположить къ нашему правительству разными представленіями. Народъ же съ радостію готовъ лобызать скипетръ нашихъ владыкъ.»

Какъ ясно открываются изъ представленнаго нами документа планы Австріи, которые она еще съ прошедшаго столѣтія имѣетъ по отношенію къ славянскимъ придунайскимъ княжествамъ; но выполненіе ихъ для нея доселѣ было не возможно. Впрочемъ, она не смотритъ на эти трудности, а пользуется случаями и ожидаетъ ихъ—осуществить свои планы. Такъ въ 1777 году русскіе очистили придунайскія княжества, Турція вывела отсюда свои войска, а Австрія съ того времени удержала за собою Буковину, не удовольствовавшись тою добычею славянства, которая досталась и на ея долю не задолго передъ этимъ... И въ послѣднюю крымскую войну Австрія держала себя такъ по отношенію къ придунайскимъ княжествомъ, какъ и по окончаніи ея, что виды ея на господство надъ ними не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Конечно, можно надѣяться, что европейскія державы не позволятъ такъ далеко расширяться австрійскому властолюбію. Но мы выше указали на справедливое изслѣдованіе автора цитуемой нами книги о политикѣ Австріи и отношеніи ея ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Латинство служитъ проводникомъ ея владычества въ земляхъ славянскихъ. А извѣстно, что въ Болгаріи, Валахіи, Молдавіи, Сербіи, Македоніи, Албаніи, Босніи и Герцеговинѣ латиняне имѣютъ уже 8 епископовъ и 5 викаріатствъ съ патріархомъ въ Константинополѣ,—и что во всѣхъ означенныхъ славянскихъ земляхъ съ латинскою хитростію неусыпно дѣйствуютъ толпы лазаристовъ, миноритовъ, капуциновъ, пассіонистовъ и т. п. Если два врага славянъ—латинство и нѣмеччина, которыя такъ дружны между собою, въ дѣйствіяхъ противъ славянъ, ищутъ и не опускаютъ случая между ними завоеванія, то далеко ли лежитъ опасность отъ нихъ.

Штутгардтъ. 16 апрѣля
1863 г.

2.

Католическое духовенстро въ Моравіи. Protestantische Kirchenzeitung № 6. 1863. Сообщаютъ, что въ моравскій помѣстный сеймъ д-ръ Гискра, депутатъ со стороны духовенства и жаркій приверженецъ католичества, внесъ предложеніе объ улучшеніи положенія низшаго католическаго духовенства въ Моравіи. Поводомъ къ предложенію служитъ, по словамъ Гискра, то, что низшее католическое духовенство, въ большей части славянскихъ земель, подчиненныхъ Австріи, какъ и въ Моравіи, не пользуются содержаніемъ, соотвѣтственнымъ его трудамъ (къ уничтоженію національности и православія?), образованію, важности призванія (служить притеснителямъ?) и его общественному положенію.

Значитъ католики не спятъ въ славянскихъ земляхъ!

3.

Протестатскія общины въ славянскихъ земляхъ Австрійской Имперіи. Число протестантскихъ славянскихъ приходовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ простираются до 167; они состоятъ подъ вѣдѣніемъ 8 суперъинтендентовъ. Въ Богеміи изъ 88,000 душъ 31,000 принадлежитъ къ лютеранскому,— 56,000 реформатскому вѣроисповѣданію; въ Моравіи изъ 52,000 душъ 18,000 лютеранъ и 34,000 реформатовъ, въ австрійской Силезіи протестантовъ-славянъ, принадлежащихъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію 60,000. Внѣшнее положеніе богемско-моравскаго духовенства находится въ печальномъ положеніи; народъ вездѣ считаетъ себя гусситами. Въ 1860 г. одно селеніе въ Богеміи, содержащее въ себѣ около 124 католиковъ перешло къ лютеранству. Въ австрійской Силезіи духовенство пользуется значительными видами благосостоянія. Въ Галиціи 20 лютеранскихъ и 3 реформатскихъ прихода, до 25,000 душъ, терпѣвшія много непріятностей среди католическаго народонаселенія. Въ Кэрнтенѣ, Крайнѣ и Штесбермаркѣ имѣется около 20 приходовъ, до 30,000 душъ. Протестантское славянское народонаселеніе въ прошедшемъ 1862 году получило имераторскій патентъ о новомъ церковно-религіозномъ устройствѣ. Этимъ патентомъ стѣсняется свободное общинное устройство народонаселенія (Prot. monatsbleitter Dec. 1861.) Національный протестанскій журналъ въ Богеміи — «Гуссъ» «Hus»—evangelische und nationale Blätter.) По словамъ газе-

ты, «кальвинизмъ и лютеранизмъ чужестранныя растенія въ Богеміи, мы хотимъ, говорятъ редакторы, сдѣлаться первоначально евангелическими въ связи съ историческими явленіями нашей жизни, которая выразилась въ 1535 въ« Братскомъ» (Brüderliches) и 1573 въ «Богемскомъ (Böhmische) вѣроисповѣданіяхъ; 6 іюля долженъ быть днемъ празднованія нашей реформаціи, потому что мы ведемъ свое начало отъ 6-го іюля 1415 года.»

Часъ—вторый чешскій патріотическій журналъ—съ отвѣтомъ латинства (Prot. Kz. 1862. 5. 513.,

4.

Славянскіе студенты богословія въ немецкихъ университетахъ. Въ австрійскихъ славянахъ, посвящающихъ себя сужденію религіи, потребность къ высшему богословскому образованію на столь велика, что они не ограничиваются образованіемъ среднихъ школъ. Но они не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ у себя—на родинѣ удовлетворить этой потребности по рѣшительному отсутствію національныхъ высшихъ школъ. Поэтому они рѣшаются посѣщать нѣмецкіе университеты. Каково же положеніе ихъ въ этихъ университетахъ?—Молодые люди съ горячими патріотическими чувствами должны учиться у нѣмцевъ, отъ которыхъ они страдаютъ!. По видимому, безъинтересныя общечеловѣческія научныя занятія должны успокоивать въ нихъ національныя чувства. Но дѣло въ томъ, что славяне, словаки, кроаты и особенно чехи, съ однимъ изъ которыхъ пришлось мнѣ прослушать цѣлый семестръ въ Тюбингенѣ, не находятъ для себя удовлетворительнымъ протестантскаго богословія. Я встрѣтилъ въ Тюбингенѣ нѣсколько славянъ (изъ словаковъ и чеховъ), которые были въ трехъ, четырехъ университетахъ нѣмецкихъ и никакъ не могутъ примириться съ протестантствомъ, хотя они должны получить пасторскія каѳедры въ евангелическихъ обществахъ. Раціоналистическаго, отрицательнаго направленія въ богословіи они не могутъ равнодушно переносить не только въ аудиторіяхъ, изъ которыхъ они въ такомъ случаѣ рѣшительно бѣгутъ, но и въ товарищахъ, студентскихъ кружкахъ, рѣшительно не позволяютъ при себѣ разговоровъ въ подобномъ духѣ. Приготовляющіеся служить религіи въ евангелическихъ обществахъ, чехи, при посѣщеніи нѣмецкихъ университетовъ, не хотятъ даже изъ лю-

бопытства познакомиться съ католическими факультетами. Іезуитство католиковъ въ Богеміи можетъ быть сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. По взгляду евангелистовъ, чеховъ, католики въ Богеміи дѣйствуютъ за одно съ нѣмецкимъ правительствомъ къ притѣсненію чешской націи и въ этомъ отношеніи даже далеко превосходятъ нѣмцевъ — протестантовъ. Я былъ свидѣтелемъ невольнаго выраженія неблагорасположеннаго чувства чеховъ—евангелистовъ къ чехамъ—католикамъ. Одинъ молодой докторъ латинскаго богословія изъ чеховъ, пріѣхалъ въ Тюбингенъ для слушанія лекцій. Сейчасъ же по пріѣздѣ онъ познакомился и вошелъ въ близкія сношенія со всѣми славянами, которые были въ университетѣ. Но студенты—богословы изъ чеховъ разныхъ факультетовъ не вступали, кажется не однажды, даже въ разговоръ между собою, хотя были часто въ одномъ обществѣ образовавшемся, почти изъ однихъ славянъ. Чехи—евангелисты убѣждены, что спасеніе національности ихъ возможно лишь чрезъ религію; но латинство чешское рѣшительно, по ихъ словамъ, давитъ національность; а «нѣмцевъ», говорятъ они, «мы еще болѣе ненавидимъ, чѣмъ католиковъ»- «Какой же вы религіи»—спрашивалъ я моего пріятеля—чеха. Мы, кальвинисты; у насъ своя, славянская національная «христіанская вѣра, болѣе правильная, чѣмъ католическая». О нашей русской православной церкви и вѣрѣ въ Богеміи богословы знаютъ очень мало и то лишь изъ нѣмецкихъ книгъ, которыя, сказать кстати, отличаются рѣшительнымъ невѣжествомъ и незнаніемъ русской церкви. Но необходимость знакомства съ русской церковію глубоко сознается Чехами, какъ въ интересахъ національности, такъ и еще болѣе въ интересахъ христіанской вѣры. Они ищутъ средствъ къ знакомству и не находятъ. Встрѣчу съ русскими въ Тюбингенѣ и Штутгардтѣ, небольшое ознакомленіе чрезъ нихъ съ Россіей, посѣщеніе русской церкви въ Штутгартѣ мой пріятель относитъ къ самымъ пріятнымъ и счастливымъ днямъ въ своей жизни.—Считаю нужнымъ сказать нѣчто о непріятномъ явленіи въ словакахъ, кроатахъ и другихъ мелкихъ славянскихъ племенахъ австрійскихъ. Они рѣзко отдѣляютъ себя отъ нѣмцевъ, но нерѣдко просвѣщенные изъ нихъ выдаютъ себя за венгровъ. Это извѣстно, что Кошутъ, по происхожденію и по природному языку, словакъ; но во всей Европѣ выдается онъ за чистаго венгерца.

Въ Тюбингенѣ въ прошедшій семестръ было нѣсколько венгерцевъ—студентовъ и, между ними, теологовъ. Одинъ изъ нихъ особенно прививался къ нашему славянскому обществу, хотя и другіе знакомились съ славянами скорѣе и болѣе, чѣмъ съ нѣмцами. Оказалось, чрезъ нѣсколько времени, что выдающій себя за венгерца, вошедшій въ знакомство съ славянами,—природный словакъ, кандидатъ на пасторское мѣсто въ словацкихъ общинахъ, будетъ проповѣдывать во всю свою жизнь на словацкомъ нарѣчіи, будетъ служить между такими людьми, устройство общественной и церковной жизни которыхъ славянское. Понятно, что въ славянахъ онъ находитъ свое родное; но понятно также, хотя и грустно, почему стѣсненные бѣдные славяне примыкаютъ и къ венгерцамъ! .

Тюбингенъ. 10 апр

5.

Еще новая православная церковь въ Германіи. Въ Штутгардтѣ давно поговаривали и нѣмцы и русскіе, что въ Баденъ—Баденѣ есть и потребность, и желаніе построить русскую православную церковь. Были попытки у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ приступить къ удовлетворенію этого желанія. Но эти попытки были слишкомъ слабы. Съ пріѣздомъ въ Баденъ новобрачной великой княгини Маріи Максимиліановны желаніе выразилось въ болѣе рѣшительной и уже твердой формѣ. Въ «Schwäbischer Mercur» ($^3/_{15}$ апр.) настоящаго года пишутъ изъ Баденъ-Бадена: мысль баденъ-баденскаго бургомистра г. Гауса, въ память перваго посѣщенія города принцомъ Вильгельмомъ съ супругою, учредить общество для основанія фонда съ цѣлію построенія здѣсь русской церкви, нашла вездѣ самый дружественный пріемъ. Принцъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, которое обѣщаетъ памятникъ, посвященный ему, изволилъ объявить чрезъ директора города г. фонъ-Гэлера «бургомистру, что онъ жертвуетъ въ фондъ для означенной цѣли 2000 гульденовъ».

Людвигсбургъ 12 апр. М. Г—въ.

ПИСЬМО ИЗЪ ВИЛЬНО.

Милостивый Государь.

Во святомъ градѣ, среди прекрасной природы и людей, близкихъ сердцу, Вы врядъ ли вспоминаете о насъ грѣшныхъ; но за то я, посреди грустнаго одиночества, посреди жидовъ и поляковъ, безпрестанно, мысленно обращаюсь ко всѣмъ присным, а въ томъ числѣ и къ Вамъ, какъ едва ли не самому дорогому.—Такое мысленное обращеніе невольно побуждаетъ къ письму, и вотъ я берусь за перо, чтобы побесѣдовать съ Вами о той странѣ, въ которую судьба нынѣ меня закинула.— «Не красна изба углами, а красна пирогами», говоритъ пословица, а я скажу: «хороша Литва, да люди въ ней скверны» Дѣйствительно природа здѣсь, хоть и мелка, но весьма привлекательна, притомъ этотъ средневѣковый, историческій характеръ, встрѣчающійся на каждомъ шагу такъ не мало дѣйствуетъ на воображеніе, что же касается до населенія, то повторяю трудно встрѣтить что либо болѣе жалкое: сверху алчные паны и евреи, снизу народъ, буквально забитый во имя личныхъ выгодъ, польской національности и католицизма. Тяжело сжимается сердце, когда видишь страну и русскую и православную на полупути къ полячеству и латинству!.. Послѣднее однакоже дѣйствовало успѣшнѣе перваго, окатолизировать почти уже успѣли Литву, ополячить всѣхъ; народъ, хотя инстикативно, помнитъ прошлое, и невольно бросается въ глаза вся бездна между 2-мя національностями: національностью народа и національностью высшихъ классовъ.—Въ послѣднее время и съ этой стороны опасность сильно увеличилась—дворянство, прикрываясь громкими фразами либерализма, направило всѣ свои усилія чтобы слить низшее сословіе съ собою во единое цѣлое, и для этой цѣли не останавливалось ни передъ какими средствами коварства, лести, а въ случаѣ надобности и жестокости. Мягкія до слабости мѣры Назимова еще болѣе содѣйствовали замысламъ поляковъ, и Богъ знаетъ чѣмъ бы все кончилось, если бы не энергическія дѣйствія Михаила Николаевича Муравьева, положившія предѣлъ ужасному злу. Съ этой точки онъ является не только укротителемъ мятежа, но и спасителемъ цѣлаго края, и вотъ чѣмъ объясняется столь гро-

мадное сочувствіе всей России, почуявшей, что хотятъ оторвать часть ея собственной плоти и крови. Въ настоящую минуту почти все спокойно, и если отъ времени до времени появляются мелкія шайки, то это скорѣе шайки грабителей, чѣмъ политическихъ мятежниковъ.—Правда, что съ другой стороны, чѣмъ мельче шайки, тѣмъ труднѣе ихъ преслѣдованіе, особенно въ здѣшнихъ хвойныхъ, гдѣ почти не возможно замѣтить слѣдъ человѣческій, и гдѣ страшная гущина представляетъ иногда непроницаемую преграду. — Еще недавно въ нашемъ уѣздѣ напали было на слѣдъ подобной партіи, но все дѣло кончилось тѣмъ, что захватили одного или двухъ, а остальные успѣли улизнуть, по слухамъ, за Нѣманъ. Вообще говоря успокоенію края однакоже, по моему, содѣйствовало не столько самое разбитіе шаекъ, сколько административныя мѣры, крутыя до чрезвычайности, но и совершенно необходимыя при данномъ положеніи вещей. Такъ напр. всѣмъ помѣщикамъ приказано жить по всѣмъ деревнямъ, этимъ конечно они поставлены между двухъ огней, но за то политическое поведеніе ихъ сейчасъ же обнаруживается, и правительство узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.—Прямымъ слѣдствіемъ этой мѣры было то, что помѣщики, чувствуя присутствіе большей силы, все таки на нашей сторонѣ, волею-неволею, должны были прервать свои связи съ мятежниками, которые прежде тайно, черезъ своихъ управляющихъ, доставляли матеріальную помощь, а инсургенты, лишенные такимъ образомъ средствъ къ пропитанію по неволѣ должны были разойтись по свояси или разсѣяться на мелкія партіи, спиціально занимающіяся грабежемъ и разбоемъ. Къ числу другихъ мѣръ не менѣе разумныхъ принадлежитъ раздѣленіе края на множество военныхъ центровъ, въ каждомъ расположены войска, на строгую обязанность которыхъ возложено безпрерывно обходить подвѣдомственную мѣстность, и въ случаѣ надобности подавать безотлагательную помощь обывателямъ. Эта мѣра, вмѣстѣ съ устройствомъ сельской стражи, также имѣла чрезвычайно благія послѣдствія—народъ, до толѣ трепетавшій при одномъ имени повстанцевъ, ожилъ, и еще съ большимъ довѣріемъ обратился къ правительству. Наконецъ, если ко всему прибавить быструю и грозную кару преступникамъ, а съ другой стороны милость истинно раскаявшимся, то будетъ понятно, отъ чего край, еще недавно горѣвшій возстаніемъ, такъ скоро

начинаетъ приходить въ нормальное положеніе.—Все это, милостивый государь, можетъ быть уже извѣстно, но мои слова остаются все таки словами очевидца, а это не можетъ не имѣть своей цѣны.

Что касается собственно моей личности, то мало могу сообщить интереснаго; стою съ ротою въ уѣздномъ захолустьи NN, и, какъ сказано, провожу время въ довольно грустномъ одиночествѣ. Одно почти утѣшеніе—это православная церковь, расположенная противъ моихъ оконъ, и отрадно напоминающая родимую сторону. Конечно и здѣсь подобно общему характеру все до крайности убого, но священникъ прекрасный и служба совершается съ должнымъ благоговѣніемъ. Хоръ здѣшній, состоящій изъ двухъ дьячковъ да сына священника, поступилъ совершенно подъ мое веденіе и занимаетъ меня также, какъ бывало полный хоръ полковой церкви. — Наканунѣ праздника Преображенія Господня, я указалъ все, что пѣть слѣдуетъ и могу увѣрить Васъ, что съ такою полнотою едва ли гдѣ совершалась въ этотъ день всенощная.— Часто мнѣ однакоже на умъ приходятъ тѣ великолѣпныя служенія въ Невской Лаврѣ или Сергіевской пустыни, то безподобное пѣніе, до котораго я такой страстный охотникъ, и тогда меня конечно нѣсколько смущаетъ здѣшній миніятюрный хорикъ, но, чтоже дѣлать, надобно покориться силѣ обстоятельствъ, и довольствоваться малымъ. ***

10-го августа.
1863 г.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ КРАЯ.

Въ дуплѣ древнѣйшаго изъ кленовъ
Издавна пчелы завелись,
Своимъ хозяйствомъ завелись,
И жили на правахъ аборигеновъ.
Трудясь надъ сотами и день и ночь,
Чернорабочими онѣ всѣ жили.
И праздность отложивши прочь,

Работницы усерднѣйшія были.
Случись же такъ, что въ ихъ дупло
Какимъ-то вѣтромъ занесло
Семью одну-другую
Задорливыхъ и безпокойныхъ Осъ.
Семейство пришлецовъ сей часъ же занялось
Устроивать въ дуплѣ республику иную,
И стало толковать хозяевамъ-Пчеламъ,
Что «и дупло, и кленъ принадлежатъ не вамъ,
Хлопамъ,
Но намъ, шляхетнымъ господамъ Осамъ;
Вы, холопы, одно лишь то поймите:
Интеллигенція дупла—вѣдь это мы,
Такъ территорія дупла-то чья жъ, скажите?..
Вѣдь мы господствовать надъ ней должны?..
Для васъ и то ужъ честь большая,
Что можете у насъ рабами быть,
На насъ работать, намъ служить;
Но никогда вамъ ваша схизма злая
Недастъ цивилизованными быть!»
—Такъ вотъ какъ, пришельцы, надъ нами глумитесь!
Всѣ Пчелы зажужжали противъ Осъ:
Интеллигенціей уже вамъ быть пришлось,
Когда вы глупы такъ, что даже не стыдитесь
Выдумывать и лгать на цѣлый свѣтъ
О томъ, чего и не было и нѣтъ!?
Чѣмъ вамъ въ чужомъ добрѣ распоряжаться,
Извольте-ка подальше убираться!
Интеллигенцію берите всю съ собой,
И дайте намъ пожалуйста покой.
Сказавши Пчелы такъ, гурьбой на Осъ напали,
Отсѣкли крылья имъ, и вонъ ихъ всѣхъ изгнали.
Такихъ безстыдныхъ, дерзкихъ Осъ
Довольно, говорятъ, ужъ развелось
Въ Литвѣ, и на Подолѣ, на Волыни.
И здѣсь когда бъ имъ плохо не пришлось
Съ интеллигенціей осиной.

Ослы.

—

Мудреныя диковинки бываютъ
Не рѣдко въ глубинѣ лѣсовъ,
Да такъ мудреныя, что люди и не знаютъ
Всѣхъ тамошнихъ проказъ мохнатыхъ чудаковъ.
Вотъ напримѣръ: Ословъ разсѣянному стаду
Пришла однажды мысль, фантазія иль блажь
Составить изъ себя *громаду*;
Пословица, видно, по сердцу имъ пришлась,
Которая гласитъ, что у людей: «*громада—*
Великій человѣкъ».
И вотъ теперь одно на языкѣ у всѣхъ,
Одна у всѣхъ Ословъ и мысль и рада:
Громаду произвѣсть *въ великаго осла*,
Чтобъ и у нихъ она, какъ у людей, была
Хранилищемъ ума и самоуправленья,
Чтобъ и у нихъ безъ затрудненья
Сказать отъ нынѣ всякій смѣлъ:
«*Громада—пребольшой оселъ*.»
Ну, вотъ и собрались Ослы на раду;
Устроили громаду;
И начали о томъ судить-рядить,
Какъ имъ съ достоинствомъ Ослами быть,
Чтобы себя въ глазахъ другихъ не уронить.
Положено: создать и сочинить
Особенный языкъ какой-то идеальный,
Ослино—федеральный,
И исключительно на немъ блеять и выть,
На немъ же и дѣтей своихъ учить....
Завыли, заблеяли,
И подлинно теперь всѣмъ ясно доказали,
Что *совершенными* они *ослами* стали.
«Впередъ! впередъ!»
Кричатъ Ослы: «теперь особенный мы родъ
Ослиный составляемъ!
Мы автономію имѣть желаемъ!
Громады мало съ насъ; правитель нуженъ намъ!
Ну, братцы, изберемъ по голосамъ!»

И вотъ—громада закричала,
Вотировала и избрала,
И *гетманомъ* ослинымъ нарекла
Глупѣйшаго изъ всѣхъ ословъ Осла.
Ослы его въ клейноды нарядили,
Бунчукъ и булаву ему вручили,
И утѣшалися твореніемъ своимъ:
Но на бѣду всѣмъ имъ,
Хозяинъ подсмотрѣлъ ослиныя всѣ штуки,
И видитъ,—надобно по крѣпче взять ихъ въ руки,
А то отъ праздности совсѣмъ съ ума сойдутъ
(Какъ будто есть какой въ умѣ ослиномъ путь!?);
Приставникамъ своимъ онъ отдалъ повелѣнье:
Принять Ословъ въ строжайшее смотрѣнье,
И наложить на нихъ труды,
Доставку кирпича, извозъ воды,
Тасканье дровъ взложить на ихъ же плечи,
Чтобъ не училися ораторскія рѣчи
И спичи говорить.
Но, помня завсегда свою породу
И вѣчный жребій свой ослами быть,
Чтобъ либеральничать оставили охоту.
Приказъ исполненъ былъ:
Народъ ослиный уши опустилъ,
И, *образумившись*, принялся за работу.

ДОМАШНІЯ СОВѢЩАНІЯ.

Воришки мелкіе поклонъ большому вору
И жалобу съ поклономъ поднесли
За то, что какъ они въ ночную пору
Убійство и грабежъ произвели
И начали потомъ вездѣ буянить,
Такъ всѣ сосѣди межъ собой
Рѣшились правиломъ поставить:
Вооруженною рукой
Преслѣдовать вездѣ разбой;

И вотъ—теперь имъ нѣтъ нигдѣ покою,
Ни *перемирія* никто имъ не даетъ,
И даже ихъ никто не признаетъ
Воюющею стороною—
Чтобъ ихъ къ *переговорамъ* допустить,
Но просто рѣшено: убійцъ искоренить!
Услышавши такія вѣсти,
Великій оберъ-воръ торжественно зѣвнулъ,
Потомъ изъ злобы и изъ мести,
И всѣхъ и все на цѣлый свѣтъ ругнулъ:
C'est pire qu'infame, c'est ridicule.

И. К.

ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(*Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ.*)

— **ВЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ ОТЪ 22 АВГУСТА НАПЕЧАТАНО:** — Положеніе нашихъ югозападныхъ губерній, кіевской, волынской и подольской, есть положеніе серіозное и притомъ исключительное. Онѣ заселены тою частію русскаго народа, которая издавна находилась въ ожесточенной борьбѣ съ поляками, и нигдѣ обѣ народности такъ не враждебны между собою, какъ въ этомъ краю. Вражда эта тѣмъ глубже и опаснѣе, что здѣсь она по необходимости принимаетъ характеръ сословный. На многочисленномъ, плотномъ, коренномъ, русскомъ народонаселеніи этого края сидитъ незначительное число поляковъ, пановъ и шляхты, составляющихъ высшіе классы, то что польскіе мѣстные политики называютъ „интеллигенціей“ края. Эта „интеллигенція“ имѣетъ здѣсь характеръ чисто завоевательный; эти паны, въ чьихъ рукахъ находится большая часть земли, и которые пользуются всѣми преимуществами и выгодами высшаго общественнаго положенія, совершенно тоже въ этихъ мѣстахъ, что были, напримѣръ, норманы въ Англіи. Они считаютъ этотъ край польскимъ, и не иначе мечтаютъ о возстановленіи Польши, какъ съ этими провинціями. Старая Польша прекратила однако свое суще-

ствование, и провинціи эти и по праву историческому, и по народности громаднаго большинства ихъ обитателей, и по праву силы составляютъ существеннѣйшую часть Русскаго государства. Народъ этихъ губерній есть народъ господствующій, а между тѣмъ de facto господство здѣсь, и притомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, принадлежитъ незначительному меньшинству, которое не только считаетъ себя другою народностью, чуждою русской, но и враждуетъ съ нею, интригуетъ противъ нея, наконецъ открыто измѣняетъ ей и возстаетъ противъ нея. Отношеніе странное, небывалое, поразительно-ненормальное! Господствующій народъ, находившійся до послѣдняго времени въ крѣпостномъ рабствѣ у покореннаго меньшинства, и теперь видящій надъ собою чужую, покоренную, враждебную національность въ качествѣ національности высшей, *панской*, преобладающей и господствующей надъ господствующею народностію русскою,—какое странное явленіе! Полякъ здѣсь знатный баринъ, дворянинъ, живетъ въ великолѣпныхъ хоромахъ, владѣетъ несмѣтными богатствами; по польски говоритъ все богатое, сильное, образованное въ краѣ; костелъ польскій отличается громадностью и великолѣпіемъ, и уничтожаетъ убогую, деревянную, покривившуюся русскую церковь, куда ходятъ хлопы, то-есть русскіе. Хотя русскій языкъ и есть языкъ оффиціальный, но войдетъ ли русскій человѣкъ, то есть хлопъ, въ присутственное мѣсто, онъ услышитъ тамъ между чиновниками „панскій“ языкъ, да и къ нему обратятся на томъ же языкѣ, и пожалуй еще примутъ его за его русскую, то-есть холопскую молвь. Въ Кіевѣ, въ древнемъ, православномъ, русскомъ Кіевѣ слышится повсюду польская рѣчь, и тонъ всему обществу даетъ незначительное польское меньшинство, пользуясь своимъ богатствомъ и независимымъ положеніемъ,—польское меньшинство, которое не только не хочетъ считать себя частію русскаго народа, но и враждуетъ противъ него тайно и явно. Читатели прочтутъ ниже, въ *Послѣдней Почтѣ*, отрывокъ изъ письма одного изъ нашихъ корреспондентовъ, о проискахъ польской партіи по части театра въ Кіевѣ. Нѣкоторая предусмотрительность, тонкость взгляда и твердость характера со стороны мѣстной администраціи могли бы, конечно, до извѣстной степени пре-

тиводѣйствовать страннымъ притязаніямъ дать въ этихъ мѣстахъ господствующее значеніе символамъ народности пришлой, малочисленной и враждебной. Но не слѣдуетъ слишкомъ много требовать отъ администраціи, а стало-быть и не слѣдуетъ слишкомъ строго винить ее. Администрація имѣетъ свое назначеніе, и она можетъ дѣйствовать удовлетворительно лишь въ предѣлахъ своихъ средствъ; но средства эти такого свойства, что не могутъ успѣшно противодѣйствовать общественнымъ силамъ или давать имъ должное направленіе. Полагаться въ подобныхъ случаяхъ на административныя средства было бы не только не благоразумно, но и вредно. Что же тутъ дѣлать? кого же тутъ винить? Намъ кажется, что винить тутъ не кого и незачѣмъ; намъ кажется, что надобно не винить, а дѣйствовать. Необходимо прежде всего измѣнить отношенія между двумя народностями въ этихъ краяхъ, необходимо, чтобы значеніе поляковъ въ этомъ краѣ не совпадало съ значеніемъ высшихъ классовъ общества. Поляки не только не чувствуютъ побужденія стать русскими, но хотятъ въ качествѣ поляковъ господствовать здѣсь: и такъ пусть они остаются поляками, но пусть же за то они откажутся отъ всякихъ притязаній на первенство. Насильно передѣлывать поляковъ въ русскихъ мы не можемъ и не хотимъ; возлагать надежды на естественное и постепенное торжество русской народности въ будущемъ очень можно, но надежды только тогда не пустая мечта, когда мы уже въ настоящемъ приготовляемъ пути къ ихъ исполненію и облегчаемъ задачу будущаго.

Еслибы поляковъ было вдвое болѣе въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, еслибы поляки были еще враждебнѣе расположены къ намъ,—большой бѣды въ этомъ не было бы. Но польская національность не стоитъ здѣсь противъ русской какъ стѣна противъ стѣны, а лежитъ на русской, какъ слой на слоѣ. Въ первомъ случаѣ она была бы только партіей, которая сверху до низу встрѣчала бы дѣятельныхъ противниковъ; теперь же она есть привилегированное состояніе, обладающее землею, богатствомъ, всѣми отличіями и преимуществами высшихъ общественныхъ классовъ, и при этомъ еще образуетъ тѣсную организацію, тайный заговоръ, которому помогаетъ другой заговоръ;

другая организація, еще болѣе тонкая и хитрая, и еще менѣе разборчивая въ средствахъ—католическое духовенство. Поляки соединены въ этихъ мѣстахъ языкомъ, воспоминаніями и надеждами, католическою религіей, которая такъ совпадаетъ здѣсь съ польскою національностью, что *польское и католическое* стали синонимами; наконецъ, къ довершенію всего, поляки связаны здѣсь между собою единствомъ сословныхъ интересовъ. Сколько единствъ и сколько организацій! Мудрено ли, что польская національность такъ крѣпко держится въ этихъ мѣстахъ, и такъ ненавистна тамошнему народу, и такъ сама ненавидитъ Россію?

Въ настоящее время правительство распространило на югозападныя губерніи мѣру, уже принятую въ литовскихъ и долженствующую разсѣчь связь между крестьянами и помѣщиками,—обязательный выкупъ, впрочемъ съ важными отмѣнами. Дай Богъ, чтобъ эта мѣра увѣнчалась самыми лучшими результатами, по крайней мѣрѣ, чтобы польза, которой можно отъ нея ожидать, превозмогла разныя неудобства, которыя можно тоже предусматривать. Все имѣетъ свою хорошую и дурную сторону, и задача правительства состоитъ только въ томъ, чтобы взвѣсить сумму возможно-выгодныхъ и невыгодныхъ послѣдствій.

Сильнѣйшимъ побужденіемъ къ принятію какой-нибудь энергической мѣры подобной оязательному выкупу послужило, конечно, весьма естественное настроеніе крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ. Изъ всѣхъ извѣстій, доходящихъ къ намъ оттуда, мы видимъ, что крестьяне такъ сильно раздражены, и раздраженіе ихъ ростетъ. Въ нихъ проснулась съ страшною силой вѣковая ненависть къ польскимъ насильникамъ, которые все еще сидятъ на нихъ. Энергія сельскаго люда съ разу прекратила польскій мятежъ въ югозападныхъ губерніяхъ, и въ началѣ крестьяне дѣйствовали съ удивительною умѣренностію и сдержанностію. Они ловили и вязали мятежниковъ, но воздерживались отъ всякаго самоуправства, и безвредно передавали ихъ въ руки законныхъ властей. Но вотъ вооруженное возстаніе кончилось, и все пошло обычною колеей: тѣ же польскіе паны и шляхта, тѣ же польскіе чиновники. Крестьянамъ извѣстно, что всѣ эти господа явно или тайно враждуютъ противъ правительства,—и вотъ крестьяне видятъ, что

эти самые люди, какъ ни въ чемъ не бывало, занимаютъ свое прежнее положеніе, по прежнему господствуютъ, по прежнему будутъ господствовать, и враги русскаго правительства, враги Русскаго народа, будутъ, можетъ-быть, пользоваться силою и оружіемъ русскаго правительства, чтобы мстить русскому народу и забирать его въ свои руки. Ненависть къ полякамъ, какъ замѣчено выше, соединяется здѣсь еще съ сословнымъ антагонизмомъ, съ ненавистью къ *панщизнѣ*, и надобно правду сказать, нигдѣ эта сословная ненависть не имѣетъ столько корней, нигдѣ такъ не дурны отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ, какъ тамъ, гдѣ господствуютъ польскіе паны. Тяжесть крѣпостнаго состоянія внутри Россіи далеко была не то что въ Польшѣ или въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Надменность польской шляхты и безпощадная эксплуатація крѣпостнаго труда, разореніе и уничиженіе сельскаго люда, оставили тамъ неизгладимые слѣды. Какую страшную злобу питаютъ крестьяне къ польскимъ помѣщикамъ, свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣзня, происходившая въ Галиціи въ 1849 году. Намъ случалось слышать объ этой *жакеріи* отъ очевидцевъ, — людей съ крѣпкими нервами, закаленныхъ въ бояхъ и насмотрѣвшихся на всякіе ужасы: безъ содраганія не могутъ они вспомнить о томъ, что довелось имъ тогда видѣть. Мы знаемъ, что и теперь Австрія держитъ Галицію въ полномъ спокойствіи, опираясь только на ненависть крестьянскаго люда къ польскимъ панамъ; мы знаемъ, что и во время нынѣшняго мятежа крестьяне уже зашевелились было въ Галиціи, чтобы мстить панамъ за крестьянъ Царства Польскаго, гдѣ крестьяне беззащитно подвергались насилію и мести взбунтовавшейся шляхты. Нѣтъ сомнѣнія, что не лучшія чувствованія къ польскимъ панамъ питаютъ крестьяне и въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ. Каково же должно быть безуміе этихъ пановъ, этой шляхты, отважившейся бунтовать въ югозападныхъ губерніяхъ противъ правительства, безъ дѣятельной защиты котораго отъ ней и слѣдовъ не осталось бы въ нѣсколько дней! Простой крестьянскій смыслъ не можетъ объяснить себѣ заботливости правительства ограждать права и интересы мятежниковъ; крестьяне начинаютъ уже не довѣрять властямъ, и раскаиваются

въ своемъ прежнемъ умѣренномъ образѣ дѣйствій, и грозятъ Полякамъ собственноручною безпощадною расправой.

Намъ пишутъ изъ Кіева о недавномъ возмущеніи крестьянъ въ звенигородскомъ уѣздѣ, отказавшихся работать и платить на пановъ. Дѣло не обошлось безъ посылки войска, безъ наказаній. Кіевъ увидѣлъ защитниковъ края въ цѣпяхъ! Теперь, слава Богу, этого не будетъ; но положеніе края очень серіозно.

„Есть факты, пишутъ намъ, свидѣтельствующіе о попыткахъ учреждать въ нашемъ краю жандармовъ-вѣшателей и объ уплатѣ помѣщиками громадныхъ суммъ въ пользу возстанія. Между тѣмъ демонстраціи совершаются въ Кіевѣ среди бѣла дня, а помѣщики, которыхъ недавно еще взяли крестьяне, возвращаются въ свои имѣнія какъ ни въ чемъ не бывало. Они увѣряютъ крестьянъ, что теперь москали за одно съ поляками, и вообще усердно хлопочутъ объ измѣненіи духа крестьянъ“.

Вотъ исключительныя, необыкновенныя затрудненія, представляющіяся правительству въ этихъ мѣстахъ. Оно не можетъ допустить самоуправство; но съ другой стороны оно естественно затрудняется поднимать оружіе противъ своихъ для защиты враговъ. Обязательный выкупъ обѣщаетъ уменьшить до нѣкоторой степени это роковое затрудненіе. Но какими бы послѣдствіями ни сопровождалась эта мѣра, она не исключаетъ другихъ мѣръ, вызываемыхъ положеніемъ дѣлъ въ югозападномъ краѣ. Правда, часть той горечи, которая соединяется для крестьянина съ отправленіемъ повинности въ пользу ненавистнаго ему польскаго пана, приметъ на себя правительство, и тѣмъ какъ бы облегчитъ отношенія между временно-обязаннымъ людомъ и польскими помѣщиками. Но въ сущности отношенія эти не измѣнятся. Къ тому же, въ густо-населенныхъ югозападныхъ губерніяхъ, особенно подольской, крестьяне и при выкупѣ будутъ находится въ большей или меньшей зависимости отъ пановъ, на которыхъ придется имъ работать, чтобы заработать казенные выкупные платежи. Кромѣ того, обязательный выкупъ падаетъ не на однихъ мятежниковъ, и даже не на однихъ польскихъ помѣщиковъ, а равно и на русскихъ. Враждебный элементъ чрезъ это не ослабляется, и общественное положеніе остается то же самое. Мы не жела-

сам места польским мятежникам, но мы не желаем также, чтобы они имели возможность продолжать свои ковы и вредить России. Правительство может пощадить их, но оно отнюдь не обязано возстановлять и поддерживать их преобладающее положение въ этотъ край; оно не можетъ щадить ихъ въ ущербъ русскому народу. Польскіе паны, принимавшіе явное или тайное участіе въ мятежѣ, могутъ быть помилованы, но и для собственной своей безопасности, и для спокойствія края, они поступятъ лучше, если продадутъ свои земли. Такая випродажа имѣній, хотя бы и вынужденная, не была бы въ строгомъ смыслѣ карой, и согласовалась бы съ самою милосердною и широкою амнистіей. Эти господа желали отторгнуть отъ Россіи часть ея владѣній и насильственно распорядиться частію ея народа. Нѣтъ побужденій желать, чтобъ они за то пострадали въ своей личности и даже можно пощадить ихъ имущественные интересы; но они не хотѣли быть подданными русской державы, они не хотятъ быть русскими людьми, они считаютъ себя въ правѣ презирать русскую народность и ненавидѣть Россію: пусть же уйдутъ они изъ среды тѣхъ народонаселеній, которыя ненавидятъ ихъ и отъ которыхъ могутъ спасти ихъ только тяжкія усилія правительства. Эта мѣра не есть кара въ собственномъ смыслѣ, а политическая необходимость, вызванная польскимъ заговоромъ и мятежомъ. Значительное число такъ или иначе содѣйствовавшихъ мятежу польскихъ помѣщиковъ въ западномъ и югозападномъ краю могутъ и должны, по всей справедливости, подвергнуться этой мѣрѣ. Государство всегда и вездѣ бываетъ вынуждаемо прибѣгать къ экспропріаціи; но никогда и нигдѣ экспропріяція не была бы такъ справедлива, какъ въ этомъ случаѣ, гдѣ ею замѣнялась бы законная конфискація. Лучше устроить дѣло такъ, чтобы продажа земель польскими панами, болѣе или менѣе замѣшанными въ мятежѣ, произошла наименѣе убыточнымъ для нихъ способомъ, нежели затрудняться въ принятіи этой мѣры или стѣснять ея примѣненіе; лучше прибѣгнуть къ нѣкоторымъ распоряженіямъ (возможнымъ, кажется, при новой формѣ выкупа), для того, чтобъ облегчить приливъ сюда капиталовъ, которые впрочемъ и безъ того не замедлили бы явиться. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ будемъ

мы насильно держать у себя этихъ чуждихъ и враждебныхъ намъ людей? Не лучше ли отдать имъ цѣну ихъ имуществъ и отпустить ихъ съ миромъ! Оставшіеся, за тѣмъ, въ этихъ губерніяхъ, польскіе помѣщики, люди болѣе мирныхъ свойствъ и болѣе расположенные считать себя русскими, не могли бы служить опорой для какихъ-нибудь замысловъ на отторженіе этого края отъ Россіи; къ тому же они были бы уравновѣшены настоящими русскими землевладѣльцами, которые заступили бы мѣсто убылыхъ, и только тогда край этотъ былъ бы окончательно замиренъ; онъ вышелъ бы изъ того фальшиваго положенія, которое плодитъ въ немъ столько зла и для Россіи, и для самихъ поляковъ. Мы убѣждены, что фальшивое положеніе этого края, вслѣдствіе неправильнаго и неестественнаго размѣщенія въ немъ общественныхъ элементовъ, поддерживаетъ существованіе того призрака, который называется польскимъ вопросомъ и который такъ губителенъ для самихъ поляковъ. Съ установленіемъ правильныхъ отношеній въ этомъ краю, сами собою на вѣки прекратятся всѣ притязанія, гальванизирующія польскую національность и въ Царствѣ Польскомъ.

Мы заводимъ теперь у себя новые порядки. Государь нашъ, котораго имя стало ужь на ряду съ именемъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества, предпринялъ цѣлый рядъ преобразованій, долженствующихъ оживить и возвысить всѣ наши народныя силы. Руководствуясь мудрою мыслію, державная воля полагаетъ во главу угла нашего общественнаго зданія мѣстное самоуправленіе, которое отведетъ въ должные и естественные предѣлы бюрократическое начало, такъ долго тяготѣвшее на нашей жизни. Но можетъ ли эта новая и въ то же время такъ свойственная всякому живому народу, находящемуся въ нормальномъ положеніи, система общественнаго управленія войдти въ должную силу и развиться благотворно, пока столь значительная часть государства, какъ нашъ западный и югозападный край, остается въ прежнемъ фальшивомъ положеніи, требующемъ не только бюрократическаго управленія, но почти военной диктатуры? Пока размѣщеніе общественныхъ силъ и народныхъ элементовъ въ этомъ краю останется прежнее, останутся и въ прежней силѣ и

всѣ элементы ненависти, озлобленія, интриги и мнительности. Нынѣшній мятежъ, какъ бы онъ ни былъ удовлетворительно оконченъ, оставитъ неизгладимыя воспоминанія, и безъ существенныхъ измѣненій въ расположеніи общественныхъ силъ въ цѣломъ западномъ краю нашемъ невозможно и думать объ искреннемъ примиреніи русскаго народа и русскаго общества съ польскимъ элементомъ.

— Извѣстія, касающіяся виленскаго генералъ-губернаторства.— о ЛѢКАРЯХЪ—ИЗМѢННИКАХЪ. — Въ гродненской губерніи, въ волковыскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ, въ ряду агитаторовъ волненій особенное участіе принимали лѣкаря; они по роду своихъ занятій, свободно разъѣзжая съ мѣста на мѣсто и имѣя доступъ въ домъ богатыхъ и бѣдныхъ жителей, могли распространять революціонныя идеи и быть агентами тайнаго такъ называемаго революціоннаго комитета.

Собранныя свѣдѣнія вполнѣ удостовѣрили, что вслѣдствіе павшихъ подозрѣній, пять лекарей: два брата Понсеты, Олиничица, Глиндзичъ и Сѣросѣкъ принимали самое сильное участіе въ революціонной организаціи въ волковыскомъ уѣздѣ и исполняли важнѣйшія обязанности. Изъ нихъ первые три арестованы, Глиндзичъ же и Сѣросѣкъ успѣли скрыться; причемъ въ квартирѣ Глиндзича найденъ маленькій пузырекъ, въ которомъ заключался ядъ никотина, коего, по удостовѣренію врачей, достаточно было для отравленія 100 человѣкъ.

Все это доказываетъ до какой степени неистовства и звѣрства доходили дѣйствія польскаго революціоннаго комитета, для котораго всѣ средства возможны: кинжалъ, ядъ, и всякаго рода убійства и истязанія.

— ОКОЛИЦА ЩУКИ. Извѣстно, что въ гродненской губерніи, въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ, своеволіе и изувѣрство мятежниковъ свирѣпствовали сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ границы. Въ особенности же, въ этомъ отношеніи, отличалась шляхта околицы Щуки, наводившая ужасъ на окрестныхъ поселянъ. Вооруженные, они приходили въ деревни и насильно забирали молодежь въ шай-

ки, заставляли крестьянъ давать мятежникамъ припасы, подводы и проводниковъ,—угрожая за доносъ сожженіемъ деревень и повѣшеніемъ чрезъ десятаго. Долго не смѣли поселяне донести начальству. Наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло, и нѣкто Марарьевичъ обо всемъ далъ знать властямъ. Родные уговаривали его нейдти на встрѣчу опасности, понимая угрозы разбойниковъ и приводя ужасные примѣры ихъ жестокости. Но желаніе служить правдѣ, присущее всякой честной, прямой душѣ не давало ему покоя; „нехай я сгину, а больше этой кривди не хочу видвѣць," рѣшилъ онъ.

Злодѣи сдѣлали свое—хлопъ, осмѣлившійся искать правды—живой закопанъ въ землю!...

Подобное варварство не могло остаться безнаказанно. По сдѣланному на мѣстѣ дознанію, въ преступленіи виновна была цѣлая околица Щуки, тѣмъ болѣе, какъ уже сказано выше, что жители ея съ самаго начала возстанія постоянно неистовствовали.

Околица Щуки уничтожена до тла и жителели переведены.

— **Отзывъ иностранныхъ газетъ о М. Н. МУРАВЬЕВѢ 2-мъ.** Въ нѣмецкихъ газетахъ (National Zeit., N. Pr. Z.) мы читаемъ:

„Англійскія газеты Standart и Herald отправили въ Вильно корреспондента, чтобы узнать, чрезъ его посредство, не лучше ли генералъ Муравьевъ той молвы, которая идетъ о немъ въ Европѣ. Газеты эти не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, и русскій герой, чернимый поляками и ихъ друзьями въ Европѣ, вышелъ совершенно чистымъ. Корреспондентъ нашелъ городъ Вильно полнымъ жизни и торговаго движенія. По улицамъ безпрерывно двигались экипажи и телѣги; рынокъ запруженъ былъ поселянами, явившимися для продажи куръ, яицъ и огородныхъ овощей; разнощики занимались обычнымъ своимъ промысломъ; жители казались спокойными и довольными. Только значительное число войскъ, изрѣдка казнь наемныхъ убійцъ давали знать, что обычное спокойствіе было нарушено. Генералъ Муравьевъ принялъ англійскаго корреспондента очень любезно и далъ ему всѣ средства ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ; онъ показалъ

ему также польскій кинжалъ—длинный, широкій, обоюдуострый. Муравьевъ нѣсколько походитъ на ветерановъ нашихъ войскъ,—говоритъ англійскій корреспондентъ, — въ Остъ-Индіи и колоніяхъ: черты лица его нѣсколько рѣзки и огрубѣли отъ дѣйствія непогоды; видно, что онъ много участвовалъ въ походахъ и можетъ еще долго участвовать. Его манеры, открытыя и свободныя, свойственныя воину,—заставляютъ вѣрить, что онъ готовъ высказать всю правду, безъ малѣйшей утайки. Онъ желалъ, чтобы истина обнаружилась, и радовался, что явился англичанинъ, который можетъ ее сообщить. Онъ дѣйствительно таковъ, какимъ долженъ быть человѣкъ, который приказывалъ перепечатывать въ „Виленскомъ вѣстникѣ" самые ярые нападки, которыми осыпали его англійскія и французскія газеты; онъ слишкомъ прямъ чтобы притворяться, и слишкомъ гордъ, чтобы что-либо скрывать. „Нашъ корреспондентъ, говоритъ Standard, не отрицаетъ того, что генералъ поступалъ, въ отношеніи къ повстанцамъ, со строгостію; но оправданіе его политикѣ заключается въ успѣхѣ его дѣйствій,—въ томъ фактѣ, что онъ водворилъ въ странѣ спокойствіе, и тѣмъ самымъ возбудилъ въ себѣ сочувствіе въ массѣ тамошняго народонаселенія. Слабая, скрытная политика могла бы только продлить безнадежную борьбу, повела бы къ опустошенію страны и протянула бы партизанскую войну, съ которой неразрывно связаны всякаго рода жестокости. Мы не защищаемъ нимало нѣкоторыхъ мѣръ, къ которымъ будто бы прибѣгалъ генералъ Муравьевъ; нѣтъ ни какихъ, заслуживающихъ довѣрія, доказательствъ тому, что онъ дѣйствительно прибѣгалъ къ подобнымъ мѣрамъ; притомъ настоящее положеніе дѣлъ въ Вильнѣ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ. Строгость, какую обнаруживаетъ генералъ Муравьевъ, можетъ быть вполнѣ оправдана жестокостями, совершенными инсургентами. Какъ бы то ни было, масса народонаселенія въ Литвѣ очень довольна образомъ дѣйствій генерала Муравьева."

(Рус. Инв.)

— Въ газетѣ „Morning-Herald" напечатана слѣдующая корреспонденція изъ С.-Петербурга, отъ 12-го августа: „Когда судить

о Россіи, то не слѣдуетъ примѣнять къ польской революціи тотъ строгій регуляторъ, который служитъ барометромъ въ европейскихъ войнахъ. Народная война является самою кровопролитною и самою неумолимою, и существуетъ множество поводовъ къ оскверненію этой честной войны такимъ громаднымъ числомъ преступленій, какимъ не ознаменовываются иныя войны. Мы видимъ не только олигархическую революцію, требующую національности, которой въ сущности она не обладаетъ, но также и возстаніе, до сихъ поръ распространяющееся помощію тысячи неизвѣстныхъ путей. Мы видимъ, что эта революція прибираетъ къ рукамъ своимъ всѣ атрибуты права и обязанности устроеннаго правительства, издаетъ декреты, взимаетъ подати, учреждаетъ налоги и караетъ своихъ враговъ. Мы видимъ ее съ ножемъ въ рукахъ, но мы не въ силахъ разорвать покровъ, прикрывающій ея лицо. Каждый ея шагъ отмѣчается кровавымъ слѣдомъ. Каждая прокламація этого мнимаго правительства отличается ложью и основывается на лжи. Не смотря на то, въ виду этихъ преступныхъ, кровавыхъ сатурналій, насъ увѣряютъ, что мы свидѣтели святой борьбы, борьбы честнаго края, стремящагося оживить свою онѣмѣлую національность, что мы видимъ предъ собою серіозную попытку народа возстановить съ оружіемъ въ рукахъ свою политическую и религіозную свободу. Человѣкъ не можетъ взирать на подобныя зрѣлища. Русскіе солдаты храбры. Мы были свидѣтелями ихъ мужества и самоотверженія во многихъ случаяхъ. Они были и остались храбрыми. Но даже и самаго храбраго человѣка ужасаетъ мысль умерѣть подъ ножемъ убійцы или же попасть въ засаду и быть убитымъ, повѣшеннымъ, удушеннымъ, не имѣя возможности защищаться. Русскій солдатъ знаетъ, что его товарищи пропадаютъ и что ихъ исчезновеніе доказываетъ несомнѣнность существованія такъ вазываемаго національнаго правительства. Онъ знаетъ также, что когда незначительный отрядъ попадается въ руки мятежникамъ, то послѣдніе не рѣдко избиваютъ солдатъ съ возмутительнымъ изувѣрствомъ.

„Ему извѣстно, что мирные и безоружные поселяне, ввѣренные его защитѣ, подвергаются такому же преслѣдованію и такимъ

же покушеніямъ со стороны повстанцевъ. Онъ не читаетъ описанія этихъ жестокостей и ужасовъ въ какой-нибудь газетѣ, печатающейся за полторы тысячи миль отъ театра борьбы, но онъ видитъ ихъ своими глазами. Припомнимъ поступки нашихъ собственныхъ войскъ во время индѣйскаго возстанія, прежде чѣмъ порицать образъ дѣйствій менѣе образованныхъ солдатъ сѣвера. Вотъ все, что мы можемъ сказать о солдатахъ; но что касается высшихъ военныхъ властей, то онѣ принадлежатъ къ другой категоріи и намъ не мѣшало бы съ достовѣрностью знать факты, за которые онѣ несутъ отвѣтственность. Въ нумерѣ вашей газеты отъ 3-го августа сказано, что генералъ Муравьевъ „приказалъ разстрѣлять и сослать нѣсколько поляковъ, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ отъявленномъ сочувствіи революціоннымъ стремленіямъ своихъ соотечественниковъ.“ Еслибъ это извѣстіе было справедливо, то Россія не могла бы болѣе надѣяться на сочувствіе Европы. Она была бы Измаиломъ европейскихъ націй, и рука образованныхъ народовъ поднялась бы противъ нея. Но это обвиненіе ошибочно, и я спѣшу опровергнуть его въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ изложено было переданное мнѣ сообщеніе:

„Единственныя лица, которыхъ разстрѣляли или повѣсили, принадлежатъ къ слѣдующимъ сословіямъ.

„Офицеры арміи или гражданскіе чиновники, арестованные, какъ мятежники, съ оружіемъ въ рукахъ.

„Предводители шаекъ и иные повстанцы, задержанные съ оружіемъ въ рукахъ и совершившіе ужасныя убійства, умертвившіе русскихъ безоружныхъ крестьянъ, которые отказались служить дѣлу революціи или же склонили къ отказу своихъ соотечественниковъ.

„Католическіе священники, ксендзы, предводительствовавшіе шайками и убившіе своими собственными руками безоружныхъ поселянъ, отказавшихся внимать ихъ революціоннымъ внушеніямъ.

„Ксендзы, которые, съ каѳедры, въ своихъ непристойныхъ проповѣдяхъ, подстрекали народъ къ возстанію и къ убійствамъ и читали возмутительныя прокламаціи мнимаго національнаго правительства.

„Гражданскіе чиновники русской службы, уличенные въ убійствахъ, и дворяне, которые, проживая въ тѣхъ губерніяхъ, куда революція не проникала, совершали неожиданныя нападенія на русскихъ, имѣвшія характеръ грабежа и сопровождавшіяся убійствами, поджогами и тому подобными преступленіями.

„Единственныя лица, сосланныя въ каторжную работу, принадлежали къ числу тѣхъ, которые арестованы были съ оружіемъ въ рукахъ или же были агентами какого-либо революціоннаго комитета. Менѣе виновные были отправляемы въ мѣста своего жительства; но, къ несчастію, многіе изъ нихъ присоединились къ новымъ шайкамъ, къ крайнему неудовольствію русскихъ солдатъ, жертвовавшихъ своею жизнію, когда брали ихъ въ плѣнъ.

„Никакого приговора къ смертной казни или къ ссылкѣ въ каторжную работу не послѣдовало безъ предварительной сентенціи законнымъ образомъ учрежденныхъ военно-судныхъ коммиссій и произнесенія надъ виновными состоявшагося приговора.

„Сосланы въ отдаленныя мѣста Россіи тѣ люди, которыхъ участіе въ восстаніи было подтверждено положительными доказательствами, какъ напримѣръ: письмами, документами, свидѣтельствовавшими о снабженіи повстанцевъ оружіемъ, или подстрекательствами къ восстанію.

„Тюремному заключенію подверглись люди, противъ которыхъ поступили формальныя обвиненія. По разсмотрѣніи этихъ обвиненій, многимъ арестантамъ возвращена была свобода; продолжаютъ содержаться въ тюрмахъ только тѣ лица, виновность которыхъ слишкомъ очевидна.

„Секвестрована, но не конфискована, собственность только тѣхъ помѣщиковъ, которые, не соглашаясь подчиниться законному правительству, содѣйствовали успѣху мятежниковъ своимъ имуществомъ и доходами".

„Чтобы судить о настоятельной необходимости и справедливости исполненія смертныхъ приговоровъ, читатель долженъ представить себѣ факты, вызывающіе эти мѣры. Трудно составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе, спокойно сидя въ уютномъ кабинетѣ, въ Англіи, о кровопролитной борьбѣ, обуздать которую въ силахъ однѣ лишь строгія мѣры. Русское правитель-

ство имѣло подъ рукою неопровержимыя, убѣдительныя доказательства. Оно узнавало ежедневно, что цѣлыя деревни были сожжены, что нѣсколько крестьянъ были убиты, что его вѣрноподданые офицеры и солдаты умирали подъ ножами невидимыхъ убійцъ. Ужасъ и смятеніе господствовали во всемъ краѣ, и его честные, преданные слуги нерѣдко противъ воли повиновались распоряженіямъ революціоннаго комитета. Имѣло ли право правительство, въ виду такихъ ужасныхъ злоупотребленій, дѣйствовать нерѣшительно и колебаться? Развѣ оно не было обязано защищать своихъ подданныхъ, которыхъ рѣзали и грабили? Повстанцы составляютъ одну десятую всего поселенія сѣверозападныхъ провинцій. Остальныя девять десятыхъ просятъ защиты у своего Монарха, котораго они любятъ и уважаютъ, и у правительства, которому они повинуются. Могъ ли этотъ Монархъ и это правительство не исполнить подобныхъ желаній? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Если бы правительство, попеченію котораго ввѣрены были помянутыя провинціи, не радѣло о своихъ обязанностяхъ, еслибъ оно не рѣшилось обуздать революцію помощію энергическихъ мѣръ, и допустило виновныхъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, еслибъ оно, наконецъ, терпѣло, чтобы невинные страдали за виновныхъ, то тѣ же самые люди, которые въ настоящую минуту такъ сильно сокрушаются не о своей измѣнѣ, а о состоявшемся надъ ними приговорѣ, составляющемъ прямое слѣдствіе преступленія, возвѣстили бы при трубныхъ звукахъ свою побѣду предъ цѣлой Европой и, быть можетъ, не безъ основанія провозгласили бы, что русское правительство болѣе не существуетъ.

„Разсмотримъ наказанія, присуждаемыя по нашимъ собственнымъ законамъ за измѣну, и мы убѣдимся, что во всякомъ случаѣ, подобныя преступленія были бы наказываемы у насъ съ тою же строгостью, и что такія наказанія были бы въ точности исполняемы. Англія не щадила мятежниковъ, пока господствовало возстаніе. Нерѣдко, въ минуту торжества, она великодушно прощала крамольниковъ; но пока участь ея владычества не была обезпечена, она постоянно прибѣгала къ правосудію и не допускала помилованія.

„Не мѣшало бы остановиться, мимоходомъ, на извѣстной категоріи крамольниковъ; мы хотимъ говорить о католическихъ ксендзахъ. Французскія газеты поголовно возставали противъ нечестиваго, оскорбляющаго святыню, наказанія подобныхъ людей; Франція одушевлена такими благочестивыми и благоговѣйными чувствами, что содрогается при одной мысли о подобномъ оскорбленіи святыни. Государственные люди и воины могутъ думать иначе и полагать, что поступки, противные призванію служителей алтаря, лишаютъ ихъ покровительства законовъ. Съ церковныхъ каѳедръ, съ которыхъ возвѣщаются слова мира и любви, ксендзы проповѣдали мятежъ. Именемъ Бога Всемогущаго вооружалась рука вѣрующаго, преклоняющагося предъ Его святыней, на совершеніе злодѣйствъ ради дѣла, которому давалось названіе дѣла религіи. Ксендзы на самыхъ алтаряхъ принимали присяги, возлагавшія на христіанъ обязанность совершать самыя гнусныя политическія преступленія. Подобные люди мученики или предатели? Должны ли мы оплакивать ихъ участь, или же они подверглись заслуженному наказанію? Римъ остается вѣренъ своей старинной политикѣ. Онъ можетъ измѣнить ее, но ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ нея. Россія отстала, какъ говорятъ, на двѣсти лѣтъ отъ Европы, а между тѣмъ Римъ навязываетъ ей ту самую политику, которой руководствовался онъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, относительно Европы. Въ Польшѣ прибѣгаютъ къ лукавству и къ ученію іезуитовъ, по этому необходимо употребить средства, соотвѣтствующія въ главныхъ чертахъ тѣмъ, помощію которыхъ іезуитизмъ былъ нѣкогда подавленъ.

„Единственное средство, которое употребилъ генералъ Муравьевъ для подавленія мятежа, заключается въ обложеніи землевладѣльцевъ десяти-процентнымъ налогомъ.

„Чтобы понять необходимость этой мѣры, мы должны разсмотрѣть общій характеръ возстанія въ сѣверозападныхъ провинціяхъ. Въ нихъ всѣ помѣщики поляки, сочувствующіе повстанцамъ. Въ обширныхъ лѣсахъ образуются шайки, руководствующіяся предписаніями помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ открыто примкнули къ возстанію, другіе снабжаютъ мятежниковъ оружіемъ, одеждою, провіантомъ и лошадьми,

Польскіе чиновники русской службы также содѣйствують успѣхамъ повстанцевъ и увѣдомляютъ ихъ о всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ войскъ. Шайки, въ свою очередь, сознаютъ услуги помѣщиковъ и потворствуютъ имъ, убивая крестьянъ и русскихъ священниковъ, не участвующихъ въ возстаніи и извѣщавшихъ начальство о движеніяхъ повстанцевъ. Когда шайки открывались и разсѣивались, мятежники разбѣгались и укрывались отъ преслѣдованія въ имѣніяхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые, по удаленіи русскихъ войскъ, снова собирали шайки. Такъ дѣйствовали до прибытія генерала Муравьева всѣ безъ исключенія польскіе помѣщики, одни по убѣжденію, другіе подъ вліяніемъ страха, внушаемаго мятежниками. Какимъ образомъ уничтожить такую цѣпь преступленій? Правда, что помѣщики могли быть уличены и наказываемы въ немногихъ случаяхъ. Но опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ козни открываются случайно, всякое преступленіе совершается на удачу, а преступникъ увѣренъ, что будетъ въ состояніи устранить угрожающую ему опасность, и если другіе попадутся, то онъ все-таки выйдетъ изъ бѣды; единственное средство остановить преступленіе—это сдѣлать наказаніе неминуемымъ. Тутъ все сословіе помѣщиковъ было виновно, и потому правительство рѣшилось карать ихъ такъ, какъ надлежитъ карать цѣлое сословіе. Если бы правительство руководствовалось варварскими и кровожадными взглядами, которые ему приписываютъ его враги, то не было бы трудно найдти достаточные поводы къ обвиненію большей части помѣщиковъ въ предательствѣ. Не смотря на то, русское правительство предпочло дѣйствовать въ отношеніи къ польскому дворянству съ большимъ великодушіемъ, но съ неменьшей энергіей. Вслѣдствіе этого правительство обложило доходы помѣщиковъ помянутою податью. Мѣра эта убѣдила каждаго польскаго землевладѣльца, что участіе въ мятежѣ для него невыгодно, и заставляетъ благонамѣренныхъ уклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ повстанцами. Иные поспѣшили воспользоваться предлогомъ, который создало для нихъ правительство, другіе же, одушевленные разумнымъ и предусмотрительнымъ патріотизмомъ отступились отъ революціи, чтобы спасти свое достояніе.

„Въ статьяхъ, вызвавшихъ насъ на объясненія, встрѣчается еще другое ошибочное обвиненіе; а именно, что генералъ Муравьевъ подстрѣкалъ крестьянъ не платить оброка за земли, которыми они пользуются на извѣстныхъ условіяхъ.

„Осенью минувшаго года, когда началась революція, крестьяне отказывались работать на мятежныхъ помѣщиковъ. Во избѣжаніе кровопролитнаго столкновенія между обѣими сторонами, правительству оставалось предпринять одно изъ двухъ: или заставить крестьянина подчиниться власти помѣщика, или же обезпечить исправный взносъ оброка, взимая его непосредственно съ поселянъ. Дѣйствуя въ духѣ разумной политики, правительство рѣшилось прибѣгнуть ко второму способу, и законъ 1-го марта отмѣнилъ обязательный трудъ, замѣнивъ его ежегоднымъ платежемъ оброчныхъ денегъ правительству, которое отвѣчаетъ теперь предъ помѣщиками за исправный взносъ крестьянами оброка. Поэтому, хотя генералъ Муравьевъ и прибѣгнулъ къ помянутой мѣрѣ, тѣмъ не менѣе вся отвѣтственность лежитъ на правительствѣ, предписаніе котораго онъ только приводитъ въ исполненіе. Чтобы уразумѣть значеніе мѣръ, принятыхъ генераломъ Муравьевымъ, необходимо принимать въ соображеніе исторію и прежнее положеніе ввѣренныхъ ему провинцій.

„Всѣ безъисключенія члены тамошняго высшаго дворянства и шляхты, а также большинство гражданскихъ чиновниковъ— поляки, тогда какъ большая часть земледѣльческаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ уѣздовъ, состоитъ изъ русскихъ и литовцевъ.

„Императоръ Александръ, вступая на престолъ, нанесъ смертельный ударъ польскому господству въ западныхъ провинціяхъ, уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Если бы поляки отказались въ то время отъ мнимыхъ правъ своихъ на русскія провинціи, входившія въ составъ польскаго королевства 1772 года, они моглибы достигнуть полной автономіи Польши 1815 года. Они предпочли сдѣлать послѣднее усиліе съ цѣлію возстановить королевство 1772 года, и поддержать въ принадлежавшихъ ему провинціяхъ олигархическій принципъ, обусловливавшій жизнь прежней Польши. Они были послѣдовательны въ своихъ намѣре-

ніяхъ, иначе были бы вынуждены отказаться, въ возстановленной Польшѣ 1815 года, отъ своихъ собственныхъ видовъ, потому что ея національное представительство и самоуправленіе отличаются отъ тѣхъ аристократическихъ формъ, которыхъ они требуютъ. И хотя мы осудили ихъ дальнѣйшія дѣйствія, тѣмъ не менѣе они были логическимъ результатомъ ихъ политическихъ принциповъ. Они обнаружили послѣдовательность въ своихъ стремленіяхъ и прежде возстанія, когда объявляли, что предпочитаютъ присоединеніе западныхъ губерній возстановленію Польши 1815 года. Рѣшившись прибѣгнуть къ оружію, они полагали встрѣтить поддержку въ общемъ неудовольствіи русскаго дворянства и въ другихъ революціонныхъ элементахъ, которые они надѣялись возбудить въ Россіи. Они расчитывали на слабость Россіи и на помощь западныхъ державъ, и старались, путемъ печати, ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе, надѣясь, что европейскія державы подчинятся его вліянію. Въ западнорусскихъ губерніяхъ польское меньшинство домогалось нравственнаго и матеріальнаго господства надъ массою населенія, составленнаго изъ русскихъ и литовцевъ. Вотъ почему польская революція находитъ опору въ богатствахъ польскихъ землевладѣльцевъ, во вліяніи низшихъ чиновниковъ, которые всѣ почти поляки, въ римско-католическомъ духовенствѣ, имѣющемъ большое вліяніе на женщинъ и на поселянъ католическаго исповѣданія, и наконецъ въ системѣ устрашенія, убивая русскихъ крестьянъ, едва успѣвшихъ избавиться отъ мертвящаго гнета крѣпостнаго права“. (С. Поч.)

Вильно. — 25-го августа, дворянство ковенской губерніи, чрезъ депутацію изъ исправляющаго должность губернскаго предводителя, гвардіи ротмистра Карпя и одинадцати дворянъ, представило г. главному начальнику края всеподданнѣйшее на Имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА письмо, въ коемъ выражено, что отвергая всякое участіе въ революціонной партіи, оно дерзаетъ молить о милосердіи ГОСУДАРЯ и, составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею, подъ державнымъ скипетромъ ЕГО, заявляетъ чистосердечныя чувства неизмѣнной и навсегда вѣрноподданнической преданности.

Письмо это, по уполномочію дворянъ и помѣщиковъ, числомъ 671, подписано исправляющимъ должность губернскаго предводителя, по засвидѣтельствованію коего подписи уполномочія продолжаются по уѣздамъ.

Всеподданнѣйшее письмо ковенскаго дворянства отправлено г. главнымъ начальникомъ края, въ тотъ же день, для представленія на Высочайшее ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благовоззрѣніе.

— **Высокоторжественный праздникъ 26-го августа въ Вильно.** — Вчера, 26-го августа, въ высокоторжественный день Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ 10 часовъ утра, г. главный начальникъ края, генералъ отъ инфантеріи **М. Н. Муравьевъ 2-й** изволилъ принимать поздравленія отъ духовенства всѣхъ исповѣданій, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства ковенской губ., представителей городскихъ сословій, старшинъ и выборныхъ разныхъ сельскихъ обществъ. Собраніе было многочисленное. Его Высокопревосходительство удостоилъ каждую изъ корпорацій нѣсколькихъ приветливыхъ словъ. Причемъ гродненскія городскія общества, христіанское и еврейское, всѣ 25 волостей временно-обязанныхъ крестьянъ Ошмянскаго уѣзда, 29 волостей казенныхъ крестьянъ виленской губерніи и Ошмянское еврейское общество — имѣли счастіе представить главному начальнику края, чрезъ присланныя отъ себя депутаціи, всеподданнѣйшія письма на Имя ГОСУДАРЯ ИМЕРАТОРА, съ изъявленіемъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Вмѣстѣ съ симъ гродненскія христіанское и еврейское общества испрашивали разрѣшеніе г. генералъ-губернатора открыть подписку на собраніе денегъ, для употребленія ихъ по благоусмотрѣнію Его Высокопревосходительства. Ошмянское же еврейское общество представило пожертвованныя онымъ для этой же цѣли деньги.

Въ $10\frac{1}{2}$ ч., въ каѳедральномъ соборѣ св. Николая, преосвященнымъ **Александромъ**, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ Литовской епархіи, отслужена, соборнѣ, божественная литургія, а по окончаніи ея, высокопреосвященнымъ **Іосифомъ**, членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода, митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ, совершено, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе и

при провозглашенія многолѣтія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ и всей Августѣйшей фамиліи, изъ Виленскихъ укрѣпленій былъ совершенъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ. Божественная литургія и молебствіе совершены въ присутствіи г. главнаго начальника края, а также, члена госуд. совѣта, генералъ-адъютанта, графа **Н. Н. Муравьева-Амурскаго**, всѣхъ генераловъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при большомъ собраніи дворянства, купечества и народа.

Въ то же время, въ римско-католическомъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава и въ храмахъ всѣхъ другихъ исповѣданій совершены молебствія о здравіи и благоденствіи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и всей Августѣйшей фамиліи.

Въ главной еврейской синагогѣ происходило въ 2 часа по полудни молебствіе, въ присутствіи г. начальника Виленской губерніи, дѣйст. ст. сов. **Панютина**, камергера, дѣйст. ст. сов. **Бутычева** и другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, при многочисленномъ собраніи евреевъ. После молебствія виленскій проповѣдникъ Вольфъ **Магидъ** сказалъ на еврейскомъ языкѣ проповѣдь, въ заключеніе которой произнесъ составленную имъ по случаю настоящаго торжественнаго праздника молитву; послѣ чего виленскій общественный раввинъ Овсей **Штейнбергъ** произнесъ на русскомъ языкѣ весьма краснорѣчиво и прекрасно написанную рѣчь. Въ заключеніе пропѣта была молитва: „Дарующій, побѣду царямъ!“ и народный гимнъ „Боже, Царя храни!“

Въ церковномъ парадѣ, произведенномъ около православнаго собора, участвовали команды отъ всѣхъ войскъ, въ Вильнѣ расположенныхъ. Народъ наполнялъ площади и улицы. При возвращеніи главнаго начальника края изъ собора, войска и народъ сопровождали Его Высокопревосходительство кликомъ „ура!“

Въ вечеру, предъ началомъ представленія въ городовомъ театрѣ, исполненъ былъ гимнъ: „Боже, Царя храни!“ неоднократно повторенный по единодушному требованію публики.

Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ. Множество щитовъ и вензельныхъ изображеній Имени ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, вензеля изъ гирляндъ и цвѣтовъ, флаги и ковры, живописное освѣщеніе башенъ, церквей и костеловъ, тріумфальныя арки въ разныхъ

мѣстахъ, всѣ окна домовъ, залитыя огнями—представляли очаровательную картину.

Въ праздникѣ принимало участіе все населеніе города. Густыя толпы народа покрывали всѣ площади и улицы. Гулянье продолжалось далеко за полночь.

— **ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО ИНОСТРАНЦЕВЪ ПРОЖИВАЮЩИХЪ ВЪ РОССІИ** с.-Петербургъ, 28 августа. Перновскій купецъ, гамбургскій гражданинъ Августъ Ле представилъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору слѣдующее вѣрноподданнѣйшее письмо на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *отъ иностранцевъ, проживающихъ въ перновскомъ уѣздѣ:*

„Ваше ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

„Къ Вамъ, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, осмѣливаемся мы, нижеподписавшіеся иностранцы, живущіе въ Перновѣ и перновскомъ округѣ, обратиться съ тѣмъ, дабы, съ одной стороны выразить чувство глубочайшаго благоговѣнія къ Особѣ Вашего ВЕЛИЧЕСТВА, а съ другой—высказать наше негодованіе по поводу преднамѣреннаго искаженія здѣшнихъ обстоятельствъ, которое допускается все болѣе и болѣе недостойнымъ образомъ въ иностранной журналистикѣ, съ самаго начала возстанія въ польскихъ мѣстностяхъ.

„Видя собственными глазами, какъ подданные Вашего ВЕЛИЧЕСТВА, принадлежащіе ко всѣмъ національностямъ, всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, всѣмъ званіямъ, облаготворяются самыми всеобъемлющими, самыми либеральными реформами, во всѣхъ направленіяхъ и въ столь неудержимо быстрой послѣдовательности, какой еще нѣтъ примѣра въ исторіи, и замѣчая въ то же время, съ какой упорной настойчивостью разсѣваются постоянно подозрѣнія и клеветы противъ русскаго правительства,—мы не можемъ болѣе хранить молчаніе.

„Не имѣя возможности входить во всѣ извилины умышленнаго искаженія событій, мы ограничиваемся противопоставленіемъ нашего рѣшительнаго опроверженія общему настроенію иностранной журналистики, какъ лживой и коварной, а излагаемъ, напротивъ того, искрадцѣ, открыто и свободно, собственный взглядъ:

„Тѣ элементы, которые какъ прежде, такъ и теперь вызвали „польское возстаніе, остаются точно тѣми же, какіе привели „націю къ ея государственной гибели: они были всегда чужды „истиннаго патріотизма, и лишь стремились постоянно, подъ его „покровомъ, къ своимъ отступническимъ цѣлямъ.

„Масса народа, не смотря на старанія такъ называемаго „національнаго правительства принудить ее къ возстанію посредствомъ ужаснѣйшаго терроризма,—не примкнула къ нимъ.

„Цѣль возстанія не въ томъ, чтобы возстановить націю, „осчастливленную свободными учрежденіями, а въ томъ лишь, „чтобы предоставить польскому дворянству и духовенству преж„ній буйный разгулъ, который былъ бы навѣки уничтоженъ без„отлагательными реформами Вашего ВЕЛИЧЕСТВА, столь спа„сительными для всего народа и обусловливающими истинную „свободу націи.

„Этого фактически существующаго ядра возстанія, проис„ходящаго въ Польшѣ, не можетъ не признать иностранная жур„налистика.

„Но такъ какъ, не смотря на то, пользуясь новѣйшею при„манкою: „принципомъ національности“, журналистика эта об„наруживаетъ постоянно и часто, съ самыми безсмысленными „клеветами противъ здѣшняго правительства, возмутительныя по„пытки, то явно, что при этомъ служитъ пружиною не сочув„ствіе къ истинному благу, къ дѣйствительно-свободному пре„успѣянію польскаго народа, — такъ какъ въ этомъ отношеніи „ни одинъ народъ не можетъ имѣть гарантій выше тѣхъ, какія „представляетъ пребываніе подъ скипетромъ Вашего ВЕЛИЧЕС„ТВА,—а изыскивается только сподручный способъ задержать „великую имперію въ развитіи благодатнѣйшихъ реформъ, кото„рыя иноземныя державы, конечно, оцѣниваютъ, но которыхъ „вѣроятно боятся въ виду грядущаго могущества Россіи, при „чемъ дана Польшѣ, или точнѣе ея революціоннымъ элементамъ, „извѣстная, даровая роль въ исторической трагедіи“.

„Таковъ нашъ взглядъ.

„Будучи твердо убѣждены въ миролюбіи Вашего ВЕЛИ-

чества, мы однако, по нашему взгляду, сомнѣваемся въ сохраненіи мира.

„Дай Богъ намъ ошибиться. Но если это желаніе не исполнится, и война, въ высшей степени несправедливая, будетъ вызвана иноземными державами, то мы, нижеподписавшіеся иностранцы, просимъ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, при отраженіи иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Вашего государства, дозволить намъ быть соревнователями Вашихъ подданныхъ въ готовности къ жертвамъ.

„Какъ въ мѣрѣ нашего глубочайшаго благоговѣнія, такъ и въ правдивости нашего свободнаго, искреннѣйшаго убѣжденія, основаннаго на безпристрастномъ взглядѣ, мы не можемъ дать болѣе прямаго ручательства.

„Да защититъ Богъ Ваше ВЕЛИЧЕСТВО и все царство.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ пребываемъ Вашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрнопреданные".

„Перновъ. 25-го іюля 1863 г."

(Слѣдуютъ 82 подписи ангальтъ-дессау-ктенскихъ, англійскихъ, бременскихъ, виртембергскихъ, гамбургскихъ, ганноверскихъ, гессенскихъ, датскихъ, любекскихъ, мекленбургъ-стрелицкихъ, мекленбургъ-шверинскихъ, прусскихъ, саксенъ-мейнингенскихъ, королевско-саксонскихъ и шведскихъ подданныхъ).

(С. Поч.)

О мѣрахъ къ ускоренію въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской прекращенія обязательныхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ временно-обязанными крестьянами, посредствомъ выкупа послѣдними земель ихъ надѣла, по распоряженію правительства.

1863 года, августа 2-го.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Признавая необходимымъ ускорить въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской прекращеніе обязательныхъ отошеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ временно-обязанными крестьянами посредствомъ выкупа сими послѣдними земель ихъ надѣла, повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ сельскихъ об-

ществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній, которыя еще не воспользовались выкупомъ сей по распоряженію правительства, примѣняясь къ указу Нашему, данному правительствующему сенату 1 марта 1868 для сѣверо-западныхъ губерній, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками кіевской, подольской и волынской губерній и населенными на ихъ земляхъ временно обязанными крестьянами прекращаются съ 1-го сентября сего 1868 года.

2) Съ того-же 1-го сентября 1863 года временно-обязанные крестьяне въ означенныхъ трехъ губерніяхъ причисляются къ разряду крестьянъ-собственниковъ и, съ того же времени, вмѣсто отправленія повинностей издѣльныхъ или денежныхъ въ пользу помѣщика, обязываются вносить въ казну выкупные платежи за пріобрѣтаемыя ими въ собственность земли ихъ надѣла.

3) Размѣръ выкупныхъ платежей опредѣляется: а) въ издѣльныхъ имѣніяхъ на 20 к. съ рубля менѣе противъ того оброка, который назначенъ въ уставныхъ грамотахъ на случай перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на денежную по добровольному ихъ желанію, и б) въ имѣніяхъ, состоящихъ на оброкѣ, въ такомъ же размѣрѣ, т. е. на 20 коп. съ рубля менѣе противъ платимаго крестьянами по уставной грамотѣ оброка, за исключеніемъ тѣхъ имѣній, въ коихъ по уставной грамотѣ оставленъ прежній низшій противъ мѣстнаго положенія оброкъ, а также тѣхъ, гдѣ оброкъ пониженъ самимъ помѣщикомъ противъ размѣра, слѣдовавшаго по правиламъ мѣстнаго положенія, во всѣхъ сихъ имѣніяхъ выкупные платежи опредѣляются наравнѣ съ платимымъ крестьянами оброкомъ, если сей послѣдній на 20% ниже противъ установленнаго въ мѣстномъ положеніи, а если оброчная плата выше сего размѣра, то дѣлается соотвѣтственное оному уменьшеніе.

4) Слѣдующее съ крестьянъ, на основаніи статьи 3-й сего указа, выкупные платежи вносятся ими прямо въ уѣздныя казначейства на основаніи правилъ, кои должны быть составлены министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ по взаимному ихъ

соглашенiю и представлены на утвержденiе Наше въ установленномъ порядкѣ.

5) Вслѣдъ за приведенiемъ въ исполненiе постановленiй, изложенныхъ въ статьяхъ 1-й 2-й и 3-й настоящаго указа, по предварительномъ удостовѣренiи въ правильности уставныхъ грамотъ, сiи послѣднiя обращаются въ выкупные акты и опредѣляется окончательный размѣръ выкупныхъ платежей несвыше установленнаго въ статьи 3-й сего указа,—порядокъ, который будетъ опредѣленъ въ составленныхъ по соглашенiи министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и Нами утвержденныхъ особыхъ для сего правилъ.

6) При обращенiи уставныхъ грамотъ въ выкупные акты, выкупная ссуда опредѣляется посредствомъ капитализацiи, изъ 6-ти процентовъ; назначенныхъ съ крестьянъ по статьямъ 3-й и 5-й сего указа выкупныхъ платежей, безъ вычета.

7) По мѣрѣ обращенiя уставныхъ грамотъ въ выкупные акты, помѣщикамъ предоставляется получать платежи по выкупнымъ суммамъ, опредѣленные въ выкупномъ актѣ, на основанiи правилъ, какiя вслѣдъ за симъ будутъ изданы.

8) Всѣ сдѣлки между помѣщиками крестьянами, а также требованiя со стороны однихъ помѣщиковъ о выкупѣ крестьянами угодiй въ губернiяхъ кiевской, подольской и волынской, утвержденныя главнымъ выкупнымъ учрежденiемъ по день изданiя настоящаго указа остаются въ своей силѣ со всѣми ихъ послѣдствiями; равнымъ образомъ приводятся въ исполненiе и тѣ заключенныя сдѣлки и заявленныя со стороны однихъ помѣщиковъ требованiя о выкупѣ угодiй, которыя по день изданiя сего указа утверждены мѣстными губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствiями, если сдѣлки сiи и требованiя будутъ признаны правильными при окончательномъ утвержденiи оныхъ главнымъ выкупнымъ учрежденiемъ.

Правительствующiй сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненiю сего надлежащiя распоряженiя.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ."

Царское Село, 30-го iюля 1863 г. (Бир. Вѣд.)

— Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ отъ 27-го августа напечатано: —нынѣшній польскій мятежъ наконецъ, обозначился во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Тайна этого возстанія—теперь не тайна для цѣлаго міра. Ни одинъ изъ серіозныхъ политическихъ людей въ Европѣ не назоветъ теперь этого мятежа народнымъ возстаніемъ, изъ котораго можетъ выйдти что-нибудь положительное. Только нѣкоторыя закупленныя французскія газеты еще зарабатываютъ полученную ими мзду и вяло повторяютъ избитыя фразы, которыхъ никто уже не читаетъ. Все что только есть лучшаго, умнаго и дѣльнаго въ Европѣ, все съ чѣмъ только можно считаться, понимаетъ всю безнадежность нынѣшняго польскаго дѣла, и относительно его сущности совершенно согласно съ сужденіемъ русскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшіе люди изъ самихъ поляковъ видятъ это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ, и еще менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что громадное большинство народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ полное право сѣтовать, видя себя брошеннымъ безъ защиты и отданнымъ на жертву жандармовъ вѣшателей. Исторія не представляетъ примѣра болѣе возмутительнаго положенія дѣлъ. Всѣ знаютъ, что гражданская администрація въ Польшѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ измѣнниковъ, вольныхъ или невольныхъ, и болѣе невольныхъ чѣмъ вольныхъ; всѣмъ извѣстно, что чиновники въ Царствѣ Польскомъ поощряются къ измѣнѣ законному правительству и во всякомъ случаѣ ничего не теряютъ отъ неисполненія своего долга, за вѣрность присягѣ, неминуемо подвергаются петлѣ или удару кинжаломъ изъ-за угла.

Мы не разъ уже приводили, для примѣра, положеніе, въ которомъ находилась наша сѣверная столица назадъ тому года два. Россія, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація, которая разыгрывается теперь съ большимъ успѣхомъ въ Царствѣ Польскомъ. Пусть читатели вспомнятъ, какіе элементы, въ теченіи довольно долгаго времени господствовали надъ нашимъ обществомъ, развращая молодежь обоего пола. Нельзя безъ омерзенія подумать, что эти элементы были близки къ тому, чтобы превратиться въ такое же подземное правительство, какое

теперь властвует въ Польшѣ. Пусть русская публика вспомнитъ этотъ недавній позоръ Россіи; пусть вспомнитъ она, подъ какимъ ужаснымъ кошемаромъ нахсдилось у насъ цѣлое здоровое и сильное общество; пусть вспомнитъ она какъ посѣдѣвшіе люди подличали предъ двѣнадцатилѣтними мальчишками, считая ихъ представителями новой мудрости, долженствующей преобразить цѣлый міръ, какъ воспитатель пассовалъ предъ своимъ воспитанникомъ, какъ профессоръ боялся выставить студенту баллъ соотвѣтствующій его нахальному невѣжеству, какъ начальствующія лица, и лица высоко поставленныя, трепетали того, что скажетъ о нихъ помѣшанный фразеръ въ Лондонѣ,—пусть вспомнитъ она этихъ чиновниковъ-прогрессистовъ, коммунистовъ и соціалистовъ, которыхъ такое множество расплодилось въ Россіи;—пусть вспомнитъ она ту шутовскую и тѣмъ не менѣе печальную революцію, которую производили студенты на петербургскихъ улицахъ, и которая не осталась безъ серіозныхъ послѣдствій даже для всего министерства народнаго просвѣщенія;—пусть вспомнитъ она всѣ тѣ нелѣпости, безумства, весь тотъ неслыханный „нигилизмъ", который господствовалъ въ нашей литературѣ, и эту непонятную терроризацію, посредствомъ которой всякій мальчишка, наконецъ всякій негодяй, всякій „жуликъ" (sit venia verbo) могъ приводить въ конфузъ самыя безспорныя права, самые положительные интересы, наконецъ логику здраваго смысла. Все это было такъ недавно, все это еще у всѣхъ на свѣжей памяти, все это еще и теперь не совсѣмъ замерло, все это можетъ-быть еще (да сохранитъ насъ Богъ отъ этого позора!) отдохнетъ и очнется. Была же значитъ сила въ этихъ ничтожныхъ элементахъ; было же значитъ нѣчто такое что давало имъ силу. Еще, казалось бы, одинъ шагъ и у насъ началась бы настоящая терроризація... Были же и у насъ какія-то тайныя общества, какія-то центральныя комитеты, издававшіе свои прокламаціи; получались же и у насъ равными лицами подметныя писанія съ ругательствами и всякими угрозами. Въ сравненіи съ русскимъ народомъ, съ этимъ великимъ, могущественнымъ цѣлымъ, всѣ эти элементы разложенія кажутся теперь ничтожною тлей, о которой стыдно говорить: но эта тля была же однако въ силѣ, эта тля воображала же себя

близкою къ полному господству, и дѣйствовала же она съ удивительною самоувѣренностію. Что давало ей эту силу? Что внушило ей эту самоувѣренность? Представьте себѣ, что вся эта наша революціонная гниль сосредоточилась бы не въ Петербургѣ, а въ какомъ-либо другомъ городѣ; представьте себѣ, что всѣ эти элементы разложенія не находились бы ни въ какомъ отношеніи къ административнымъ сферамъ,—и подумайте, что могли бы они значить, и какое дѣйствіе могли бы они производить? Они могли бы быть только предметомъ смѣха. Что же заставляло всѣхъ опасаться, что же заставило всѣхъ тревожно оглядываться, что заставляло всѣхъ конфузиться и пассовать? Ничто иное какъ лишь то, что всѣ эти элементы возникали и развивались въ Петербургѣ, или подъ его вліяніемъ; ничто иное какъ лишь то, что эти элементы дѣйствительно захватывали частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и на все. Многіе въ Петербургѣ полагали, что это земля русская порождаетъ изъ своихъ нѣдръ элементы разложенія, а земля Русская, недоумѣвая, видѣла въ этихъ элементахъ признаки какого-то новаго порядка вещей, новой системы, которая на нее налагалась. Раскрыть недоразумѣнія, распутать интригу, которая, пользуясь обстоятельствами, умѣла поддерживать эти элементы, давать имъ ходъ и сообщать имъ ту фальшивую силу, которую они такъ долго пользовались, внушая опасенія даже самымъ серіознымъ людямъ, было трудно. Представимъ же себѣ, на минуту, что наши высшія власти были бы такого же свойства и были бы также поставлены какъ польскія власти въ Варшавѣ,—представимъ себѣ, что вся наша администрація вдругъ наполнилась бы такими же неблагонадежными элементами, какими наполнялась вся адтинистрація въ Царствѣ Польскомъ, и которые не только не препятствовали бы развитію дѣйствій революціонной организаціи, а напротивъ всячески способствовали бы ей,—и вотъ, даже безъ помощи ксендзовъ и европейской агитаціи, мы получили бы у себя явленіе совершенно аналогическое тому, которое происходитъ теперь въ Польшѣ. И у насъ пожалуй стали бы вѣшать непокорныхъ помѣщиковъ, отказывающихъ въ контрибуціи подземнымъ властямъ, и у насъ были бы жертвы подобныя Минищевскому, и у насъ стали бы насильно

загонять крестьянъ въ лѣса, какъ уже, впрочемъ, и были къ тому попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи подобная мистификація не могла бы продлиться; но смутъ и всякаго рода бѣдствій она причинила бы не мало, и бѣдствія эти обрушились бы главнымъ образомъ на мирныя народонаселенія.

Кто слѣдитъ за ходомъ польскихъ дѣлъ, со временъ намѣстничества князя Горчакова, тотъ не можетъ усомниться въ свойствахъ нынѣшняго возстанія. Какъ выше замѣтили мы, никто уже въ этомъ и не сомнѣвается болѣе,—никто, кромѣ русскихъ публицистовъ. Читатели помнятъ, какое зрѣлище представляла русская журналистика при началѣ польскаго возстанія, какія въ русскихъ газетахъ печатались статьи, или какое странное слышалось въ нихъ молчаніе. *) Мы помнимъ это печальное время, когда нашъ голосъ раздавался одиноко и когда насъ упрекали въ кровожадности за то, что мы старались припомнить и русскимъ людямъ, и полякамъ, и напиравшей на насъ Европѣ, что есть на свѣтѣ страна, называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ, называемый русскимъ, народъ, который, что бы ни случилось, непремѣнно дастъ себя почувствовать. Онъ наконецъ и далъ себя почувствовать, и за тѣмъ, въ скоромъ времени, измѣнилось зрѣлище, представляемое нашею журналистикой; нѣмовствующіе заговорили, и наши публицисты пошли писать патріатическія статьи. Однако, дѣла въ Царствѣ Польскомъ не поправлялись, а шли все хуже и хуже. Причины этого явленія очевидны для всякаго способнаго вглядѣться въ дѣло; причины эти заключаются въ совершенно ошибочной, совершенно невозможной системѣ, которой мы до сихъ поръ тамъ держались. И никто до сихъ поръ не находилъ, что сказать въ ея защиту.

Отвѣтъ бѣлорусскаго священника на посланіе газеты «ДЕНЬ» и прочихъ ея сотрудниковъ ко всему бѣлорусскому духовенству, помѣщенное въ № 30 этой же газеты.

Прочитавъ въ № 30 газеты День къ намъ, бѣлоруссамъ, посланіе, въ которомъ редакція оной, съ прочими своими достопочтенными сотрудниками, столь живое и пламенное принимаетъ

*) Одинъ только Вѣстникъ юго-западной Россіи не молчалъ, но его голосъ раздавался одиноко въ полномъ смыслѣ этого слова.

участіе въ настоящей плачевной судьбѣ всего бѣлорусскаго духовенства, нельзя мнѣ, одному изъ членовъ онаго, не выразить глубокой признательности и задушевной благодарности всѣмъ великоруссамъ, которые въ настоящее, столь трудное, переживаемое нами время, оказываютъ сердечное и глубокое къ намъ сочувствіе. Да, послѣ, того, мы вполнѣ сознаемъ, и на самомъ дѣлѣ видимъ, что теперь мы здѣсь уже болѣе не одиноки, что за насъ, за наши страданія, различныя лишенія, заплеванія и за позорную, наконецъ, смерть (вѣшаніе), крѣпко стоитъ святая Русь, что она вся содрогнулась при одной объ этомъ вѣсти, и что нынѣ, своимъ дѣйствіемъ и защитой не дозволитъ болѣе врагамъ народности и вѣры нашей истребить насъ въ конецъ. О хвала же и честь отъ насъ всему русскому православному народу!

Но, восхваляя страданія наши и раздѣляя съ нами наше горе, почтенная редакція дѣлаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и малый намъ упрекъ. Она, съ прочими достоуважаемыми ея сотрудниками, душевно соболѣзнуетъ о томъ, что мы, забывъ или презрѣвъ свой языкъ русскій, до того усвоили себѣ языкъ польскій, что въ домахъ своихъ иначе никогда не разговариваемъ, какъ только по польски; и что этимъ употребленіемъ языка, намъ чуждаго, даемъ сами врагамъ нашимъ поводъ, предъ всею Европою. твердить и заявлять свои притязанія на обладаніе краемъ нашимъ, Обличеніе это, сознаться надобно, отчасти справедливо и сдѣлано теперь какъ нельзя больше кстати. Извиняемся потому чистосердечно предъ русскими нашими старшими братьями въ прошедшей ошибкѣ нашей, и скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе. Дѣйствительно, языкъ польскій до такой степени было закрался къ намъ, въ дома нашего бѣлорусскаго духовенства, что если бы не костюмъ нашъ, нельзя бы даже, право, узнать, что мы православно русскіе священники! А жены наши то и дѣло, что всегда говорятъ лишъ по польски! Когда теперь человѣкъ хорошо подумаешъ о прошломъ времени, какъ-то, грусть овладѣваетъ, и самъ не дашъ отчета—кого винить тутъ болѣе: себя-ль самихъ или обстоятельства неблагопріятныя прошедшаго?!., Да, мы, конечно, и сами-то много виноваты; но обстоятельства, отъ насъ независящія, еще болѣе. Чтобы вполнѣ выразумѣть и объяснить почтенной редакціи эту ошибку,

не безполезно будетъ хорошенько прослѣдить наше прошлое и разсмотрѣть, кто мы были прежде и кѣмъ окружены.

Извѣстно по исторіи, что родители наши были уніаты, а съ 1839 года всѣ перешли въ православную, свою прародительскую вѣру. Многіе изъ насъ, молодыхъ священниковъ, родились тоже во времена уніи, хотя уже, впрочемъ, умирающей,—но оставили мы ее въ младенчествѣ и, слава Богу, мало даже ее помнимъ. Но какъ мы, такъ тѣмъ болѣе родители наши *ex*-уніаты,—бывъ окружены со всѣхъ сторонъ людьми, которые, по строгомъ и старомъ уже закрѣпленіи въ латинство *jure caduco*, называли себя поляками,—по неволѣ должны были говорить однимъ съ ними языкомъ польскимъ, который, для насъ, выучившихся еще въ младенчествѣ, сдѣлался потому же присущимъ. Когда же мы поступили въ училища, то, чрезъ двѣнадцать лѣтъ постоянно изучая здѣсь языкъ русскій, и на квартирахъ внѣ классовъ на ономъ по большей части разговаривая, мы до того его себѣ усвоили, что теперь не хуже коренныхъ русскихъ на ономъ можемъ объясняться. По выходѣ изъ семинаріи, мы женились на дѣвицахъ, которыя, кромѣ домашняго, отъ родителей ех-уніатовъ (не забудьте)—воспитанія, другаго никакого не получили. А правительство, до сего времени, училищъ для дѣвицъ духовнаго званія никакихъ не открывало. Дѣвицы наши духовныя были тогда брошены на произволъ судьбы и прямо отданы въ руки исконныхъ враговъ нашихъ. Слѣдовательно, при такомъ положеніи, мы хотя и женились на дѣвицахъ бѣлорусскихъ, но такъ какъ, безъ образованія школьнаго, языкъ русскій не могъ быть для нихъ доступенъ, то языкъ ихъ исключительно былъ польскій, т. е. тотъ, которымъ изъ дѣтства выучились лепетать первыя слова *Papo-mamo* и т. д. Послѣ того мы рукополагались во священники. Когда же насъ выслали на приходы, мы стали лицемъ къ лицу, во первыхъ: съ народомъ, т е. прихожанами, говорящими языкомъ простонароднымъ бѣлорусскимъ. Во вторыхъ: окружены были ото-всюду разнаго рода и сорта поляками: чиновниками, помѣщиками, ихъ комиссарами, экономами, писарями, цивунами, поссесорами, фермерами и многими другими. Съ первыми, т. е. прихожанами, мы священники и жены наши разговаривали всегда по

бѣлорусски — т. е. простонароднымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Съ вторыми же нужно было говорить всегда не иначе, какъ по польски. Съ женами нашими мы тоже должны были говорить по польски; правда, хотя простонародное бѣлорусское нарѣчіе и было очень для нихъ понятно, но такъ какъ это нарѣчіе въ болѣе цивилизованномъ обществѣ не только не было въ употребленіи, но даже, вѣроятно не безъ умысла іезуитовъ, въ совершенномъ презрѣніи,—то и въ нашихъ домахъ духовныхъ, въ нашемъ кругу семейномъ, простонародный бѣлорусскій языкъ былъ уважаемъ (о заблужденіе и ослѣпленіе!) какъ языкъ, совершенно къ употребленію въ лучшемъ обществѣ негодный, языкъ исключительно хлопскій. Противъ этого-то языка, нужно сознаться, мы очень и очень много погрѣшили; теперь мы ясно это видимъ; а еслибы мы или лучше жены наши—не зная языка чисто русскаго,—говорили съ нами и дѣтьми симъ простонароднымъ языкомъ бѣлорусскимъ,—о какъ много бы принесли пользы и спасенія бѣлорусской здѣсь народности!... Но что же дѣлать? Время полонизаціи, задуманное давно іезуитами, исполнилось; цѣль ихъ едва уже не была достигнута!... Но прошедшаго не возвратить.... Такъ вотъ какова-то была наша внѣшняя въ семъ краѣ обстановка! Да извинятъ же насъ великодушно русскіе за прошедшую нашу ошибку.

Впрочемъ, какъ сама почтенная редакція видитъ, мы сами-то мало были въ этомъ виновны. Ибо мы священники, бѣлорусскіе, и прежде всегда почти межъ собой разговаривали по русски семейства наши тоже давно желали бы оставить языкъ польскій, такъ какъ въ нихъ кипитъ кровь чисто русская; но что же дѣлать, когда въ этомъ отношеніи само великорусское общество противъ насъ и края бѣлорусскаго много погрѣшило: оно не сдѣлало намъ того, что очень легко сдѣлать могло, особенно съ годовъ тридцатыхъ. Оно оставило насъ здѣсь на русской искони землѣ, на произволъ полякамъ, подобно тому, какъ иной, по нерадѣнію, хозяинъ отдаетъ домашнее животное на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Да, мы не видѣли никогда около себя ни русскаго (за очень малымъ исключеніемъ) чиновника, ни русскаго—на русской землѣ—помѣщика или фермера; не встрѣтились никогда съ русскими работниками, а особенно русскими нянюшками,

которыя такъ необходимы намъ были. Пишущій къ вамъ это посланіе—одинъ лишь годъ имѣлъ возможность держать при дѣтяхъ русскую нянюшку и, видя какъ много, чрезъ это время, дѣти успѣли въ изученіи языка русскаго, не можетъ сердечно не соболѣзновать, что не встрѣтитъ больше подобной няни. При нихъ мы бы никогда не подвергнулись настоящему, за невольное польскаго языка употребленіе, великоруссовъ нашихъ укору! Не видя же около себя нигдѣ русскихъ, кромѣ однихъ лишь поляковъ, какъ намъ было и у себя дома говорить иначе, какъ не по польски?!

Но теперь уже, когда эти же поляки безцеремонно стали насъ грабить, жечь, душить и вѣшать, мы обѣщаемъ и клянемся—отказаться не только отъ языка ихъ, но и навсегда презрѣть имъ! И такъ какъ въ настоящее время у насъ уже открыто въ г. Вильнѣ духовное дѣвичье училище, то увѣряемъ почтенную редакцію, что коль скоро дѣвицы, изъ онаго вышедшія, сдѣлаются женами священниковъ, польскій языкъ (этотъ презрѣнный языкъ вѣшателей нашихъ) не только не останется въ употребленіи, но на будуще время, какъ совершенно у насъ лишній и вредный, въ сословіи нашемъ преданъ будетъ вѣчному забвенію и сданъ, на радость полякамъ, въ Варшаву, въ совершенное ихъ распоряженіе!

Но пока до этого—еще можетъ много пройдти верменп!...

Училище дѣвичье—этотъ единственный разсадникъ православныхъ русскихъ матушекъ—существуетъ еще всего лишь одинъ годъ!

И такъ, чтобы сразу прекратить языкъ польскій, что же намъ теперь должно сдѣлать?

Для сего, необходимо намъ, священникамъ, войдти въ ближайшее и тѣснѣйшее межъ собой общеніе. Да, нужно всѣмъ намъ крѣпко слиться: а то при настоящемъ административномъ духовенства нашего порядкѣ и устройствѣ, мы до того были разобщены между собою, что рѣшительно не знали, кто что думаетъ и дѣлаетъ. Для того же, чтобы намъ думать и дѣйствовать оди-

наково, необходимо нужно бы образовать благочиннические съѣзды *). Самые же съѣзды могутъ имѣть полное значеніе и силу тогда только, когда возвращено намъ будетъ утраченное право избранія самымъ духовенствомъ изъ среды себя достойныхъ и надежныхъ благочинныхъ. А когда у насъ священники будутъ любить и уважать своего благочиннаго, а благочинный вполнѣ будетъ доволенъ своимъ подвѣдомымъ духовенствомъ, то при таковыхъ благочинническихъ съѣздахъ и при здравыхъ смѣлыхъ и дружныхъ на оныхъ разсужденіяхъ, чего не смогутъ и несумѣютъ они тогда сдѣлать!..... Тогда священники, собравшись вмѣстѣ, разсуждали-бы рѣшительно и единогласно, и польза была бъ несомнѣнна. Вотъ хотя бы, напримѣръ, и въ подобномъ отношеніи: они, собравшись, поразсудили бы, что вотъ, молъ, нашимъ братьямъ великоруссамъ больно не нравится языкъ польскій, столь намъ бѣлоруссамъ несвойственный и что употребленіемъ его мы тѣшимъ и дуримъ лишь поляковъ: а потолковавъ такъ и подумавъ серіозно, они бы дружно и единогласно порѣшили: „отнюдь не употреблять языка польскаго ни въ чужихъ, ни въ своихъ“ домахъ и это данное каждымъ честное благородное слово было бъ несравненно болѣе полезно любаго указа консисторіи! Но пока языки наши будутъ связаны—пока мы не будемъ имѣть прежнихъ правъ своихъ, всѣ другія, болѣе чиновныя распоряженія будутъ, какъ и прежде, совершенно безполезны!

И такъ, братья наши великоруссы—если вы братски намъ сочувствуете и любите искренно и чистосердечно насъ, то осуществите скорѣе всѣ ваши предположенія: дайте намъ изъ Россіи добрыхъ и честныхъ чиновниковъ, высылайте на наши фермы охотниковъ—хлѣбопашцевъ; вызывайте къ нимъ своихъ рабочихъ, а особенно давайте какъ можно больше для нашихъ дѣтей нянюшекъ; распространите какъ можно больше русскихъ и славянскихъ молитвенниковъ, а тогда будетъ дѣло другое: что хотите предлагайте изъ братской любви къ намъ, мы все осуществимъ и сдѣлаемъ! А если бы еще и наше высшее духовное начальство, изъ брат-

---

*) Отчего же-не просто священническіе? Это было бы въ высшей степени благотворно! Ред.

скаго единенія и любви къ намъ, скорѣе насъ порадовало выборами благочинныхъ, о которыхъ къ несчастію такъ давно уже хлопочутъ многіе и пишутъ,—о какъ много добра духовенство, въ здѣшнемъ краѣ и въ другихъ болѣе важнѣйшихъ дѣлахъ, тогда бы сдѣлало, и какой важный и завидный поворотъ пошелъ бы въ дальнѣйшей судьбѣ его!... О! далъ бы Богъ намъ дожить до этого!... Да, право, пора же, пора не только толковать и мечтать намъ, но и прямо, дружно взяться всѣмъ за дѣло! А жатва-то у насъ какъ велика!...

Изъ гродненской губерніи.
Священникъ К.....тъ.......ій.

10-го августа 1863 года.

Мы совершенно счастливы, что вызвали нашимъ „посланіемъ" такой теплый, искренній, сердечный голосъ скромнаго бѣлорусскаго священника изъ глуши Бѣлоруссіи! Прибавлять тутъ нечего. Пусть только побольше людей вникнетъ въ эту *правду* о положеніи нашего духовенства въ западномъ краѣ, и совѣсть сама подскажетъ имъ, что дѣлать. Мы же съ своей стороны открываемъ подписку на устройство еще новаго училища для дѣвицъ православнаго духовнаго званія въ Бѣлоруссіи. Распоясывайтесь, русскіе люди! Жертвовали много—пожертвуемъ еще!..

(День.)

О русскомъ обществѣ западнаго края.

(Письмо къ редактору „ДНЯ.")

Въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ *Дня* высказывается вами желаніе, чтобы русское общество, стряхнувши съ себя многовѣковую дремоту, позаботилось само о противодѣйствіи польской пропагандѣ въ нашемъ краѣ, на томъ основаніи, что правительство, какъ бы ни было оно могущественно, какъ-бы ни были прекрасны его стремленія, не всегда можетъ достигать благотворныхъ результатовъ въ вопросахъ чисто соціальнаго свойства. Мысль эта, если брать ея безотносительно, совершенно вѣрна; но, если разсматривать ее примѣнительно къ нашему краю, то возникаетъ маленькое недоразумѣніе насчетъ того, о какомъ обще-

тѣ вы говорите, отъ какого общества вы требуете отпора полонизму: отъ русскаго ли общества собственно Россіи или же отъ русскаго общества западнаго края? Если вы разумѣете русское общество Россіи, то вы правы: оно много, очень много виновато предъ нами; до послѣдняго времени оно было слишкомъ равнодушно къ намъ, оно просто-на-просто вовсе недумало о насъ, бѣлоруссахъ, такъ неосмотрительно предано-было на жертву польскимъ панамъ и ксендзамъ. Если-же подъ русскимъ обществомъ вы разумѣете русское общество западнаго края, то позвольте сказать чистосердечно, что вы не правы въ своихъ требованіяхъ, не правы именно потому, что у насъ еще нѣтъ русскаго общества. Есть у насъ, общество польское, общество еврейское, и каждое изъ нихъ сильно своимъ единодушіемъ, но русскаго, повторяемъ, нѣтъ еще и не бывало. Можно конечно на это сдѣлать намъ возраженіе такого рода: какъ нѣтъ въ западномъ краѣ русскаго общества,—развѣ его не составляютъ чиновники великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія и просто бѣлоруссы, живущіе по городамъ? Неужели они не могутъ противодѣйствовать польской пропагандѣ? Правда, есть у насъ чиновники великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія, но они не составляютъ у насъ общества, во первыхъ потому, что ихъ чрезвычайно мало сравнительно съ числомъ чиновниковъ поляковъ, и живутъ они *между собою* разъединенно, какъ-то особнякомъ, почти не зная другъ друга; а во вторыхъ потому, что нашъ чиновникъ всегда и вездѣ только чиновникъ, т. е. такая личность, которая весьма мало думаетъ о соціальныхъ вопросахъ, полагая, что его назначеніе состоитъ исключительно въ разсылкѣ и полученіи предписаній, рапортовъ и другихъ канцелярскихъ бумагъ. Ясно, что эти господа столько заботятся о противодѣйствіи полонизму, сколько вашъ покорнѣйшій слуга о прошлогоднемъ снѣгѣ. Разумѣется было-бы грѣшно не сказать здѣсь, что есть исключенія, даже блистательныя исключенія, но это—капля въ морѣ; большая же часть чиновниковъ великорусскаго и бѣлорусскаго происхожденія усердно и очень усердно служила въ послѣднее время польской пропагандѣ,—одни безсознательно, другіе изъ ложнопонимаемаго либерализма, иные въ полномъ убѣжденіи, что такъ

слѣдуетъ дѣйствовать „для примиренія польской народности съ русскою", а иные по своекорыстнымъ расчетамъ, которымъ, безъ зазрѣнія совѣсти, принесли въ жертвы интересы нашей родины. Послѣдніе буквально предались полякамъ съ руками и съ ногами, лицемѣрно прикрывая свои двусмысленныя, антинаціональныя дѣйствія то примирительнымъ началомъ, то либерализмомъ, который часто доходилъ у нихъ до ужасающихъ размѣровъ и который, въ сущности, проявлялся только на словахъ. Тутъ бы кстати поблагодарить всѣхъ этихъ дѣятелей за ихъ хлопоты о примиреніи и за результаты этихъ хлопотъ, но... Богъ съ ними! дѣло прошлое, притомъ же одни изъ нихъ сошли уже съ поприща, а другіе..., но кто Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ?

Лучше постараемся объяснить, откуда является въ нашихъ русскихъ людяхъ эта неумѣстная уступчивость притязаніямъ поляковъ, это чрезмѣрное желаніе уклончивыми дѣйствіями заслужить отзывъ ихъ: choć moskal, ale dobrze myślący,—отзывъ, который, сколько мы замѣтили, очень нравится многимъ изъ нашихъ братій, но въ которомъ, право, нѣтъ ничего завиднаго: онъ означаетъ только то, что человѣкъ, удостоившійся его, навсегда потерянъ для нашего русскаго дѣла и готовъ сдѣлаться орудіемъ польскихъ пропагандистовъ. Отвѣчать на такой вопросъ оченъ легко: стоитъ только для этого раздѣлить нашихъ русскихъ чиновниковъ на двѣ категоріи: на чиновниковъ великорусскаго происхожденія и чиновниковъ бѣлорусскаго происхожденія; каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свои особыя побужденія дѣйствовать въ пользу польской пропаганды. Великоруссы,—конечно, не тѣ, у которыхъ на первомъ планѣ стоятъ своекорыстные расчеты,—побуждались къ этому предубѣжденіемъ, которое они приносили съ собою изъ Великороссіи, нелѣпымъ, дикимъ предубѣжденіемъ, будто здѣсь чистѣйшая Польша. И странное дѣло: чѣмъ знатнѣе, чѣмъ, такъ сказать, аристократичнѣе было лицо, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ предоставленной ему дѣятельности, тѣмъ предубѣжденіе это было сильнѣе. Оно скоро переходило въ убѣжденіе, благодаря мѣстнымъ условіямъ общественной жизни, въ которыя ставится пріѣзжій. Вступивъ, по занимаемой имъ должности, въ средній или высшій классъ нашего

общества, состоящаго почти исключительно изъ поляковъ, вращаясь постоянно въ кругу ихъ, слыша повсюду польскій языкъ, великорусскій человѣкъ не могъ не придти, на основаніи этихъ фактовъ, къ заключенію что онъ въ самомъ дѣлѣ живетъ въ Польшѣ. Разумѣется взглядъ его на всю эту мишурную обстановку значительно-бы измѣнился, если бы онъ задалъ себѣ трудъ познакомится съ нашими мужичками, которыхъ доморощенные цивилизаторы заклеймили названіемъ: bydło *(скотъ)*; но вообще русскій важный человѣкъ, какъ извѣстно, не большой охотникъ до сближенія съ простонародіемъ. Прибавьте къ этому извѣстную ловкость поляковъ дѣйствовать на нужную имъ личность сообразно своимъ цѣлямъ, направлять образъ ея мыслей въ ту сторону, въ какую имъ понадобится, присоедините сюда высокое мнѣніе каждаго великоруса, добытое имъ еще у себя дома, о полякахъ какъ о народѣ, котораго цивилизація стоитъ на очень завидной степени развитія, да совѣстливость великорусскую показаться въ глазахъ другихъ фанатиковъ притѣснителемъ чужой національности, и тогда объяснятся сами собой всѣ его дѣйствія, иногда нерѣшительныя, иногда заискивающія, а иногда уклончивыя. [1]) Но можно-ли, но слѣдуетъ-ли за все это бросать камнемъ въ великорусскаго человѣка? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Вина всему этому лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколь-

---

[1]) Въ прошломъ году, пріѣхалъ-было въ нашъ городъ, на одну изъ высшихъ губернскихъ должностей, великоруссъ древняго знатнаго происхожденія. Будучи аристократомъ въ душѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы были заключить изъ его поступковъ) онъ, на первыхъ же порахъ пребыванія своего у насъ, вошелъ въ интимныя сношенія съ польскими помѣщиками, которые такъ ловко умѣли завлечь его въ свои сѣти, что онъ совершенно предался этимъ людямъ и высказывалъ неоднократно такую мысль: «Странное дѣло, какъ это Россія не видитъ, что въ этомъ краѣ нѣтъ ничего русскаго, что онъ составляетъ съ собственно-Польшею одно тѣло и одинъ духъ». Поляки, разумѣется, рукоплескали ему и сдѣлали въ честь его оваціи, а мы.... мы молча пожимали плечами. А что жъ прикажете дѣлать?....

ко-нибудь порядочныя общедоступныя сочиненія, которыя-бы вѣрно изображали нашу горькую долю? Давно-ли нѣкоторыя изъ петербургскихъ періодическихъ изданій серьозно толковали намъ о необходимости сносить всѣ выходки, всѣ капризы полонизма, называя всякое сопротивленіе съ нашей стороны *„національною безтактностью?“* Не упрекаютъ-ли и теперь наши газеты горячихъ защитниковъ нашей родины въ фанатизмѣ и, страшно сказать—въ умопомѣшательствѣ?! [2]) Положимъ, что подобныя статьи пишутся подъ впечатлѣніемъ минуты, слѣдовательно мимолетны и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны опытныхъ людей, но на молодежь онѣ производятъ надлежащее дѣйствіе. Гораздо хуже то, что всѣ наши руководства по русской исторіи составлены непростительно плохо въ томъ отношеніи, что въ нихъ недостаточно разъясняются происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе: къ ней обыкновенно относятъ только могилевскую и витебскую губерніи, а всѣмъ остальнымъ губерніямъ западнымъ даютъ названіе Литвы, не растолковавши

---

[2]) Читатели, полагаемъ, легко догадаются, что мы намекаемъ на статью редакціи **С.-Петербургскихъ Вѣдомостей** (№ 173), направленную противъ г. Николая Виноградова. Какъ неправа редакція въ обвиненіяхъ, взводимыхъ ею на этого человѣка, это здѣсь намъ всѣмъ очевидно и это покажетъ время; мы скажемъ только, что съ подобными отзывами не мѣшало бы быть вообще нѣсколько поосторожнѣе. Редакціи должно быть извѣстно, что молодые люди вообще слишкомъ благоговѣютъ предъ печатнымъ словомъ, полагая, что каждая газета управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, что она есть отголосокъ всего образованнаго класса, и вѣрятъ ея приговорамъ на слово, не подвергая ихъ ни малѣйшей критикѣ; тѣмъ болѣе они готовы приписать это значеніе такой распространенной газетѣ, какъ **С.-Петербургскія Вѣдомости**. А изъ этого можетъ выйдти то, что молодое поколѣніе бѣлоруссовъ, едва начавшее возрождаться къ новой жизни, можетъ потерять энергію и охоту прямо, честно, благородно отстаивать свою родину, нелицемѣрно имъ любимую, изъ опасенія прослыть фанатикомъ, умопомѣшаннымъ доносчикомъ! Мы бы одного только желали: поставить редакцію на наше мѣсто,—посмотрѣли бы мы тогда, какъ бы она заговорила? Вотъ въ томъ-то и бѣда наша, что большинство великоруссовъ судитъ о здѣшнихъ полякахъ по тѣмъ немногочисленнымъ полякамъ, которые временно къ нимъ являются. Ошибка непростительная! Тамъ у васъ они гости и потому дѣйствуютъ какъ гости, стараясь выказать себя съ самой лучшей, съ самой выгодной стороны, въ чемъ, какъ видно, вполнѣ успѣваютъ. Совсѣмъ не то эти господа здѣсь... Здѣсь они считаютъ себя хозяевами—и не дай Богъ никому считаться ихъ гостьми!

напередъ, въ ка омъ смыслѣ и по какой причинѣ это такъ дѣлается. Пишутъ цѣлые томы о варяго-руссахъ, о названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, о Тьмутаракани, а не хотятъ заняться изслѣдованіемъ нашей родины! Неудивительно послѣ этого, что каждый учащійся, а весьма часто и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, вполнѣ убѣжденъ, что въ такъ называемой Литвѣ живутъ *какіе-то* литовцы или поляки, тогда какъ литовское племя составляетъ большинство простаго народа въ одной ковенской губерніи и нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма ничтожныхъ частяхъ виленской и гродненской; въ минской же губерніи и въ $^3/_4$ виленской и гродненской простой народъ—Бѣлорусы; Поляковъ очень немного (къ нимъ слѣдуетъ причислить помѣщиковъ въ уѣздахъ и чиновниковъ въ городахъ). По этому и самое слово Литва, какъ вводящее многихъ въ заблужденіе, должно даваться не всему западному краю, а только той мѣстности, гдѣ дѣйствительно сплошная масса населенія литовскаго происхожденія. Промахи руководствъ рѣдко исправляются преподавателями, потому что и сами они частенько знаютъ край нашъ не болѣе того, что говорится о немъ въ руководствахъ. *) Современныя обстоятельства показали, что великоруссы должны вкоренять въ дѣтей своихъ, съ самаго малолѣтства, мысль, что Бѣлоруссія это таже Россія, какъ народъ, живущій въ ней, тотъ же самый русскій народъ что и въ губерніяхъ великорусскихъ, что языкъ его тотъ-же русскій, только нѣсколько измѣнившійся, вслѣдствіе долговременной зависимости Бѣлоруссіи отъ Польши. Все это такъ глубоко должно запасть въ душу русскаго юношества, какъ глубоко запало въ душу поляковъ убѣжденіе, что западный и юго-западный край—Польша, и что послѣдняя безъ первыхъ существовать не можетъ. Тогда великоруссы, пріѣзжающіе къ намъ, стояли бы на твердой почвѣ и придавали бы своей дѣятельности опре-

*) Редакторъ Вѣстника, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1861 г., развивалъ нѣкоторымъ административнымъ лицамъ свою мысль о пользѣ учрежденія спеціальныхъ каѳедръ исторіи Польши и западной Россіи не только въ университетѣ св. Владиміра, но и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ юго-западнаго и западнаго края, духовныхъ и свѣтскихъ. Съ мнѣніемъ его соглашались, обѣщали содѣйствовать его осуществленію этого мнѣнія, но, по видимому, забыли свое обѣщаніе. Ред.

дѣленный характеръ, чуждый всякого колебанія. Они бы не брали въ основу своихъ дѣйствій начало примиренія. Они бы знали, что попытки примирить бѣлорусскую національность съ польскою будутъ безполезны до тѣхъ поръ, пока поляки не откажутся отъ своихъ завѣтныхъ стремленій и надеждъ, пока они не станутъ смотрѣть на себя—не какъ на хозяевъ Бѣлоруссіи, а какъ на гостей, пока они не сознаютъ наконецъ, что нельзя ходить въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ,—а это послѣдуетъ развѣ тогда, когда „камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ". Отъ шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей на нашъ край, происходитъ и то, въ высшей степени грустное явленіе, что они, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, ополячиваются сами или, покрайней мѣрѣ, ополячиваютъ свое потомство, женившись на полькахъ, при чемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: „съ волками жить—по волчьи выть." Въ семействѣ, напримѣръ, гдѣ мать полька, можно смѣло ручаться, что, во первыхъ, господствующій языкъ исключительно польскій, и что, во вторыхъ, сыновья не то русскіе, не то поляки, такъ что-то средне пропорціональное, весьма впрочемъ жалкое, склоняющееся то на ту, то на другую сторону, смотря потому, откуда сильнѣе и благопріятнѣе дуетъ вѣтеръ. Они непремѣнно погибнутъ для русскаго дѣла, для русской земли, въ особенности если сблизятся въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ поляками, вступятъ въ ихъ кружки или женятся въ послѣдствіи на полькахъ. Что же касается дочерей такого семейства, то онѣ обращаются въ настоящихъ полекъ, бѣгаютъ ежедневно съ книжками въ костелъ и, о верхъ сумасбродства! торжественно увѣряютъ, что онѣ польки Russkiéj wiary!? Исключеніе изъ этого составляютъ только такія семейства, гдѣ отецъ человѣкъ твердый, энергическій, а мать женщина образованная, не фанатичка, вполнѣ понимающая, что не къ чему передѣлывать то, что уже разъ сдѣлано. Сюда слѣдуетъ также отнести и тѣ семейства, въ которыхъ мать русская, а отецъ полякъ, хотя это случается очень рѣдко, потому что поляки избѣгаютъ брака съ русскими дѣвицами. Члены такихъ семействъ почти всегда скло-

няются на сторону русскихъ, а нѣкоторые изъ нихъ, особенно дѣвушки, дѣлаются совершенно русскими. Но, повторяемъ, все это исключенія, слѣдовательно ихъ нельзя принимать въ расчетъ.

Чиновники второй категоріи, т. е. бѣлорусскаго происхожденія, должны быть раздѣлены также на два разряда: на чиновниковъ, вышедшихъ не изъ шляхетскаго сословія, и на чиновниковъ, считающихъ себя потомками шляхты, буянившей нѣкогда подъ знаменами Польши и вопившей на сеймахъ: nie pozwalam! Первые совершенно вѣрны своей національности, преданы Россіи, но все же они только чиновники, при томъ находящіеся подъ началомъ поляковъ, въ рукахъ которыхъ ихъ судьба. Имъ-ли думать о русской пропагандѣ?

Совсемъ другаго свойства бѣлоруссы втораго разряда: они съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками; бредятъ уніей, посѣщаютъ почти исключительно костелы, употребляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ; читаютъ только польскихъ авторовъ, знаютъ наизусть Мицкевича, Сырокомля, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и другихъ нашихъ литературныхъ дѣятеляхъ; въ восторгѣ отъ Пустовойтовой и ей подобныхъ ренегатовъ. Нѣсколько изъ этихъ молодчиковъ ушло даже до лясу, и намъ остается только пожалѣть, что и остальная этого рода сволочь не убралась туда же: по крайней мѣрѣ Бѣлоруссія очистилась бы отъ этихъ перевертней, отъ этой заразы. Оставаясь же среди насъ, они вредятъ намъ болѣе, чѣмъ поляки, потому что, прикрывшись православіемъ, они смѣлѣе дѣйствуютъ и въ недавно бывшихъ у насъ демонстраціяхъ, битіи оконъ, составленіи пасквилей, нерѣдко являлись коноводами или тайными подстрекателями.

Но есть у насъ и отрадныя явленія: это бѣлоруссы молодаго поколѣнія, только что выступающіе на поприще жизни, но уже вполнѣ сознавшіе свою русскую національность. Они горячо любятъ свою родину, убѣждены, что счастіе ея заключается въ возможно скорѣйшемъ слитіи не съ Польшею, какъ думаютъ нѣкоторые *поляки ruskiej wiary*, а съ Великороссіей, и въ этомъ

смисл̂ѣ позволяютъ себѣ высказываться уже довольно громко. Къ сожалѣнію, положеніе ихъ, покамѣстъ, крайне незавидно: съ одной стороны поляки, и въ особенности ополячившіеся русскіе, обрушиваются на нихъ градомъ насмѣшекъ, брани и клеветъ; съ другой и нѣкоторые истинно русскіе, Богъ ихъ знаетъ по какому побужденію, смотрятъ на нихъ съ какимъ-то недовѣріемъ и частенько задѣваютъ ихъ за самую чувствительную струнку. Нерѣдко отъ этихъ господъ можно слышать такой отзывъ: „помилуйте, какой онъ русскій, у него даже и фамилія не съ русскимъ окончаніемъ". Нерасчетливый, глупый отзывъ! Онъ можетъ выходить изъ устъ тѣхъ людей, которые до сихъ поръ коснѣютъ въ прежнемъ невѣжествѣ относительно Бѣлоруссіи, несмотря на то, что пора бы, кажется, имѣть хоть сколько нибудь правильный взглядъ на нее. Впрочемъ, и молодые бѣлоруссы не остаются въ долгу у такихъ великоруссовъ; они съ своей стороны не хотятъ признавать ихъ русскими! Очевидно, что одна нелѣпость стоитъ другой, и обѣимъ мы обязаны нашимъ мнимымъ пріятелямъ. Если бы это молодое поколѣніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, было нѣсколько многочисленнѣе и имѣло больше вѣсу, то оно подвинуло бы русское дѣло значительно, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время оно начинаетъ уже дѣйствовать и, какъ мы за достовѣрное слышали, успѣло убѣдить русскихъ дѣвицъ одного женскаго учебнаго заведенія говорить въ стѣнахъ его по русски, по крайней мѣрѣ, между собою. Честь-же и слава тебѣ, благородное юношество! Стремись впередъ по пути, тобою избранному! ты положишь краеугольный камень освобожденію твоей родины отъ гнета полонизма и счастливая жизнь нашихъ потомковъ будетъ лучшею твоею наградою за этотъ подвигъ!

Для полной характеристики нашего общества намъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ духовенствѣ и о нѣмцахъ, живущихъ среди насъ.

Городское духовенство наше, конечно, принадлежитъ къ числу немногихъ, но лучшихъ членовъ русскаго общества, и если бы оно пользовалось должнымъ ему, по всей справедливости, уваженіемъ, если бы оно не было стѣснено различными хитросплетеніями враждебной ему стороны, то содѣйствіе его русскому

дѣлу было-бы значительно.*) Покамѣсть-же оно считается русскимъ только потому, что всѣми силами поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ своей паствѣ православную вѣру. Откажись оно отъ употребленія польскаго языка, какъ у себя дома, такъ и въ обществѣ, и тогда мы охотно признали-бы его нашей путеводной звѣздой. Но, къ сожалѣнію, языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ плоть и кровь нашего духовенства, что, во первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковнослужителями, напримѣръ: panie Janie, prędzej księdzu kadzidło, и что, во вторыхъ, есть пастыри, которые исповѣдуютъ своихъ прихожанъ по польски.

О нѣмцахъ нашихъ не много приходится говорить. Они вѣрно, честно, служатъ Россіи, но странно было-бы требовать отъ нихъ слишкомъ большаго содѣйствія настоящему русскому дѣлу.

Вотъ и всѣ, или, по крайней мѣрѣ, главные элементы нашего общества. Скажите-же теперь откровенно, можетъ-ли такое общество дать надлежащій отпоръ польской пропагандѣ, и не правы ли мы были, объявивши въ началѣ этого письма, что у насъ, строго говоря, нѣтъ истинно русскаго общества?

Кто же долженъ принять на себя трудную обязанность вести у насъ борьбу съ полонизмомъ? Очевидно, что это святое дѣло можетъ быть съ успѣхомъ совершенно, при настоящихъ обстоятельствахъ, только при неослабномъ содѣйствіи правительства нашего. И есть основаніе надѣяться, что оно непозволитъ польскимъ пропагандистамъ забрать снова насъ въ свои руки, что оно подниметъ упавшій было нашъ духъ, что оно двинетъ къ

---

*) Къ сожалѣнію, мы должны указать на тотъ печальный но несомнѣнный фактъ, что великорусскіе чиновники въ западной Россіи, за рѣдкими исключеніями, какъ то особенно враждебно относились къ духовенству во всѣхъ случаяхъ столкновенія съ онымъ, а въ презрѣніи къ нему. кажется старались перещеголять самихъ враговъ православія—поляковъ. Намъ случалось быть свидѣтелями множества примѣровъ того явленія и повсемѣстно слышать жалобы самого духовенства, нашей журналистикѣ слѣдуетъ обратить серіозное вниманіе на жалкое гибельное для цѣлости Россіи поведеніе въ здѣшней странѣ чиновниковъ великоруссовъ. Ред. Вѣстника.

намъ массы здороваго, крѣпкаго великорусскаго населенія и размѣститъ его по канцеляріямъ, присутственнымъ мѣстамъ, учебнымъ заведеніямъ и по казеннымъ фермамъ. Когда все это приведется въ исполненіе, а привестись оно должно, говорятъ, непремѣнно, если Россія хочетъ, чтобы Бѣлорусія слилась съ нею окончательно,—тогда у насъ возникнетъ русское общество, которое дастъ такой отпоръ полонизму, что и духу его у насъ не останется.

А вы, братья великоруссы, студенты и слушатели университетовъ, такъ блистательно, энергически заявившіе свою готовность „отстаивать до послѣдняго издыханія интересы земли русской“, не отказывайтесь, по окончаніи курса наукъ, служить въ нашемъ краѣ, спѣшите къ намъ на помощь; мы примемъ васъ съ распростертыми объятіями! Тяжела подъ часъ будетъ ваша жизнь у насъ; много подъ часъ придется вамъ испытать у насъ, но не отъ насъ, глубокихъ огорченій и незаслуженныхъ поношеній. Но., да не смущается душа ваша, да укрѣпится она сознаніемъ важности той заслуги, которую вы принесете общему нашему отечеству своею благотворною дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Объ одномъ только просимъ васъ: прежде, чѣмъ отправится къ намъ, постарайтесь твердо выучить наизустъ польскій катихизисъ—знаніе его предохранитъ васъ отъ тѣхъ грубыхъ промаховъ, которые дѣлали у насъ даже лучшіе, даже опытнѣйшіе русскіе люди. (День).

Яковъ Балвановичъ.

Гродно 10 августа.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

I.

Данный на имя кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками кіевскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Анненкова 2-го.

Николай Николаевичъ! Назначая васъ главнымъ начальникомъ юго-западнаго края имперіи, я былъ заранѣе увѣренъ, что по свойственной вамъ вѣрноподданнической готовности, вы при-

мете это назначеніе и употребите всѣ мѣры къ предотвращенію мятежническихъ въ Польшѣ волненій, грозившихъ отразиться на польскомъ населеніи ввѣреннаго вамъ округа. Ожиданія МОИ вполнѣ оправдались: благодаря неутомимой дѣятельности и распоряженіямъ вашимъ, всѣ преступныя покушенія злоумышленниковъ на юго-западѣ Россіи остаются тщетными. Отдавая полную справедливость оказаннымъ вами заслугамъ, Я жалую васъ кавалеромъ Императорскаго ордена **св. Андрея Первозваннаго,** коего знаки при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ.

II.

Данный на имя виленскаго военнаго губернатора и гродненскаго, ковенскаго и минскаго генералъ-губернатора, командующаго виленскимъ военнымъ округомъ генерала отъ инфантеріи Муравьева 2-го.

Михаилъ Николаевичъ! Четыре мѣсяца тому назадъ Я призвалъ васъ къ управленію обширнымъ краемъ, гдѣ мятежъ, издавна подготовленный преступными кознями нѣкоторой части мѣстнаго населенія, поколебалъ основы гражданскаго порядка, разстроилъ всѣ отрасли администраціи и вызвалъ длинный рядъ кровавыхъ столкновеній. Не взирая на разстроенное долголѣтними трудами здоровье и сознавая всю тягость предстоявшаго вамъ дѣла, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли предложенное вамъ назначеніе. Неутомимою дѣятельностью вашею и энергическими распоряженіями, вы вскорѣ достигли желаемыхъ успѣховъ: въ большей части ввѣреннаго вамъ края, порядокъ уже возстановленъ; въ остальныхъ же мѣстностяхъ онъ постоянно водворяется. Благодаря вашимъ усиліямъ, приближается то время, когда, не обращаясь къ прискорбнымъ мѣрамъ строгости, можно будетъ приступить къ окончательному упроченію въ краѣ общественнаго спокойствія и къ возстановленію въ полной силѣ общихъ началъ гражданскаго управленія. Въ изъявленіи искренней признательности МОЕЙ за вашу всегдашнюю и безусловную готовность жертвовать собою на пользу Отечества, Я жалую васъ кавалеромъ Императорскаго ордена **св. апостола Андрея Первозваннаго**, знаки коего при семъ препровождая, съ особеннымъ

благоволеніемъ пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ."

Въ Царскомъ селѣ.
30-го августа 1863 года.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО.

Отъ дворянства ковенской губерніи.

„Всемилостивѣйшій Государь!"

„Революціонныя дѣйствія въ ковенской губерніи отразились болѣе рѣзкими дѣйствіями, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ западнаго края. Земля наша обагрена кровью. Множество невинныхъ жертвъ революціи. Матеріальныя потери неисчислимы.

„Отвергая всякое участіе въ дѣйствіяхъ революціонной партіи, дерзаемъ молить Твоего, великій Государь, милосердія, повергая твоему всемилостивѣйшему воззрѣнію участь дворянскаго сословія.

„Составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею подъ державнымъ скипетромъ Твоимъ, заявляемъ Тебѣ, августѣйшій Монархъ, чистосердечно чувства нашей неизмѣнной и навсегда вѣрноподданнической преданности".

Подлинное подписалъ: по довѣренности уполномочившихъ дворянъ, Вашего Императорскаго величества вѣрноподданный, исправляющій должность ковенскаго губернскаго предводителя дворянства, гвардіи ротмистръ Фелиціанъ Евстафьевъ сынъ Карпь.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, на адресѣ этомъ подписалось 1066 дворянъ и еще продолжаются подписки; на адресѣ виленскихъ дворянъ подписалось болѣе 2067.

Корреспонденція газеты С.-П. Вѣдомостей. Намъ сообщаютъ, въ письмѣ изъ Ковна отъ 27 августа, слѣдующіе факты:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Кто не былъ у насъ мѣсяца три-четыре тому назадъ, и теперь, наприм. вчера,

взглянулъ бы на нашъ городъ, тотъ не повѣрилъ бы разсказамъ о томъ гнетѣ польщизны, какимъ еще такъ недавно придавлено было все русское въ этомъ краѣ. Теперь все измѣнилось: народъ отъ постоянныхъ тревогъ со стороны мятежниковъ перешелъ къ спокойствію и мирнымъ занятіямъ. Помѣщики изъ пошатнувшихся въ своемъ долгѣ пришли къ убѣжденію въ невозможности отдѣлиться отъ Россіи и отправили въ Вильно къ главному начальнику края, для представленія Государю Императору, всеподданнѣйшій адресъ съ увѣреніемъ въ искреннемъ ихъ желаніи быть вѣрными сынами Россіи. Городъ нашъ, бывшій чуть не второю Варшавой, теперь сдѣлался русскимъ городомъ. Еще недавно онъ ни въ чемъ не отставалъ отъ Варшавы. Тотъ-же глубокій трауръ, тѣже къ русскимъ со стороны поляковъ дерзости, наглости, плеванія, битье оконъ; тѣже манифестаціи, демонстраціи, гимны, открытыя панихиды по мятежникамъ, празднованіе дня соединенія Литвы съ Польшею и тому подобныя дѣйствія. Теперь свободнѣе дышать, свободнѣе ходить, свободнѣе говорить, не озираясь на всѣ стороны, и не опасаясь уже за русскую рѣчь. Вчера мы праздновали день коронованія Государя Императора съ полнымъ торжествомъ русской народности, русскаго чувства. Въ 9½ часовъ всѣ военные и гражданскіе чины отправились поздравить начальника губерніи, Н. М. Муравьева. Оттуда—въ Александроневскій соборъ, гдѣ всѣмъ наличнымъ духовенствомъ отслужена была обѣдня, а потомъ, по многочисленности народа, невмѣстившагося въ стѣнахъ церкви, молебенъ служили на плацу передъ церковью, гдѣ выстроено было войско. Войско стояло развернутымъ фронтомъ съ трехъ сторонъ передъ ковенскимъ памятникомъ, построеннымъ въ воспоминаніе 1812 года, а предъ памятникомъ налой и духовенство съ иконами. Трогательное впечатлѣніе производило на всѣхъ это богослуженіе подъ открытымъ небомъ, и въ такое время! Послѣ молебна, когда возглашено было многолѣтіе Государю Императору, грянули залпы пушечныхъ выстрѣловъ, покатились громомъ по горамъ Ковна и отражаясь отъ горъ тысячью отголосковъ, понеслись по теченію Нѣмана въ отдаленныя села возвѣстить о нашемъ народномъ празднествѣ. Когда-же по окончаніи парада и окропленіи солдатъ святой водою, духовенство воротилось въ

церковь и начальникъ губерніи Н. М. Муравьевъ, поздравилъ солдатъ,—громогласное ура огласило всю площадь и долго не умолкало въ рядахъ войска. По окончаніи парада ковенское еврейское общество на площади предложило угощеніе бывшимъ здѣсь нижнимъ чинамъ водкою, пивомъ, говядиною и бѣлымъ хлѣбомъ, а офицеровъ пригласило на обѣдъ, и кромѣ того пожертвовало 3000 р. въ пользу пострадавшихъ отъ мятежа, или для употребленія по усмотрѣнію генералъ-губернатора М. Н. Муравьева. При угощеніи солдатъ первая чарка предложена была начальникомъ губерніи за здоровье Государя Императора, вторая раввиномъ за здравіе главнаго начальника края, М. Н. Муравьева, третья начальникомъ же губерніи за здравіе командующаго войсками ковенской губерніи, князя Яшвиля, четвертая генераломъ Беклемишевымъ за здравье Н. М. Муравьева. Между тѣмъ какъ солдаты оканчивали свою закуску, еврейское общество пригласило начальника губерніи въ синагогу присутствовать при ихъ моленіи за Государя Императора. Синагога была убрана прекрасно. Цвѣты и гирлянды живой зелени и особенно великолѣпный балдахинъ, по сторонамъ съ вензелями Государя Императора и Государыни Императрицы, и подъ балдахиномъ два серебряныя изображенія десяти заповѣдей. Пѣты были псаломъ Давида „Господи, силою Твоею возвеселится царь„ и еще молитва за царя и „Боже Царя храни“ на еврейскомъ языкѣ; все это пѣлъ одинъ пѣвецъ-еврей, но пѣлъ великолѣпно, такъ что всѣ вышли изъ синагоги съ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Оттуда начальникъ губерніи, всѣ военные и почетнѣйшіе гражданскіе чиновники отправились въ залу ратуши на обѣдъ, данный ковенскимъ еврейскимъ обществомъ. Издѣсь повторились тѣ же тосты, что и прежде, и еще одинъ за князя Горчакова, о чемъ посланы депеши главному начальнику края, М. Н. Муравьеву и князю Горчакову. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ великолѣпно, въ полномъ значеніи этого слова. Почти на каждомъ домѣ, на балконахъ или окнахъ, были вензеля Государя Императора, украшенные цвѣтами и гирляндами живой зелени; сотни тысячь плошекъ превратили ночь въ день; преимущественно колокольни костеловъ и многіе дома, украшенные разноцвѣтными фонарями, а также смоляныя бочки,

горѣвшія на вершинѣ горъ, представляли чудный видъ. Особенно красиво былъ иллюминованъ городской садъ при домѣ начальника губерніи. Между этимъ множествомъ огней красовался вензель съ надписью: „Царю-Освободителю". Толпы народа на улицахъ и въ саду гуляли до полуночи; два оркестра полковой музыки еще болѣе оживляли гулянье. Въ саду, въ палаткахъ, устроены были буфеты, разставлены столы, и нужно сказать къ чести нашихъ солдатъ, что при этомъ вполнѣ народномъ гуляньѣ мы не видѣли ни одного изъ нихъ пьянымъ. Вдругъ весь садъ, вся прилѣгающая улица, наполненная народомъ, огласилась безконечнымъ *ура*. Вскорѣ мы узнали, что причиною того былъ отвѣтъ изъ Вильна отъ главнаго начальника края на поздравительную депешу, объявленный народу Н. М. Муравьевымъ съ балкона его дома. Мы сами слышали въ толпѣ гуляющаго народа отзывъ, что подобнаго дня разъ въ двадцать лѣтъ только можно дождаться. Для насъ, русскихъ, особенно послѣ двухъ лѣтъ, пережитыхъ въ западно-русскомъ краѣ, отрадно было видѣть, какъ еще за нѣсколько дней до нашего торжества дѣлались приготовленія къ празднованію этого дня. Прежде поляки освѣщали свои дома меньше, чѣмъ въ обыкновенные дни, а мы, русскіе, иллюминуя свои дома и казенныя заведенія, должны были нанимать караульныхъ, чтобы они стерегли окна отъ побитія; теперь же сами поляки хлопотали, каждый подлѣ своего дома, чтобы иллюминація была великолѣпнѣе. Иванъ Шульгинъ.

ВИЛЬНО.—Вчера, 30 августа, въ высокоторжественный день, тезоименитства Его Императорскаго Величества, въ 10 часовъ утра, г. главный начальникъ края, генералъ отъ инфантеріи М. Н. Муравьевъ 2-й изволилъ принимать поздравленія отъ духовенства всѣхъ исповѣданій, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, представителей городскихъ сословій, старшинъ и выборныхъ разныхъ сельскихъ обществъ. Въ главѣ дворянства находился виленскій губернскій предводитель дворянства, камергеръ, дѣй. ст. сов. А. Ѳ. Домейко, совершенно оправившійся послѣ нанесенныхъ ему ранъ злодѣемъ Беньковскимъ. Весьма многіе, до выхода г. главнаго начальника края, спѣшили заявить Александру Ѳадде-

евичу свое искреннее участіе и радость по случаю выздоровленія. Его высокопревосходительство, подходя къ каждому изъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, удостоивалъ всѣхъ нѣсколькими привѣтливыми словами. Представители сельскихъ обществъ, въ числѣ слишкомъ 100 человѣкъ, поднесли его высокопревосходительству хлѣбъ соль, при особыхъ письмахъ, съ изъявленіемъ благодарности. „Если мы обязаны свободой ЦАРЮ Освободителю", говорятъ опи въ письмахъ своихъ, — „то спокойствіемъ нашимъ обязаны Тебѣ, Михаилъ Николаевичъ! Вотъ почему съ радостію и усердіемъ приносимъ мы Тебѣ початокъ отъ плодовъ родной земли, нашу хлѣбъ-соль, и молимъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ Тебя не только для насъ, но и для блага всего нашего, издревле западно-русскаго края". Его высокопревосходительство, принявъ отъ старшинъ и выборныхъ хлѣбъ соль и письма, благодарилъ ихъ за содѣйствіе къ прекращенію мятежа, учрежденіемъ сельскихъ карауловъ и за ревностное исполненіе обязанностей вѣрноподданнической присяги.

Причемъ всѣ 30 волостей временно-обязанныхъ крестьянъ дисненскаго, 34 волости виленскаго уѣзда и 3 волости трокскаго уѣзда, а равно государственные крестьяне 3 сельскихъ обществъ виленскаго уѣзда, 5 виленскаго и 5 дисненскаго имѣли счастіе представить его высокопревосходительству, чрезъ присланныхъ отъ себя депутатовъ, всеподданнѣйшія письма на Имя Государя Императора, съ изъясненіемъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Въ это же время главнымъ начальникомъ края, пожалованы и возложены серебрянныя медали съ надписью „за усердіе" на анненской лентѣ, находившимся въ числѣ представлявшихся крестьянъ, крестьянину дисненскаго уѣзда, константиновской волости, Николаю Ворилло и старшинѣ виленскаго уѣзда, кореличской волости, Виктору Новойчеку, за взятіе ими, съ опасностію жизни и представленіе властямъ мятежниковъ.

Въ $10^1/_2$ ч., въ каѳедральномъ соборѣ св. Николая преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, отслужена соборнѣ, божественная литургія, а по окончаніи ея, высокопреосвященнымъ Іосифомъ, членомъ святѣйшаго правительствующаго сунода, митрополитомъ литов-

скимъ и виленскимъ, совершено молебствіе, и при провозглашеніи многолѣтія Его Императорскому Величеству и всей Августѣйшей фамиліи изъ виленскихъ укрѣпленій сдѣланъ былъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ. Божественная литургія и молебствіе совершены въ присутствіи г. главнаго начальника края, всѣхъ генераловъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и при большомъ собраніи дворянства, купечества и народа.

Въ то же время въ римско-католическомъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава и въ храмахъ всѣхъ другихъ исповѣданій совершены молебствія о здравіи и благоденствіи Ихъ Величествъ и всей Августѣйшей фамиліи.

Въ соборѣ распространилось извѣстіе о полученной телеграфической депешѣ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи г. главному начальнику края ордена св. Андрея Первозваннаго, и потому присутствующіе, по окончаніи молебствія, здѣсь же въ соборѣ, спѣшили принести Его Высокопревосходительству поздравленіе съ Монаршею милостію. Передъ соборомъ произведенъ былъ церковный парадъ, въ коемъ участвовали команды отъ всѣхъ войскъ, въ Вильнѣ расположенныхъ. На поздравленіе г. главнаго начальника края съ дорогимъ для всѣхъ русскихъ днемъ тезоименитства Государя Императора войска отвѣчали долго неумолкавшими криками „ура." При возвращеніи его высокопревосходительства войска и народъ также оглашали воздухъ громкими и безпрестанно возобновлявшимися восторженными кликами „ура!"

Изъ собора всѣ гг. военные и гражданскіе чины и дворянство поспѣшили вновь во дворецъ для принесенія поздравленія его высокопревосходительству.

Въ главной еврейской синагогѣ происходило въ 2 часа по полудни молебствіе, въ присутствіи г. начальника виленской губерніи и многихъ почетныхъ посѣтителей, при многочисленномъ собраніи евреевъ. Послѣ молебствія и прекрасной рѣчи раввина Штейнберга, воспитанники раввинскаго училища отлично пропѣли на русскомъ языкѣ гимнъ „Боже, Царя храни!" Гармоническое и чисто музыкальное пѣніе главнаго кантора и пѣвчихъ синагоги— обратило на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ.

Виленскія купеческія христіанское и еврейское общества угостили всѣхъ нижнихъ чиновъ войскъ, квартирующихъ въ г. Вильнѣ, предложивъ каждому изъ нихъ по чаркѣ вина, по фунту говядины и по булкѣ пшеничнаго хлѣба, въ числѣ 9500 порцій.

Передъ началомъ представленія въ городовомъ театрѣ исполненъ былъ гимнъ: „Боже, Царя храни!" нѣсколько разъ повторенный по единодушному желанію публики.

Городъ былъ иллюминованъ также блистательно, какъ и въ минувшій праздникъ, 26-го. Жители соперничаютъ другъ передъ другомъ, чтобы лучше украсить свои окна, ворота домовъ, башни храмовъ. Торжественныхъ аркъ на углахъ перекрестныхъ улицъ, транспарантовъ съ вензеловыми изображеніями Имени Государя, гирляндъ изъ зелени и цвѣтовъ, было еще больше прежняго; на Замковой горѣ, сожженъ былъ фейерверкъ. Вся гора была освѣщена бенгальскими огнями. Видъ съ каѳедральной площади былъ превосходный. Не смотря на дождь многочисленное собраніе народа наполняло площадь и бульвары.

Празднованіе торжественныхъ Царскихъ дней; участіе, которое принимало въ немъ все населеніе города, лучше всего опредѣляютъ общественное настроеніе умовъ. Чувствуя себя освобожденными отъ столь продолжительнаго хаотическаго броженія умовъ, видя какъ повсюду водворяется порядокъ и благоустройство по всѣмъ отраслямъ и огражденіе отъ революціонныхъ посягательствъ не только на имущество, но и на жизнь, каждый какъ кто могъ, спѣшилъ заявить свое сочувствіе и преданность и выказать свою радость.

— Въ Вильнѣ получены извѣстія, что 27-го минувшаго іюля въ день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы, жители г. Новоалександровска, ковенской губерніи, отслуживъ торжественное молебствіе за здравіе и благоденствіе Его Императорскаго Величества, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома — православные въ соборной церкви, старообрядцы въ молитвенномъ домѣ, католики — въ костелѣ и евреи — въ синагогѣ, — собрались, послѣ молебствія, къ военному начальнику Новоалександровскаго уѣзда, для изъявленія чувствъ вѣрноподданнической преданности Его Императорскому Величеству. Кромѣ того, по-

жертвовали, для приготовленія въ этотъ торжественный день пищи для бѣдныхъ,—еврейское общество 20 р., а старообрядческое 6 рублей серебромъ. Въ новоалександровскомъ уѣздѣ теперь повсемѣстно водворено спокойствіе и жители почти всѣхъ волостей изъявили желаніе отслужить торжественное молебствіе за освобожденіе ихъ отъ мятежниковъ, которыхъ не только въ этомъ уѣздѣ, но и въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ вилкомирскимъ и поневѣжскимъ уѣздами, нигдѣ нѣтъ. Крестьяне дусятскаго и подусятскаго сельскихъ обществъ, новоалександровскаго уѣзда, 20-го іюля, собравшись въ числѣ 600 человѣкъ въ м. Антолептахъ и пригласивъ становаго пристава, отслужили благодарственное молебствіе за здравіе Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Дома и за прекращеніе мятежа. Отслушавъ литургію, совершенную въ православной церкви, крестьяне собрались на площади и здѣсь поклялись содѣйствовать всѣми силами къ скорѣйшему возстановленію порядка, не щадя для того ни трудовъ, ни издержекъ. Новоалександровскій военный начальникъ, при объѣздѣ уѣзда, былъ встрѣчаемъ крестьянами съ хлѣбомъ-солью и съ радушнымъ привѣтомъ, крестьяне вездѣ наперерывъ старались высказать свое расположеніе правительству и готовность содѣйствовать ему въ прекращеніи смутъ и безпорядковъ. Въ заштатномъ городѣ Видзы онъ былъ встрѣченъ городскимъ вооруженнымъ карауломъ въ полномъ сборѣ, а городскія общества, русское и еврейское, поднесли ему хлѣбъ-соль и адресы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Его Императорскому Величеству и готовности пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ для блага отечества. (Сѣв. Поч.).

— СЛОНИМЪ, 26 августа. Радостный день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ г. Слонимѣ празднуемъ былъ съ невиданною доселѣ торжественностію. Въ 10 ч. утра въ походной церкви послѣ совершенія св. литургіи, отслужено было молебствіе, послѣ котораго произведенъ церковный парадъ отъ артиллерійской бригады и староингерманландскаго полка. Причемъ военный слонимскій начальникъ возложилъ знаки военнаго ордена, пожалованные г. главнымъ начальникомъ края,

на отличившихся нижних воинских чинов, на что войска отвѣчали продолжительными и восторженными кликами: ура!

Затѣмъ слонимское еврейское общество тутъ-же на площади угощало войска.

Къ этому дню собрались въ г. Слонимѣ почти всѣ помѣщики и дворяне и въ этотъ торжественный день подписали всеподданнѣйшее письмо отъ дворянъ слонимскаго уѣзда, съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Письмо это отправлено съ избранною депутацією въ г. Гродно, къ г. начальнику губерніи.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Башня костела и всѣ дома залиты были огнями. Толпы гуляющихъ наполняли улицы и площадь; въ заключеніе же полковая музыка и хоръ пѣвчихъ исполнили народный гимнъ: „Боже, Царя храни!“ сопровождавшійся оглушительнымъ ура! Затѣмъ военные и гражданскіе чины и гг. помѣщики были приглашены въ мѣстную синагогу, гдѣ, послѣ молебствія за Государя Императора и всю Августѣйшую Фамилію, исполненъ былъ народный гимнъ, на русскомъ языкѣ. По выходѣ изъ синагоги еврейское общество предложило всѣмъ своимъ гостямъ бокалы шампанскаго. Присутствующіе съ особеннымъ восторгомъ, при радостныхъ кликахъ, провозгласили тосты за здравіе обожаемаго Монарха, а потомъ за здравіе г. главнаго начальника края.

И такъ, Слонимъ отпраздновалъ этотъ радостный день съ подобающею торжественностію. Мы счастливы, что на долю нашего Слонима палъ жребій, первому изъ уѣздовъ гродненской губерніи, послѣ смутъ и треволненій, заявить свои искреннія вѣрноподданническія чувства отъ всѣхъ сословій города и уѣзда; ибо кромѣ дворянъ, представляются также всеподданнѣйшія письма отъ крестьянъ и городскихъ сословій.

— ДИНАБУРГЪ, 26-го числа. По случаю дня коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ городъ Динабургъ былъ весь иллюминованъ; особеннымъ убранствомъ отличались дома купцовъ: Фридляндовъ, Малкіеля, Вѣткина, Формакова, гостинный дворъ, домъ Клочковскаго, гимназія, воксалъ рижской желѣзной дороги и почти всѣ дома въ крѣпости. Во множествѣ домовъ окна были

убраны зеленью, цвѣтами, транспарантами и портретами Государя Императора и Государыни Императрицы; у гимназіи пѣли пѣсни солдаты могилевскаго резервнаго пѣхотнаго полка; крѣпостной и частный садъ, принадлежащій полковнику Гагельстрому, были, можно сказать, великолѣпно иллюминованы, въ бесѣдкахъ садовъ играла музыка и танцовала публика. Народъ огромными массами двигался изъ улицы въ улицу, восхищаясь иллюминаціею, которой уже давно здѣсь не было.

Въ крѣпостномъ саду по требованію публики былъ нѣсколько разъ съигранъ народный гимнъ „Боже, Царя храни", сопровождавшійся каждый разъ восторженными криками „ура!" Явственно было искреннее участіе всѣхъ сословій въ праздновaніи этого дня.

— ВИЛЬНО. Уже не однократно мы сообщали свѣдѣнія о возвращающихся изъ мятежническихъ шаекъ и просящихъ о помилованіи. Число ихъ въ разныхъ мѣстахъ постоянно увеличивается. Такъ, напр. въ г. Слонимѣ явилось къ военному начальнику къ 26 августа 30 человѣкъ. Въ г. Ковнѣ каждый день являются съ повинною изъ мятежническихъ шаекъ, и уже однихъ дворянъ исполнило присягу, въ присутствіи г. управляющаго губернію, болѣе 40 человѣкъ. Всѣ ихъ показанія, а равно и получаемыя донесенія отъ мѣстныхъ начальствъ удостовѣряютъ, что мятежническія шайки расходятся, въ лѣсахъ же, въ разныхъ мѣстахъ, остаются одни начальники, окруженные 5 или 6 человѣками, кои по своему положенію немогутъ воспользоваться прощеніемъ. Независимо отъ сего по разнымъ уѣздамъ безпрестанно являются изъ шаекъ къ военнымъ начальникамъ въ значительномъ числѣ простолюдины и мѣлкая шляхта, кои по приведеніи къ присягѣ водворяются на мѣстѣ жительства. Въ Вильнѣ, въ минувшее воскресенье, т. е. 1. сент., въ костелѣ св. Іоанна исполнили присягу въ присутствіи г. начальника губ. и г. виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства гр. Плятера, возвратившіеся изъ шаекъ и явившіеся къ начальству съ чистосердечнымъ раскаяніемъ дворяне Брониславъ Минейко и Иванъ Сухецкій. Здѣсь же въ

костелѣ г. начальникъ губерніи объявилъ имъ Всемилостивѣйшее Государя Императора прощеніе и оба они возвратились въ свои семейства.

— **Кіевъ.** По случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, сентября 8-го, его высокопреосвященство Арсеній, митрополитъ кіевскій и галицкій, по возвращеніи изъ епархіи, съ прочимъ духовенствомъ, въ присутствіи его высокопревосходительства главнаго начальника края, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и многочисленномъ стеченіи народа, изволилъ служить божественную литургію соборнѣ съ молебнемъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Отъ войскъ составляющихъ кіевскій гарнизонъ былъ военный парадъ. По окончаніи молебствія на Александровскихъ возвышенностяхъ раздался 101 пушечный выстрѣлъ.

Кіевъ, 11 сентября. — Давно мы не запомнимъ такой прекрасной осени, какъ въ настоящемъ году. Небо ясное, голубое — ка ъ лазурь, вечера теплые и воздухъ свѣжій, ароматическій — какъ весною. Въ городѣ повсемѣстная тишина и спокойствіе; польскія затѣи до того пріутихли, что мы перестали и думать о тѣхъ страшныхъ угрозахъ, которыя сулили намъ, отъ нечего дѣлать, праздные вѣстовщики. Не смотря на страшное безденежье, кризисъ и трудный заемъ денегъ даже подъ самое вѣрное обезпеченіе съ предложеніемъ баснословныхъ процентовъ, даже по три и четыре въ мѣсяцъ, торговля и промышленность идутъ своимъ обычнымъ чередомъ. Базары загромождены множествомъ повозокъ съ зеленью, огородными овощами, фруктами и т. п., которые продаются не дорого, и жители стараются запастись на зиму, такъ какъ въ это время года барышницами-торговками они продаются по баснословнымъ цѣнамъ. Общество наше по прежнему продолжаетъ веселиться и пользуясь прекрасной погодой наполняетъ гулянья въ Шато-де-Флеръ, которыя по возможности стараются разнообразить то хоромъ московскихъ цыганъ, то фейерверками, то воздушными шарами, гимнастическими представленіями и т. п. Гулянья эти замѣтно сблизили наше страшно разъединенное общество и можно сказать безъ преувеличенія, отъ

были какъ бы примирителями двухъ партій: аристократической и демократической, которыя еще такъ недавно съ искоса посматривали одна на другую. На послѣднемъ гуляньи 8-го сентября, по случаю рожденія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго князя Николая Александровича, особенно было роскошно и многолюдно. Блестящій фейерверкъ окончился вензельнымъ изображеніемъ имени Его Высочества при исполненіи народнаго гимна: „Боже Царя храни!“ и единодушныхъ крикахъ „ура“ всѣхъ гуляющихъ, пробывшихъ на этомъ праздникѣ до 11 часовъ ночи. Въ числѣ посѣтителей было весьма много полекъ—мы съ удовольствіемъ замѣтили, что наряды ихъ не были траурные, а общепринятые, какъ и подобаетъ всѣмъ жителямъ, обитающимъ въ искони-русскомъ городѣ. Многія польки теперь сами убѣдились въ неосновательности затѣй, которыя не могли привести ни къ чему хорошему, а напротивъ заблаговременно предсказывали погибель, въ чемъ рано или поздно они должны были убѣдиться. Кіевс. Тел.

— **Первый крестьянскій праздникъ перваго дня прекращенія обязательныхъ отношеній къ помѣщику, во 2-мъ мировомъ участкѣ, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи.**—Обнародованный, 30 минувшаго августа, Высочайшій указъ о прекращеніи съ 1-го сентября обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами кіевской, подольской и волынской губерній, произвелъ на крестьянъ самое благодѣтельное впечатлѣніе: радость свою они изъявляютъ, какъ могутъ. Такимъ образомъ 1-го сентября, въ воскресенье, по утру, выборный староста села Староселецъ явился къ мировому посреднику радомысльскаго уѣзда Ворооломею Ивановичу Сивицкому, съ приглашеніемъ его отъ имени всего общества, по русскому обычаю, въ тотъ день хлѣба-соли откушать. Принявъ приглашеніе, какъ знакъ полнаго довѣрія крестьянъ, мировой посредникъ тотъ-часъ отправился въ село Старосѣльцы, гдѣ по совершеніи въ его присутствіи, мѣстнымъ благочиннымъ въ тамошней церкви обѣдни и молебна съ колѣнопреклоненіемъ, заказанныхъ крестьянами, о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго дома, крестьянское общество

предложило обѣдъ подъ открытымъ небомъ, на нарочно приготовленныхъ для того столахъ, на триста человѣкъ. Кромѣ мѣстныхъ почетнѣйшихъ крестьянъ, ближайшихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, были приглашены къ столу ротный командиръ и одинъ офицеръ квартирующаго въ радомысльскомъ уѣздѣ полка. Обѣдъ продолжался весьма чинно и прилично; крестьяне сообщали другъ-другу свою радость о настоящихъ ихъ правахъ и обязанностяхъ, вспоминая смутное прошедшее, а радушію и гостепріимству не было конца, а когда мировой посредникъ предложилъ выпить за здоровье Государя Императора, Государини Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго дома, то всѣ крестьяне и прочіе гости потрясли воздухъ продолжительнымъ единодушнымъ ура, съ сердечными пожеланіями долгоденствія и счастія Царю-Освободителю и всему Царствующему Дому. При этомъ крестьяне, не находя словъ благодарности, роняли горячія слезы радости, и помолясь Богу, спокойно разошлись по домамъ. Такъ отпразднованъ первый день прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику.

Кіевс. Тел.

— **Изъ Житоміра.**—(Отъ корреспондента Кіевскаго Телеграфа), отъ 5 сентября.—День 30 августа долго будетъ вспоминать Житоміръ. Въ этотъ день онъ отпраздновалъ освобожденіе крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, большею частію полякамъ, стало быть враждебно смотрѣвшимъ на здѣшнюю коренную народность. По волѣ Царя народъ сдѣлался собственникомъ, освободился отъ власти польскихъ помѣщиковъ, отъ той пропаганды, которая нѣсколько вѣковъ тяготѣла надъ здѣшнимъ краемъ, стараясь его ополячить и окатоличить, и своею іезуитскою политикою она сдѣлала много зла для Волыни. Со времени присоединенія Волыни къ прежнему отечеству тайное польское вліяніе все таки тяготѣло надъ здѣшнимъ краемъ; оно успѣло оказать вліяніе на русское населеніе, имѣвшее несчастіе по различнымъ обстоятелствамъ быть въ близкомъ столкновеніи съ поляками.

Лучшая участь можетъ ожидать здѣшній край, особенно

если постараются искоренить чуждый элементъ, вкравшійся сюда нечувствительно, уже послѣ присоединенія Волыни къ Россіи. Тутъ предстоитъ еще много дѣятельности и дѣятельности энергической; но настоятельная нужда сдѣлать вотъ что: удалить всѣхъ чиновниковъ—поляковъ, особенно съ такихъ должностей, гдѣ сколько нибудь замѣшаны интересы крестьянскаго сословія, т. е. мировыхъ посредниковъ, чиновниковъ палатъ государственныхъ имуществъ, гражданскаго и уголовнаго суда, всѣхъ безъ изъятія полицейскихъ чиновниковъ, волостныхъ писарей, выборъ которыхъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ поляковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо усилить средства сельскихъ школъ, ни въ какомъ случаѣ не назначать учителями лицъ католическаго исповѣданія, даже и такихъ православныхъ, которые женаты на полькахъ. Это фактъ, что въ семействахъ русскихъ, гдѣ жена полька, польское и неразлучное съ нимъ католическое вліяніе бываетъ велико. Я не знаю почти ни одного примѣра, чтобы жена полька не оказала вреднаго вліянія на семейство, не сдѣлала мужа и дѣтей, особенно послѣднихъ, полукатоликами и не ввела въ домъ употребленія польскаго языка. Лица православнаго исповѣданія, женатыя на полькахъ, положительно вредны для всего западнаго края. Тутъ одинъ исходъ: если православный вступаетъ въ бракъ съ католичкою, высылать его отсюда.

Постараюсь описать хоть кратко этотъ важный для Волыни день, совпавшій съ праздникомъ и торжествомъ для всей Россіи. И самая погода благопріятствовала торжеству. Еще наканунѣ, 29 августа, начали собираться въ городъ волостные старшины изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи, вызванные начальствомъ. Явилась и сельская стража изъ близлежащихъ селеній, и пѣшая и конная.

Поутру, въ 10 часовъ, совершена была обѣдня въ соборѣ высокопреосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ волынскимъ, со всѣмъ благолѣпіемъ, приличнымъ торжеству. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь была биткомъ набита народомъ; многія изъ дамъ явились въ сарафанахъ, хотя въ кринолинахъ и со шлейфами. Любопытно было бы знать, какую цѣль имѣла эта перемѣна костюма, надѣтаго только на одинъ разъ.

Послѣ молебствія за здравіе и многолѣтіе возлюбленнаго Государя, отца русскаго народа, въ продолженіи почти четверти часа, переливался громъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Минута была дѣйствительно торжественная!

Послѣ молебствія все житомирское духовенство вышло на площадь къ устроенной возлѣ собора палаткѣ, вокругъ которой стояли старшины и войска. Г. начальникъ губерніи поздравствовался сначала съ войсками, потомъ подошелъ къ старшинамъ и поздравилъ ихъ съ Монаршею милостью; сказалъ, что они теперь собственники. Припомнилъ имъ то, что когда-то говорилъ имъ, когда они изъявляли желаніе идти на царскій выкупъ—что нужно заслужить милость Царя. И вотъ они заслужили ее тѣмъ, что первые заявили протестъ противъ притязаній, выраженныхъ въ адресѣ подольскихъ помѣщиковъ, и тѣмъ, что при возстаніи поляковъ на Волыни въ нынѣшнемъ году, они первые бросились для ихъ усмиренія, прежде чѣмъ войско успѣло что либо сдѣлать съ крамольниками. И вотъ въ награду за все это они теперь собственники. Потомъ прочиталъ положенія объ окончательномъ освобожденіи ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, сказалъ, что теперь они уже свободны, наконецъ, поздравилъ ихъ съ Монаршею милостью отъ православнаго духовенства и русскаго дворянства. Высокопреосвященный Антоній подошелъ къ представителямъ крестьянъ, сказалъ имъ исполненную чувства рѣчь: сказалъ, какъ они должны понимать эту свободу; что съ перемѣною отношеній къ помѣщикамъ, они преобразуются въ сосѣдей ихъ; и если эти сосѣди будутъ добры къ нимъ, то они должны пользоваться ихъ совѣтомъ; а если эти сосѣди будутъ нуждаться въ ихъ трудѣ за вознагражденіе, то они не должны отказывать имъ въ помощи, и прибавилъ, что для блага своего они должны трудиться и исполнять всѣ лежащія на нихъ повинности.

Къ сожалѣнію моему я не могу привести вполнѣ ни энергической рѣчи, сказанной г. начальникомъ губерніи, ни глубоконравственной рѣчи, произнесенной высокопреосвященнымъ. При многолюдствѣ, которое было на площади, и при томъ на открытомъ воздухѣ, трудно было все слышать.

Послѣ рѣчей совершено было молебствіе на площади съ

провозглашеніемъ многолѣтія возлюбленному Монарху и искони вѣрному православному народу. Послѣ молебствія губернаторъ еще разъ обратился къ старшинамъ съ словами: „я вамъ говорилъ когда-то, чтобъ вы были терпѣливы и вотъ наконецъ ваше терпѣніе увѣнчалось успѣхомъ: вы теперь свободны. Когда жена и дѣти попросятъ у васъ подарка, который привезли вы имъ изъ Житоміра, вы скажете имъ: вотъ вамъ подарокъ—Царская милость, и она безъ сомнѣнія обрадуетъ ихъ больше всякихъ подарковъ."

За тѣмъ старшины, войска и сельская стража, при звукахъ музыки, отправились на обѣдъ, устроенный въ губернаторскомъ саду на счетъ пожертвованій городскаго общества, въ которыхъ принимали участіе русское и еврейское купечество. Дамы, явившіяся въ сарафанахъ, были главными распорядительницами угощенія. И во время обѣда г. начальникъ губерніи нѣсколько разъ обращался къ крестьянамъ съ словами, исполненными чисто русскаго чувства, предложилъ тостъ за здоровье Государя Императора, сопровождавшійся энергическимъ „ура" и громомъ пушечныхъ выстрѣловъ, потомъ предложилъ тостъ за здоровье православнаго духовенства, дворянства, и наконецъ за здравье крестьянъ.

Нужно было вмѣшаться въ толпу представителей крестьянства, успокоить ихъ пугливую трусость при видѣ шитыхъ мундировъ, умѣть заговорить съ ними, чтобы видѣть радостныя лица при такой неожиданной для нихъ милости; нужно было слышать ихъ наивныя, простыя, но исполненныя чувства рѣчи, чтобы понять, какъ они довольны. Мнѣ приходилось много говорить съ крестьянами, я былъ не въ шитомъ мундирѣ. говорилъ съ ними понятною для нихъ рѣчью, успѣлъ вызвать ихъ на откровенный разговоръ,—и сколько любви къ родной Россіи, сколько преданности и благоговѣйнаго почитанія къ ея Царю, выражавшихся и въ глазахъ, наполненныхъ слезами, и въ самой вибраціи голоса, мнѣ удалось видѣть и слышать! А услышали бы враги Россіи и ея Царя, какою грозою дышала рѣчь представителей крестьянства къ возмутителямъ; какая ненависть высказывалась къ нарушителямъ ея мира и покоя Царя! Пусть услышатъ и увидятъ—

тогда поймутъ Россію, поймутъ, гдѣ грозная сила и крѣпость ея, гдѣ оплотъ отъ всѣхъ напастей, гдѣ тотъ тяжелый кулакъ, который бьетъ пока *не мѣтко, да цѣлко.*

Сколько можно было замѣтить, довольны остались представители крестьянъ и днемъ, и радушнымъ угощеніемъ. Сначала они какъ будто робѣли, видя эту величественную и грозную обстановку, шитые мундиры, войско. Но потомъ, ободренные привѣтливыми и ласковыми словами князя, его частыми обращеніями къ нимъ, они постоянно привѣтствовали криками ура, когда только онъ показывался на балконѣ, въ саду, а наконецъ схватили его на руки и, при неумолкаемыхъ крикахъ „ура“, понесли его по всему саду.

Въ шесть часовъ въ театрѣ былъ даровой спектакль, состоящій изъ двухъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ. Только одинъ ярусъ ложъ былъ занятъ чиновнымъ людомъ; прочія мѣста были заняты крестьянами и войскомъ.

Послѣ спектакля на площади, предъ домомъ губернатора до 11 часовъ играла музыка, пѣли пѣсеньники. Наконецъ нашъ народный праздникъ окончился фейерверкомъ и гимномъ: „Боже Царя храни!“

Иллюминація въ городѣ была очень хороша. Всѣ русскіе дома были иллюминованны прекрасно, а польскіе сообразно чувствамъ ихъ обитателей къ Россіи; возлѣ иныхъ домовъ вовсе не было плошекъ и ставни были закрыты.

Этотъ чисто народный праздникъ, соединившій все русское общество, оставилъ по себѣ самое отрадное впечатлѣніе, сдѣлалъ насъ болѣе увѣренными въ самихъ себѣ, далъ надежду на лучшее развитіе, на лучшую будущность и заставилъ гордиться, что мы русскіе. Мнѣ было отрадно, хоть я и не дѣлался собственникомъ; вдали виднѣлось только что-то свѣтлое для здѣшняго края, видѣлся миръ и покой, изчезновеніе всѣхъ тайныхъ враговъ Россіи и ея народности. Вообще, кого только мнѣ удалось распрашивать, всѣ вынесли радостное чувство.

Но при этомъ народномъ праздникѣ не присутствовали враги русской народности съ своими траурными нарядами; съ ихъ запонками, брошками и поясами съ изображеніемъ сумазброд-

ныхъ польскихъ личностей, *обронцовъ* (отъ русскаго глагола *ронять, обронить*) *ойчизны*. Совсѣмъ не слышна была и польская рѣчь. Да и хорошо сдѣлали, что не присутствовали; наслышались бы они про себя такихъ вещей, что у многихъ бы вѣроятно произошло разлитіе желчи. Не многіе, болѣе или менѣе равнодушные къ дѣлу ойчизны, издали только посматривали на нашу радость, на наше торжество. Да, имъ тяжело было бы присутствовать при русскомъ народномъ праздникѣ съ ихъ пустыми надеждами и мечтами, которымъ не суждено исполниться. Имъ тяжело было видѣть, что рушилась послѣдняя связь, посредствомъ чего они окончательно теряютъ свое вліяніе на здѣшній народъ. Имъ нужно теперь сознаться, что если они думаютъ и чувствуютъ не такъ, какъ думаютъ и чувствуютъ всѣ русскіе, то они отверженные отщепенцы въ здѣшнемъ краѣ, которымъ *пора собираться домой*.

Для нихъ возможенъ одинъ исходъ, безъ котораго имъ не сдобровать въ русской землѣ. Пасть ницъ предъ милостивымъ Монархомъ, чистосердечно покляться предъ Нимъ, дать торжественное заявленіе, что прекращаютъ всякія сношенія съ врагами Того, Который излилъ на нихъ столько милостей и благодѣяній. Пасть на колѣни предъ Россіей и просить прощенія за нѣсколькихъ сыновъ ея, которымъ суждено было пролить свою кровь за спокойствіе и охрану ея. Думать и чувствовать такъ, какъ думаютъ и чувствуютъ всѣ русскіе. Обнять меньшихъ братьевъ, но не такъ какъ прежде обнимали, съ враждою въ сердцѣ, съ задними мыслями, съ желаніемъ обмануть; меньшіе братья не забыли вашихъ прежнихъ объятій,—не надули вы ихъ и недавними.— Вотъ что вамъ приходится исполнить. Исполните все это,—и русскіе снова съ любовію, какъ прежде, забывъ ненависть и презрѣніе, питаемое теперь къ вамъ, подадутъ вамъ руку примиренія. Исполните все, что требуютъ отъ васъ совѣсть, честь и благо человѣчества, — *и только тогда найдется вамъ мѣсто среди насъ!*

М. Б.

Архипастырское увѣщаніе самогитскаго р. к. епископа.

МАТВѢЙ КАЗИМІРЪ

ВОЛОНЧЕВСКІЙ,

Божіею и Апостольскаго престола милостію

Епископъ Самогитскій.

Паству свою любезно привѣтствуетъ.

Въ началѣ смятенія въ нашемъ краѣ, посылая къ вамъ посланіе, приглашалъ я васъ къ раскаянію и исправленію грѣшной жизни, дабы Господь Богъ, разгнѣванный на васъ, творенія своя, безпредѣльно не хотѣлъ испытывать. Вы, дѣтки мои, внявъ отцовскому гласу, молитесь и вздыхаете, ожидая помилованія и водворенія мира и хорошо дѣлаете; ибо всякія приключенія на земномъ поприщѣ по волѣ Господа Бога случаются. Войною и смятеніями Его всемогущая десница премудро управляетъ. Промолвитъ слово и земля содрагается; повелитъ вѣтрамъ и водамъ, чтобы умолкли и мгновенно является милая тишина. Потому то и вторично, обращаясь къ вамъ съ посланіемъ, опять отъ раскаянія и призыва къ молитвѣ рѣчь мою начинаю. Ежедневныя бѣды и хлопоты, горестный плачъ и глубокіе стоны ясно показываютъ намъ, что Господь Богъ еще на край нашъ гнѣвается и сердится, и, не возвращая вождѣленнаго для насъ мира, жаждетъ болѣе къ себѣ насъ приблизить. За симъ, дѣтушки мои милые, овечки мои любезныя, не ожесточайте сердецъ вашихъ, а напротивъ, будучи тяжело угнетены бѣдствіями, не щадите молитвъ и раскаянія. Во первыхъ молитесь, дабы Богъ кровопролитію положилъ конецъ дабы смятеніе, которое столь больно насъ удручило, поспѣшнѣйше прекратилъ, дабы въ сердца всѣхъ вложилъ любовь взаимную. Молитесь также за Его Величество Государя Императора АЛЕКСАНДРА II, нашего законнаго Монарха и Самодержца обширныхъ земель, дабы Господь Богъ вспомоществовалъ Ему небесною своею благодатью, и, обогативъ Его душу всякими доблестями, руководилъ Его на пути добродѣтели и любви ко благу подданныхъ, коихъ поручилъ Его власти. Молитесь за всѣ сословія Имперіи, за министровъ, губернаторовъ и другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дабы всѣ они, милостію Божіею озаренные и одушевленные, волю Господа усердно и повсемѣстно исполняли

и съ пути доблести не сходили. Молитесь и вздыхайте, кайтесь въ своихъ заблужденіяхъ, и навѣрно, Господь милосердый, воззритъ на грѣшное созданіе свое и успокоитъ въ краѣ нашемъ смятеніе. Мы усердно жаждемъ и вздыхаемъ къ водворенію мира и готовы на все, лишь бы спокойствіе возстановилось; не менѣе насъ жаждетъ тишины и высшее правительство, и главные начальники. Всякія предпринимаютъ они мѣры, издаютъ разныя постановленія, караютъ виновныхъ въ мятежѣ, чтобы обуздать востающихъ противъ законной власти. Вотъ и теперь сдѣлано объявленіе отъ главнаго начальника края, чтобы всѣ удалившіеся въ мятежъ возвратились съ раскаяніемъ во свояси. Потому, желая спасти тѣхъ, которыхъ можно еще спасать, внушаю вамъ всѣмъ, дѣти мои, смиреніе передъ правительствомъ и приказываю не слушаться тѣхъ, кои вводятъ васъ въ заблужденіе, обѣщая заграничную помощь; такъ какъ въ настоящую пору ясно уже, что безумныя надежды эти не сбудутся и если вскорѣ не положите оружія, всѣ до одного погибнете. А потому, безусловно предайтесь на волю и помилованіе высшаго въ нашемъ краѣ начальства, которому Государь Императоръ поручилъ объявлять прощеніе всѣмъ, положившимъ оружіе и чистосердечно кающимся. Паны и дворяне въ подаваемыхъ адресахъ изъявили уже свою покорность и просятъ о помилованіи Государя Императора; за симъ и вы, дѣти мои, не упорствуйте долѣе и неотставайте отъ нихъ въ покорности передъ правительствомъ, памятуя всегда, что край нашъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ Россіею, подъ благотворнымъ скиптромъ Августѣйшаго Монарха, общаго нашего Благодѣтеля. Послѣ того можно будетъ надѣяться, что высшее начальство, увидя въ краю водворенное спокойствіе, перестанетъ карать соучастниковъ мятежа, и воззря на заточеныхъ любимыхъ вашихъ духовныхъ наставниковъ милосерднымъ окомъ, дозволитъ имъ возвратиться къ своимъ костеламъ, а всѣмъ намъ наслаждаться по прежнему благоденствіемъ. Сіе мое посланіе прочтутъ ксендзы съ амвона собранному въ праздничный и воскресный день народу на молебствіе. М. Ворни, 1863 года сентября 6 дня.

Подлинное подписалъ:

Епископъ Матвѣй Волончевскій.

КІЕВСКОМУ БРАТСТВУ. *)

Привѣтъ вамъ, кіевскіе братья!
Привѣтъ вамъ вся Россія шлетъ
И, простирая къ вамъ объятья,
Отъ умиленья слезы льетъ.
«Желанные мои, родные!
Славянская святая кровь!
Всѣ ваши помыслы благіе,
Всю вашу вѣру и любовь
Я крѣпко къ сердцу прижимаю,
Благословляю, лобызаю,
И благодать Творца міровъ
Я всенародно призываю
На васъ—на всѣхъ моихъ сыновъ!
Подъ сѣнью кіевскаго Братства
Единство Руси возрасло,
И Братство отъ ляховъ злорадства
Россію малую спасло.
Богданъ Хмѣльницкій и Могила,
Два старшихъ брата изъ семьи,
Ихъ вдохновила Божья сила
Защитой быть родной земли!
Гряди жъ и ты, младое Братство,
Во слѣдъ великихъ братій сихъ,
Безъ всякаго лицепріятства
Во всѣхъ дѣяніяхъ твоихъ

*) Цѣна отдѣльному оттиску этаго стихотворенія 3 коп. сереб., а деньги эти назначаются на свѣчу предъ братской иконой Божіей Матери, что въ Братскомъ монастырѣ. Продаются эти оттиски въ редакціи Вѣстника, въ иконной лавкѣ братскаго монастыря, и въ книжной лавкѣ г. Литова, на Подолѣ и Крещатикѣ.

Преслѣдуй цѣль одну, святую:
Народъ и вѣру защищать,
И древнюю страну родную
Отъ иноземья очищать!
Святые храмы, школы, вдовы,
И воспитаніе сиротъ...
Давно предметы ужъ готовы
Для вашихъ, братіе, заботъ.
Перекреститесь, начинайте!
Не медлите добро творить!
Не унывайте, уповайте,
И Богъ васъ всѣхъ благословитъ.»

ВОЗЗВАНІЕ

бѣлостокскаго еврея ПИНЕАСА ШИФА къ своимъ единовѣрцамъ, по поводу возстанія польскихъ мятежниковъ [1]).

Искреннее чувство братской любви побудило меня поговорить съ вами, братья мои, о священномъ долгѣ нашемъ, который каждый вѣрноподданный съ усердіемъ свято исполнять долженъ, и объ отношеніи къ намъ поляковъ. При томъ маленькое, но смѣлое и похвальное событіе, которое должно интересовать каждаго русскаго еврея, обращаетъ особенное наше вниманіе. Съ 14 на 15-е іюня въ пятницу ночью, въ мѣстечкѣ Тржцаны, бѣлостокскаго уѣзда, когда всѣ жители послѣ

---

[1]) Редакція Вѣстника весьма благодарна почтенному автору этого воззванія за лестный его отзывъ въ пользу Вѣстника и за сообщеніе ей настоящаго воззванія, весьма краснорѣчиваго, въ виду тѣхъ надеждъ на евреевъ, которыми убаюкиваютъ себя польскіе мятежники и тѣхъ клеветъ, которыя они распространяютъ о русскихъ евреяхъ за границей. Ред.

дневныхъ занятій хотѣли предаться сну, прибыло 15 вооруженныхъ мятежниковъ, съ требованіемъ выдать нѣкоторыхъ евреевъ, которыхъ хотѣли они казнить за то, что евреи увезли тайно въ Бѣлостокъ отставнаго солдата, котораго нѣсколько дней тому назадъ мятежники хотѣли повѣсить. Во время этого нападенія, всѣ евреи, старъ и младъ, вышли къ инсургентамъ и начали просить объ отступленіи, но они упорно аттаковали мѣстечко и грозили всѣмъ невооруженнымъ жителямъ лишеніемъ жизни за малѣйшее замедленіе въ выдачѣ будто бы виновныхъ. Евреи, видя свое отчаянное положеніе, недолго думавъ, схватили кто что могъ, и выступили противъ мятежниковъ, схватили одного изъ нихъ, а остальные успѣли спастись бѣгствомъ. Плѣннаго связали, приставили караулъ, и въ ту же минуту отправили еврея въ Бѣлостокъ (не смотря на то, что это было въ субботу,—когда евреямъ воспрещается ѣздить) съ донесеніемъ начальству о семъ событіи и съ прошеніемъ—прислать туда военную помощь Предъ прибытіемъ войска мятежники прислали одного изъ нихъ съ предложеніемъ перемирія и съ требованіемъ выдачи плѣннаго; но евреи, проникнутые сознаніемъ долга и святости присяги, съ презрѣніемъ отвергли это беззаконное предложеніе, связали парламентёра, и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія войска, опасаясь нападенія большей шайки По прибытіи небольшаго военнаго отряда изъ Бѣлостока, нѣкоторые евреи поѣхали съ нимъ отыскивать мятежниковъ; но сіи послѣдніе скрылись, такъ-что только 12 человѣкъ поймано и отвезено въ Бѣлостокъ; эти пойманные открываютъ прочихъ мятежниковъ. При этомъ случилось событіе, продолжавшееся нѣсколько минутъ, но достойное заявленія! Когда козаки издали увидѣли жителей м. Тряцаны вооруженныхъ кольями, кочергами и полѣньями, то сочли ихъ за поляковъ, а евреи, считая козаковъ за новоприбывшихъ мятежниковъ, смѣло выступили противъ нихъ съ громкимъ ура!— но когда сблизились, то узнали другъ друга, подали дружескую руку и со слезами радости благодарили своего Царя за то, что онъ неоставилъ своихъ подданныхъ. Дѣти, которыми прежде овладѣлъ паническій страхъ, при видѣ русскаго войска, изливали душевную радость свою въ шумныхъ восклицаніяхъ. Вообще русскіе евреи стараются дѣломъ и словомъ доказать безкорыстную приверженность Царю и отечеству—Россіи, не-

смотря на обольщенія, которыми поляки хотѣли приманить евреевъ на свою сторону. Каждый еврей, проникнутый религіознымъ чувствомъ, старается увѣрить всякаго встрѣчнаго въ беззаконности и нелѣпости польскаго мятежа и оказываетъ презрѣніе къ шайкамъ польскихъ разбойниковъ.

Любезные братья мои! вотъ вамъ живой примѣръ смѣлости и патріотизма евреевъ малаго мѣстечка. Возьмите себѣ въ примѣръ это событіе, старайтесь всегда быть искренними и вѣрными подданными своего законнаго Царя и любить свое отечество—Россію, которая печется о насъ, какъ о всѣхъ вообще подданныхъ. Мы, евреи, обязаны и нашимъ благополучіемъ, и нашимъ просвѣщеніемъ сердобольному и мудрому Царю нашему. Кто зорко слѣдитъ за быстрымъ перерожденіемъ нашего отечества, какъ въ политическомъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ, тотъ, конечно, согласится, что виновникомъ этого отраднаго явленія была отеческая заботливость нынѣ царствующаго Государя Императора—улучшить состояніе учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитываются, безъ различія вѣроисповѣданія, будущіе дѣятели Россіи. Денно и нощно должны мы, евреи, молиться Творцу за здравіе и долгоденствіе Царя, за крѣпость и цѣлость Россіи, которая осыпаетъ насъ своими щедротами. Подъ сѣнію Монарха нашего, мы покоимся мирно и безмятежно, яко Израиль во дни Соломона. Читая исторію Польши, вы припомните страшныя злодѣянія поляковъ, которые, подобно древнимъ египтянамъ, хотѣли истребить все наше племя; но Всевышній десницею своею спасъ насъ отъ руки этихъ сыновъ чуждыхъ! Въ лицѣ царей русскихъ мы видимъ Моисея и другихъ древнихъ вождей народа израильскаго, мудро управлявшихъ своимъ народомъ. Не вѣрьте, любезные мои соотчичи, никакимъ обольщеніямъ и приманкамъ поляковъ! Вы помните, какъ, въ началѣ мятежа, поляки заговорили о какомъ-то съ нами братствѣ,—но развѣ мы не поняли, что это гнусная лесть, вовсе противная ихъ сердечному убѣжденію! Еще свѣжо отзывается въ памяти нашей глубокіе вздохи несчастныхъ женъ и дѣтей, мужья и отцы которыхъ въ тридцать первомъ году были безчеловѣчно казнены и повѣшены въ лѣсахъ Польши и Литвы. Невинная кровь ихъ, подобно крови Авеля, взываетъ къ небесному Отцу о мщеніи. За что же совершены были сіи злодѣянія и мученія? За приверженность къ

Престолу, за любовь къ Россіи! И теперь сіи обагренныя кровью руки мнимыхъ братьевъ нашихъ предлагаютъ намъ братство и союзъ, которыми думаютъ заглушить въ насъ совѣсть и вѣрность! Сколько и теперь еще польскіе демагоги проливаютъ невинной крови братьевъ нашихъ и собратьевъ нашихъ русскихъ. Да будутъ незабвенны для насъ священныя слова пророка нашего: взыщите мира земли, на ню же преселихъ васъ тамо и молите Господа за ня, яко въ мирѣ ихъ будетъ миръ вамъ [1]). Намъ нечего бояться злодѣяній и гнусныхъ вымысловъ поляковъ, когда мы находимъ подъ тѣнью распростертаго надъ нами крыла Россіи помощь и защиту, и когда щедрое правительство наше, недремлющимъ окомъ, бдитъ надъ нами и хранитъ насъ, какъ собственныхъ дѣтей своихъ, отъ всѣхъ гнусныхъ замысловъ враговъ нашихъ. Каждый истый—русскій еврей носитъ въ сердцѣ горячую благодарность Царю за эти Его милости; память о нихъ перейдетъ въ самое отдаленное потомство. Въ Его незабвенное царствованіе каждый озаряется Его свободою и добротою, лишь одни поляки отринули ее. И такъ, любезные братья мои, усугубите, если это возможно, свой русскій патріотизмъ: дѣломъ и словомъ преслѣдуйте мятежниковъ, нарушающихъ спокойствіе нашего отечества, смущающихъ благую душу нашего Повелителя. Будьте вѣрными сынами отечества и, гдѣ только дѣло коснется умноженія его благосостоянія и преуспѣнія его интересовъ, не отставайте отъ другихъ сыновъ Россіи. Пора забыть закоснѣлые религіозные расчеты, которые раздѣляли насъ отъ русскихъ нашихъ собратьевъ; пора братскою любовью скрѣпить вѣчный и неразрывный союзъ и кровью жертвовать за Царя и отечество наше—Россію. Окончу словами: Бойся Бога, сыне, и Царя и ни единомуже ихъ противися [2]).

Пинеасъ Шифъ.

---

[1]) Іеремія XXIX, 7.

[2]) Притчи Солом. XXIV, 20.

СОДЕРЖАНІЕ I КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

(Окончаніе).

Въ книжные магазины, **С. И. Литова, въ Кіевѣ** 1). На Крещатикѣ, въ д. Эйсмана и 2). На Подолѣ, въ д. Серебреникова, по Александровской улицѣ, и въ **С Петербургѣ**, на углу Невскаго проспекта и малой садовой, въ домѣ графа Менгдена — поступили въ продажу слѣдующія книги:

Книга премудрости Iисуса сына Сирахова, въ русскомъ переводѣ. Спб. ц. 30 к., съ перес. 55 к.

Корфъ Баронъ. Возшествіе на престолъ Императора Николая 1-го Изд. 5-е Исправленное и дополненное Спб. 1857. г. ц. съ перес 1 р.

Карфъ Баронъ. Жизнь Графа Сперанскаго. 2 тома съ треия портретами. Исправленное Спб 1861 г ц. съ перес. 3. р. 75 к.

Крестовскій. Вс. Сочиненія 2 ч. съ портретомъ автора Спб. 1863 г. ц. съ перес. 3. р, 50 к

Лихутинъ. Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854 и 1855 годахъ. Спб. 1863 г. ц. съ перес. 3 р.

Михайловъ Приготовительный курсъ зоологіи, составленный по методѣ Любена и Габріеля Спб. 1862 г. ц. 30 к. съ перес. 55 к.

Новицкій. Постепенное развитіе философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. 4 т. Кіевъ. 1861 г. ц. 6 р

Писемскій. Сочиненія 3 тома съ портретомъ автора. Спб. 1861. г. ц. 9 р. съ перес. 10 р.

Популярная метеорологія. Погода во всѣхъ ея проявленіяхъ и вліяніе ея на жизнь растеній и животныхъ существъ, съ объясненіемъ причинъ, признаковъ, примѣтъ и предсказаній измѣненій погоды. Общепонятно изложено г Казеромъ перев. съ нѣмец. 1862 г. ц. съ перес. 1 р 30 к.

Прудниковъ. Чего же хочетъ Польша? Спб. 1863 г. ц. 20 к. перес. отъ 1 до 5 экз. за 1 ф.

Польскій катихизисъ. Спб. 1863 г. ц. 10 к. перес. отъ 1 до 10 экз. 1 ф.

Путятинъ. Катихизическія бесѣды. Рыбинскъ Спб. 1863 г. ц. съ перес. 1.

Путятинъ. Новыя краткія поученія XX. М. 1863 г. ц. съ перес. 1 р.

Русское духовенство. Книга напечатанная въ Берлинѣ. Содержаніе ея: I) Разоблаченіе клеветы на русское духовенство. II) Сужденіе о книгѣ, изданной въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи.» III) Духовное званіе въ Россіи. IV) О благотворномъ участіи православной церкви и пастырей ея въ судьбахъ Россіи. V) О монашествѣ. VI) Взглядъ православнаго на санъ Епископа. VII) Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ: «Описаніе сельскаго духовенства.» Цѣна съ перес. 2 р. 25 к.

Самчевскій. Фридрихштадтская учительная семинарія въ Дрезденѣ и школа при ней. Кіевъ 1863 г. ц. 40 к. съ перес. 65 к.

Скобрцовъ Пріуготовительныя свѣдѣнія таксаціи. Краткія основанія Естественной исторіи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству М. 1863 г. ц. съ перес. 2. р. с.

Справочный энциклопедическій лексиконъ сновидѣній болѣе 3000 объясненій явленій сна. Спб. 1863 г. ц. съ перес. 1 р. 30 к.

Стоглавъ. Соборъ бывшій при государѣ царѣ и В. К. Иванѣ Васильевичѣ. Спб. 1863 г. ц. съ перес. 2 р. 50 к,

Токвиль. Старый порядокъ и революція, Переводъ съ 4-го изд. Спб. 1861 г. ц. съ перес. 1 р. 80 к.

Философскій лексиконъ. С. Г. томъ 2-й литеры г. д. е. ж. з. и. Кіевъ 1861 г. ц. 3 р 50 к. тоже томъ 1-й Спб. 1859 г. изданіе 2-е ц. съ перес. 3 р.

Щебальскій. Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода XVII вѣка) 4 выпуска Спб. 1862 г. ц. съ перес. 2 р 75 к.

Щедринъ. Сатиры въ прозѣ. Спб. 1863 г, ц. съ перес. 2 р.

Эстерлена Человѣкъ и сохраненіе его здоровья, Общепонятныя гигіеническія письма. Вып. 1-й Спб. 1863 г. ц. съ перес. 1 р.

Ѳаворовъ. Руководство къ церковному собесѣдованію или Гомилетика Кіевъ 1861 г. ц. 1 р. съ перес. 1 р, 25 к,

Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи, въ 1863 г. составлена и описана профессорами университета св. Владиміра. Кіевъ 1863 г. въ 89. 61, стр. ц. 30 к. съ перес. 65 к.

СОДЕРЖАНІЕ I КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.